

MYCORILLMK

Annotation

Верховный некромант сбегает из погибающего мира, но из-за вмешательства неизвестной силы переносится в умирающее тело парня, живущего на огромной свалке. Самое ужасное, что магия недоступна из-за катаклизма, и надеяться приходится только на острый нож и боевые искусства.

Глава 1

— Четыре меры меди, две меры алюминия, целый стакан, три ложки... — невысокое существо в обмотках песочного цвета склонилось над рюкзаком. — Забыл. Две меры меди...

Среди осыпавшихся остовов многоэтажек, зловеще гудящих от налетающего горячего ветра, под стыком обвалившихся плит, существо раз за разом пыталось уместить в памяти содержимое сумки. Худые руки с обветренной серой кожей, пересыпанной мелкими язвочками, робко касались холодного металла.

— Выйдет норма? — потрескавшиеся тонкие губы разомкнулись. — Так, две меры меди...

Полутораметровая сгорбленная фигура жалась к обвалившимся стенам, стараясь держаться в тени. Вывернутый тазовой сустав заставлял существо двигаться вприпрыжку, словно в несуразном пьяном танце. Плоское лицо, перерезанное тугими пожелтевшими бинтами, чутко поворачивалось на каждый звук. Существо боялось.

В опустевший город не заходили хищники, здесь нечасто бродили другие искатели, но вот дети... Они нередко нападали, забирая с трудом собранную добычу и жестоко избивая существо. Нет нормы — нет еды, нет лекарств, нет корма для Габса.

Разрушенные высотки уступили место коттеджами, по крыши вросшими в землю. Синие цветы горчанки застлали склоны рыжих холмов, сменив слепящий белый песок мертвого города. Существо приободрилось, зачистив кривыми ногами.

Сегодня он доберется до Большого, отдаст норму и будет много кушать вместе с Габсом, а затем гладить его мягкую шерсть, пока не уснет. Круглые, рыбы глаза сощурились от предвкушения.

Существо не заметило тяжелый подшипник, вылетевший из кустов. Металлический шарик, не причинивший бы вреда обычному человеку, легко пробил черепную кость.

— Попал! Прямо в лобешник этому уродцу! — из зарослей выскочил толстый рыжий парень с рогаткой.

За ним последовали другие подростки, наперегонки помчавшиеся к трясущемуся существу.

— Че он там притащил? На кмыс хватит? — прибежавший первым тощий одноглазый пацан схватился за рюкзак. — Эй, че это с ним?

— Да от страха трясется, — заявил рыжий с рогаткой.

— Смотрите, у него кровь из башки течет, — заметил кто-то.

— Сука, Большой нам башню открутит за мокруху, — быстро отошел одноглазый. — Валим отсюда.

— Покормите Габса, надо его кормить... — умирающее существо вытянуло руку к убегающим детям. — Габс... Нет лап. Покормите Габса. Пожалуйста...

Оказывается, переродиться больно. Особенно, если тело кардинально отличается от прежнего. И уж тем более, когда твоя предыдущая оболочка была мертва. Но такой мерзкий калейдоскоп ощущений, вроде выкручивания костей из суставов, тошноты, и ураганного головокружения, я испытал впервые.

Как же немощна живая плоть...

Вода. Мне нужно вода. Окружение превратилось в мешанину темно-серых полос стены,

коричневого пола и желтого потолка. Всюду валялся мусор Настоящие завалы из пластиковых тарелок и упаковок.

Бутылка? Открутив крышку, я жадно припал к горлышку, поглощая кисло-сладкую жидкость. Черт, почему так мало? Тело отреагировало на движения дергающей болью в затылке и ломотой в ребрах. Надо передохнуть пару часиков.

Очнулся в полной темноте. Пересохшее горло дерло и саднило, словно его терли наждачкой. Привстав, я начал водить руками, пытаюсь найти, где включается свет, но в итоге только вступил в какую-то липкую дрянь.

Надо ждать рассвета.

Комнату залил бледный, как дешевый чай, свет. Я переродился на мусорке? Цветастые упаковки с остатками лапши, плоские коробки, множества бутылок и бумажной тары. Свалка!

В позеленевшей жестяной раковине гора посуды, начавшей обрастать пластами черной плесени. Отыскать чистый стакан не удалось. Из загудевшего крана полилась ржавая вода, спустя минуту ставшая еще более насыщенного коричневого оттенка. Плевать.

Фух, как железом отдает! Даже с сильной жаждой мне не удалось сделать больше глотка.

Я пошел разыскивать зеркало. Надо уже узнать, как выглядит новое тело. В ванной комнате — узкое помещение с отбитой плиткой, росшими между щелями желтым лишайником и дырой в полу, откуда несло дерьмом — зеркала не оказалось. Что это за место? Даже рабы живут в лучших условиях.

Зеркало отыскалось на столе, блеснув в лучах восходящего светила. Потрескавшееся замутненное отражение заставило меня в порыве гнева швырнуть стекляшку в стену. Дерьмо!

Был ли я прав, покинув Гален, мой родной умирающий мир? Хотя другого выхода все равно не оставалось. Возможно, я остался единственным разумным, не пораженным Бичом плоти — чудовищным вирусом, прилетевшим из далекого космоса.

Бич плоти заражал любые живые организмы, превращая их во всевозможные формы распространителей. Огромные стометровые мясные големы, сверхбыстрые Ангелы плоти, овладевшее магией Око, крошечные паразиты Шу, проникающие через любые фильтры.

Никакая цивилизация не смогла бы справиться с Бичом плоти, но Гален попытался. Благодаря нашей искусной магии, почти все выжившие превратились в живых мертвецов во главе с Верховным некромантом. Бич плоти не мог заражать мертвые организмы.

Меньшая часть осталась в воздушных убежищах, названных Небесными колыбелями, чтобы продолжать род.

Все это случилось за девятьсот лет до моего рождения. Гален сопротивлялся целое тысячелетие, но с каждым столетием наша численность неуклонно снижалась. В моем поколении родилось всего сто тридцать два ребенка, большая часть которых страдала от врожденных пороков. До пятнадцати дожило двадцать. Всего пятеро смогли овладеть второй веткой магии, помимо некромантии.

Бич плоти путем подбора сумел прийти к идеальной форме, когда мне было сорок три года. Стотонные Голиафы — насекомоподобные твари, с торчащими из панцирей живыми пушками, за три дня уничтожили все Небесные колыбели.

Центры сопротивления на земле — сотни Некрополисов, разбросанных по всему Галену, начали угасать без притока людей.

Когда мне исполнилось шестьдесят девять, я стал Верховным некромантом, хотя под моим началом остался лишь один Некрополь-7.

В девяносто один год мне удалось овладеть третьей ветвью магии, в девяносто восемь — четвертой, в сто тринадцати — седьмой. Вероятно, я стал самым могущественным галенцем из когда-либо живших. Мне удалось воздвигнуть вокруг города непреодолимый для Бича плоти барьер, вот только... в Некрополе-7 не осталось ни души.

Когда мне исполнилось сто шестьдесят лет, вирус смог пробиться через оболочку. Но мне были подвластны все стихии, смерть и жизнь, порядок и хаос, пространство (с управлением временем не вышло, здесь я оказался бездарен). За минуту сотни километров превратились в дымящиеся потоки лавы, орошаемые кислотным дождем и пронзаемые разрядами молний. Только вот смысл?

Продолжив исследование магии, ведь что еще оставалось, мне удалось заглянуть за границы миров. Я погрузился в нескончаемый поиск, перебирая тысячи... безжизненных мест, пока не обнаружил, что провел за этим занятием больше сотни лет. За эти годы Бич плоти покрыл Гален многометровым живым слоем, жадно поглощая солнечную энергию, чтобы бессмысленно превратить ее в тупую биомассу.

Вселенная безжалостна. Все миры, в которые удалось заглянуть оказались пусты, пока спустя полсотни лет я не заметил специфические вибрации, характерные для мест обитания разумных. Оставалось научиться перемещаться между мирами.

Через тридцать лет я понял, что не владея магией времени, нельзя переместить свою оболочку в другой мир. А спустя еще пятьдесят, что даже с душой выйдут проблемы. Между тем, физическое тело находилось на грани. Я даже не смог бы встать из позы для концентрации, чтобы не рассыпаться прахом. Помогал лишь бальзамирующий раствор, в который было погружено тело.

Оставалось двадцать-тридцать лет.

Основной проблемой была энергия. Чтобы переместиться нужна прорва энергии. Здесь на помощь пришел Бич плоти, который незаметно для себя стал донором жизни, впоследствии перерабатываемой в «ману». И ее не хватило.

Я погрузил в себя искусственный сон, сумев продержаться пятьдесят два года. Когда жизненный сосуд безвозвратно разрушился, накопленная энергия подхватила душу, зашвырнув ее на границу между мирами.

Разум не может существовать вне материи, поэтому огромное количество маны приходилось тратить на поддержание искусственного энергетического конструкта. Не шло никакой речи об выборе мира, лишь бы удалось дойти до ближайшего обитаемого.

Никогда не перемещаясь, я не учел парочку феноменов — разрушающее влияние Границы миров, практически невыносимый ментальный шум, сводящий с ума, и чудовищные искривления пространства. Хотя последнее можно было предугадать. Чудом мне удалось направиться к подходящему миру, как в момент перехода вмешалась неизвестная сила.

Меня потащило через Границу миров с огромной скоростью и пришлось потратить остатки энергии, чтобы защитить душу. Когда энергии не осталось, все духовные аспекты подверглись мощному деструктивному влиянию. Я одно за другим терял освоенные направления магии, вплетенные в душу.

Когда надежды не осталось и начало стирать ядро личности, меня вышвырнуло в странный, искалеченный мир. И теперь я в теле, похожем на загибающуюся от проказы

крысу.

Сев в позу для концентрации, я обнаружил в новом теле многочисленные врожденные дефекты. Не только на уровне генов и морфологии, но и в магической структуре. Ослабленный и хрупкий опорно-двигательный аппарат, нарушения обмена веществ, и сильное аутоиммунное заболевание. Мать твою, да я на пороге смерти!

Магия, мне срочно нужна магия. Здесь все было не так печально, хотя вонючее тельце оказалось практически бездарным. Ни одной хотя бы немного выдающейся ветви. Нет даже слабого утолщения.

— Мне пиздец, — прошептал я, быстро просканировав мир на предмет концентрации энергии. — Почему так мало?

Если родной Гален был похож на необъятный океан, то здешний мир на лужу затвердевшего битума. Вроде и есть какие-то крохи, а попробуй отщипни. Ладно, магию отложим на потом.

Я сосредоточился на воспоминаниях тела, быстро обрисовавших жизнь полную лишений, страданий и боли. Крис — бывший хозяин — был весьма неплохим парнем, никому не желал зла, тихо собирал мусор и пытался выжить вместе с котом Габсом.

Получив память, я начал ориентироваться в убежище Криса, как в родном некрополисе. А парень был не так уж и глуп! Просунув руку в кучу мусора, я нащупал металлическую ручку и потянул ее на себя. Со скрипом поднялся деревянный щит, замаскированный наклеенным мусором, открывая проход в обустроенный подвал.

Керосиновая лампа давала тусклый мерцающий свет. Небольшая комната с кроватью, столом и шкафом, заполненным стопками книг. Крис не умел читать, но какое-то тянущееся из глубокого детства ощущение заставляло его собирать пыльные томики.

— Привет, дружище, — я почесал замурлыкавшего черного кота, устроившегося на теплой подушке. — Кто тебя так?

Крис нашел Габса котенком. Какие-то живодеры отрубили котенку лапки и собирались скормить псу, но парнишка успел спасти животное, получив укус в левую ягодицу. Только чудом Габс не умер, хотя передвигался с большим трудом.

— Кто же тебя так? — я загрузил мозг на полную, восстанавливая детали встречи.

Запомнив лица, я удовлетворенно кивнул сам себе и пошел в следующую комнату. Точнее, отодвинул фанерку, скрывающую узкий лаз. Магический фон здесь заметно превосходил остальные части дома. Он ощущался, как приятный сладковатый запах. Никогда бы не подумал, что магию можно почувствовать обычными органами. А Крис не так прост.

Узкая, как пенал комната, была заполнена одеялами и подушками, под которыми скрывались обломки, замотанные в тряпки. Вытащив первый попавшийся я внимательно его осмотрел.

Обычный кремень, насыщенный почти выдохшейся магией земли. Что-то похожее получится, если применить очень мощное заклинание и подождать пару десятков лет. Минерал был теплым на ощупь.

Я бы оценил магический фон в комнате в половину сильнее того, что наверху. Однако тягучесть и вязкость энергии никуда не делись. Я попросту не могу ее использовать привычным способом.

Живот громко заурчал. Чего? С организмом что-то не то!? Подвиснув на минуту, я пришел к неутешительной мысли — живым нужно есть. Как же утомительно.

Выйдя из потайной комнаты, я словно оказался на морозе после натопленного дома.

Этот хрупкий организм испытывает потребность в повышенном уровне магической энергии? Надо будет подробнее изучить данный аспект, как и странное чутье магии.

Еда... Небольшая банка рыбы. Есть еще неприкосновенный запас, но его следует использовать только в крайнем случае. Разделив консервы с Габсом — вкус оказался преархивнейшим, похоже, масло прогоркло, — я начал обдумывать дальнейшие действия.

Тело Криса находится на последнем издыхании. К тому же зависимо от таблеток иммунодепрессанта, которые нужно получать в обмен на добычу. У меня есть один блистер, которого хватит на неделю. Магия недоступна. Вот же засада...

Привыкнув к неподвижности, я просидел в одной позе пару часов, пока не свалился от острой боли в мышцах.

Нет, пока отбрасываем магию. Сейчас я ничего не смогу сделать в данном направлении. Будь в запасе десяток лет, тогда можно попробовать. Нужно копать в другом месте. И я даже знаю в каком.

Напившись воды, чтобы успокоить ворчащий желудок, я сел в позу для концентрации и погрузился в память Криса. Просеивая воспоминания через сито своего разума, я искал золотые пылинки, упущенные прежним хозяином.

Из случайно увиденных эпизодов и обрывков фраз часто удавалось узнать что-то полезное. Крис же попросту не придавал подобным вещам внимания ввиду поверхностности ума.

Когда я закончил, то понял, что забыл погасить лампу и весь керосин выгорел. Захотелось настучать себе по голове, ведь горючего больше не осталось. Ладно, хоть время не прошло даром.

Я находился в небольшом городке Д-2, население которого занималось переработкой мусора, привозимого из более чистых округов. Дэшка — так местные называли поселение — располагалось на границе загрязненных территорий, отчего служило полигоном для отходов. Д-2 не был единственным мусорным городком, огромная свалка тянулась вдоль границы протяженностью в тысячи километров.

В этом мире что-то случилось. В памяти Криса нашлись только отдаленные намеки, но похоже, что корни проблем с магией растут именно оттуда. Как и состояние тела парнишки. Подавляющее большинство жителей Дэшки страдало подобными болезнями, хоть и в гораздо меньшей степени. Все списывалось на влияние Белых пустошей.

Казалось бы, зачем людям селиться вблизи опасной зоны? И здесь снова начинались проблемы — формально население мусорных городов могло перебраться в более чистые округа, но на практике... За двадцать три года жизни Криса, он только пару раз услышал, что кому-то удалось переехать.

Первым делом я захотел выяснить правдивость слов про излучение Белых пустошей. Напился воды из колодца, пока не оттопырился живот и выбравшись наружу, начал изучение. Первые часы не удавалось ничего обнаружить, но как только я сместил акцент внимания с магического фона на вибрации, то заметил довольно сильные помехи. Никогда с таким не сталкивался. Что же нужно было сотворить, чтобы нарушить незыблемые законы мироздания?

Ясно одно — излучение действительно существует. Еще парочка часов ушла на оценку степени вредоносности. После анализа захотелось встать и бежать куда глаза глядят. Если взять существо с предполагаемой продолжительностью жизни в сто лет, то излучение приведет к смерти в шестьдесят, не считая возможных мутаций.

— Магический фон ослабляет влияние излучения, — сиплый голос существа, чьими связками я пользовался, вызывал раздражение. — Кхм, гости?

По грунтовой дороге, утопая в сухом песке, топала грузная женщина с синей клетчатой сумкой. Ветер трепал ядовито-малиновые волосы, вызывая стойкую ассоциацию с зарослями ядовитого лишайника с родной планеты. Лицо в рытвинах скривилось, едва она меня заметила.

— Крис, привет, — мне помахали рукой. — Принесла тебе гостинцы.

Социальная служба раз в месяц снабжала Криса небольшим набором продуктов и выплачивала денежное пособие. Вот только парнишка уже много лет ни видел ни первого, ни второго.

— Вот здесь подпись поставь, — женщина сунула мне под нос папку с бумагами.

— За что? — я безрезультатно взгляделся в напечатанные буквы.

— Ах, правильно, молодец, что напомнил, — натянуто улыбнулась женщина и вытащила из сумки жестяную банку.

— А можете прочитать? — я передал папку обратно.

— Ты думаешь один у меня такой? — маска дружелюбия наконец спала. — Подписывай давай быстрее.

— Прочитайте или не буду подписывать, — я покачал головой.

— Три банки тушеного мяса, три пакета крупы, три килограмма сезонных овощей, мука, сахар... — женщина бубнила себе под нос, иногда бросая на меня испепеляющие взгляды. — Три тысячи ван денежного пособия. Доволен теперь? Ставь давай свою закорючку.

— Где продукты и деньги? — я отвел пальцем уткнувшуюся в лицо папку.

— Ну мы же с тобой договаривались, у меня пятеро детей приемных, работаю не покладая рук, чтобы прокормить всех. Думаешь, что тебе нужнее, чем им? — нахмурилась женщина. — Как ты потом им в глаза посмотришь? Для сирот зажал?

— Где продукты и деньги? — я повторил вопрос.

— Государство еще заботиться о таких тварях, как ты, — соцработница сплюнула мне под ноги. — Ты подпись будешь ставить или по-плохому сделаем? Знаешь же, если муж приедет, то все дерьмо из тебя выбьет.

— Нет продуктов, нет подписи, — я собрался уходить в дом.

— Твоя взяла, паскуденыш, свезло, что проверка сегодня, — побагровевшая от злости тетка вытрясла сумку прямо на землю. — И деньги твои вонючие мне не нужны.

Бросив в меня три синие бумажки и получив подпись, женщина ушла, оглашая округу гневными воплями. За пятнадцать лет Крис получил положенные продукты и деньги от силы раз десять, остальное оседало в холодильнике и карманах ушедшей тетки. Если бы не проверки, то вообще остался бы с носом. А что парень мог сделать?

Собрав причитающуюся пайку, я плотно поел и покормил Габса. Больше всего радовали три тысячи ван — где-то треть от средней зарплаты в Дэшке. Неудивительно, что тетка пришла в ярость от ускользнувших из ее загребущих лап купюр.

Если слова насчет мужа правдивы, то мне стоит в скором времени ждать гостей. Нужно потратить время с пользой. Магию применять не могу, но для мелкого ремонта и восстановления организма она и не нужна. Можно обойтись внутренними резервами.

Прежде чем стать некромантом, любой галенец обязан достичь максимально возможного уровня физического развития. Мертвую плоть невозможно больше

натренировать, лишь дополнительно укрепить магией и специальными растворами. И чем основательнее фундамент, тем более высокий некрополис ты сможешь построить (*любимая поговорка моего учителя*).

Первый уровень тренировок — особая дыхательная гимнастика, насыщающая организм жизненной силой. Сев в первую начальную позу, я до поздней ночи пытался приспособить упражнение под доставшийся мне тщедушный организм. Даже самые бездарные могли с первого раза сделать тридцать вдохов, добившись нужного эффекта, я же не мог выполнить и десяти.

При правильном выполнении в солнечном сплетении будто зажигается огонь, но нынешняя оболочка никуда не годилась. Все закончилось сильным головокружением и тошнотой.

Три следующих дня прошли в попытках освоить дыхание. Никто не пришел выбивать деньги. Я ел от пуза, поглощая больше еды, чем Крис мог позволить себе за две недели. Организм не нуждался в таком количестве пищи, но я попросту не мог остановиться, откровенно наслаждаясь вкусовыми ощущениями.

Вечером четвертого дня я смог сделать двадцать вдохов и почувствовал разливающееся тепло в животе. Получилось! Ликование испортили мужской голос, надрывающийся в доме:

— А ну вышел сюда, гондон! Я тебе сказал, уродец! Или ты сейчас сам выходишь или я тебя урою!

Я притаился в подвале, надеясь, что незваный гость накричится и уйдет. Тело слишком слабо, можно умереть даже от несильного удара в голову.

— Ну, бля, ты сам напросился, крысеныш, думаешь я тебя не найду? — грохот сверху стих.

Магия! Я вскочил, почувствовав колебания. Но каким образом? Тяжелые шаги направились к мусорной куче, послышались шорохи и удары, а затем скрипнул люк. Схватив Габса, я затолкал его в лаз и закрыл фанеркой. Сам спрятался под кроватью, прихватив с собой кухонный нож.

— Добегался, ушлепок? — лестница закрипела под весом гостя. — Мы же с тобой похорошему всегда, а ты решил заднюю дать? Не, так не пойдет, Крис.

Показались ноги в тяжелых кожаных ботинках с металлическими носами и камуфляжных штанах. Незнакомец остановился на середине комнаты. Я сжал нож в вспотевшей руке. Гость двинулся к кровати, но споткнулся на лежанке Габса и растянулся на полу.

— Сука, какого хера... — наши глаза встретились. — Вот и ты, выблядок мелкий.

Острие ножа вошло в глазницу мужчины, пока широкое основание клинка не уперлось в кость. Гость вздрогнул и вытянулся. Из выколотого глаза шустро побежала кровь, стекая ручейками по неровному полу. Мертв.

Не думаю, что стоило убивать его, но рука дернулась сама, инстинктивно реагируя на опасность. На Галене по-другому не выжить.

В Дэшке исчезновения людей были не редкостью, особенно среди сборщиков мусора или ходяков в пустоши. Но подозреваю, что незнакомец был мужем соцработницы, и та в курсе, куда мог отправиться ее благоверный.

Убийство человека. Я перебрал память Криса, отслеживая все ассоциации. Почти за любое преступление отправляли на исправительные работы, откуда имелся неплохой шанс не вернуться. Десять лет каторги. Пятнадцать. Восемь. Тридцать два? Случайно

подслушанный разговор двух мусорщиков шел про убийство местного стража закона. Виновник получил тридцать два года. Но его зарезали в участке перед отправкой.

Я вылез из-под кровати и осмотрел труп. На синей форменной куртке задорно поблескивал значок в форме шита. Неловко вышло. В карманах мужика нашлось пару замасленных купюр.

Выйдя на улицу, я обнаружил велосипед возле крыльца. Поблизости никого, и в теории не должно быть свидетелей, видевших, как мужчина зашел в дом. Закатив велик на кухню, я нагреб на него мусор и спустился в подвал.

Что же делать с телом? Целиком его съесть не выйдет, особенно за день, но некоторые органы мне понадобятся, раз уж так вышло. Вооружившись небольшим топориком для колки дров, я вскрыл грудную клетку мертвеца, достав сердце и печень. Если Судьба послала мне их, то грех отказываться от толики жизненной силы.

С помощью магии я мог бы высосать соки не прибегая к таким древним методам. А так придется есть сырое мясо.

Сложив нарубленные на мелкие кусочки потроха, я принялся разделять тело на фрагменты, которые смогу унести. Наверху нашлось пару мешков, правда, начавших быстро протекать. Весь пол был запачкан кровью и придется хорошо потрудиться, чтобы его отдраить.

Крис жил в паре километров от города, в давно заброшенном районе небольших домиков. Место считалось нехорошим, особенно его северная окраина возле завода, но прежний владелец жил здесь вполне спокойно. Тут даже бродячих собак не водилось, ставших настоящим бедствием для жителей городка.

Я остановился перед лестницей, снова считывая воспоминания. На окраине довольно часто пропадали люди, но Крис почему-то не придавал этому никого значения. Но мне такая репутация только на руку.

Дождавшись пока стемнеет, я начал перетаскивать мешки к самому крайнему домику на районе, где закидывал в них камни и сбрасывал в колодец. На дне плескалась какая-то черная жижа, поглотившая улики. Велосипед отвел к заводу, где сбросил его в первый попавшийся люк. Близко подходить к мрачной серой громаде главного здания не решился.

Пока было светло, оттирал засохшую кровь. Но стоило утреннему свету заглянуть в подвал, как обнаружили десятки пятнышек и незамеченных брызг. Закончив уборку, я без сил повалился на кровать.

Органы!

С кряхтением поднявшись, я принялся медленно поглощать крошенные потроха, не забывая тщательно разжевывать. Проглотив всю миску, сосредоточился на усвоении жизненной энергии. Запаса сил гостя не хватило, чтобы справиться с болезнью, но я основательно насытил и укрепил хлипкий организм.

Через два дня удалось проделать тридцать вдохов, совершив полный цикл. Никакой речи об усилении тела не шло, я только замедлил неминуемое разрушение. Только, чтобы достичь равновесия, придется сделать около четырех циклов, что займет больше двух месяцев.

Продукты заканчивались, поэтому я принял нелегкое решение отправиться в город. Вымывшись, я отыскал среди вещей Криса синий комбинезон и немного подранную куртку с капюшоном. Отмочив бинты, снял их с лица, обнажая участки красноватой сильно шелушащейся кожи. С большими гнойными фурункулами я пока не справился, но

воспаление немного стихло. Губы и участки возле крыльев носа выглядели хуже всего — в глубоких влажных трещинах, причинявших жуткую боль при разговоре или приеме пищи.

Открыв новую пачку бинтов из неприкосновенного запаса, я снова замотал физиономию и надвинул капюшон. Сменив походные ботинки на рваные кроссовки, направился в Дэшку.

Песчаная дорога и коричневые стены лугового бурьяна сменились ломаным асфальтом и проплешинами сероватой земли. С каждым шагом деревьев и кустов становилось все меньше, пока меня не окружили ряды обсыпавшихся каменных трехэтажек, облепленных деревянными пристройками и брезентовыми козырьками. Прямо возле низеньких заборов валялся цветастый мусор, часто заслоняя саму изгородь.

Иногда здания разрастались настолько, что неказистые пристройки срачивались, образуя настоящие лабиринты. Я считал жилье Криса свалкой, но здесь хлам торчал из каждого угла и щели. Несколько ребятишек играли на крыше дома, лазая по торчащим стропилам, как настоящие пауки.

Безногий старик, сидящий возле входа в дом, поднял палку и что-то нечленораздельно прокричал мне.

Заметив на другом конце улицы несколько пошатывающихся фигур, я сразу свернул в проулок. Нужно стараться избегать любого контакта с прохожими. Криса считали местным дурачком, и никто кроме детишек его не задирал, но лучше перестраховаться.

Слева хлопнуло окно и женщина с рябым лицом выплеснула мне под ноги ведро с нечистотами. Ее некрасивая рожа скривилась, когда бабища поняла, что промазала. Блеклые глаза закатились под лоб, и створка захлопнулась, задребезжав стеклом.

В магазине с забранными решетками окнами и железной дверью, едва мне поддавшейся, было пусто и пахло рыбой. За прилавком курила продавщица — женщина лет сорока внушительных размеров, с бугрящимися мышцами на руках и огромными грудями. Одним вдохом выкурил сигарету, баба вопросительно на меня посмотрела.

— Пять банок тушенки, три банки жира, три пакета любой крупы... — я по памяти огласил список необходимого.

— А деньжата есть, Крис? — приподнялись густые черные брови.

Я показал синюю бумажку и продавщица начала выставлять продукты. Загрузив полный рюкзак, я передал деньги, но пока женщина отсчитывала сдачу, закрипела входная дверь. Как же не вовремя.

— Тина, Тиночка, привет, красавица, — в воздухе повис запах крепкого алкоголя. — По старой дружбе, запиши на счет бутылочку.

Низенький мужчина в заляпанной пожелтевшей майке-безрукавке провел узкими глазами отсчитанные купюры. Он поставил татуированную руку на прилавок и будто ненароком толкнул меня.

— Эй, дурачок, откуда бабки? — мужик неожиданно приблизил свое лицо, выпучив глаза. — А? Стырил где-то?

— Посobie, — выдавил я, смотря в пол.

— Шо!? Луиза крышей поехала что ли!? — рассмеялся алкаш и внезапно нахмурился. — Ты че мне пиздишь, шкет?

— Проверка была, — я попытался отодвинуться, но пальцы мужчины больно вцепились в плечо.

— Не у меня в магазине, — над нами нависла продавщица, сурово поджавшая губы. —

Ты меня знаешь, Толик. В последний раз записываю в кредит, если не вернешь бабки, то парни Большого зайдут к тебе в гости.

— А я че? Я ниче, — мужик демонстративно поднял руки. — Мы же дружбаны с Крисом, а ты что подумала? Что я деньги отберу у убогого? Я же ветеран, Тинка, человек большой чести.

Не дожидаясь окончания фразы, я вылетел из магазина, надеясь поскорее смотаться из Дэшки. Когда ряды домов разросшихся, как раковые опухоли, сменились растительностью пригорода, дал себе передышку. Я даже сошел с основной дороги, петляя между заброшенными цехами и полями.

Тот мужчина из магазина явно положил глаз на мои денежки. Хорошо, что удалось оторваться. Зайдя в дом, я сбросил тяжелый рюкзак. Сзади раздался шорох. Я развернулся, но перед глазами мелькнула черная дубинка и неясный силуэт, скрывавшийся в углу.

Сознание возвращалось неохотно, проталкиваясь сквозь пульсирующую боль в правом виске. Я ощупал место ушиба. Череп не проломили, только небольшое рассечение. Распотрошенный рюкзак валялся на полу, но все продукты оказались на месте. Деньги пропали.

Поднявшись, я похромал к распахнутому подвальному люку. Все оказалось перевернуто, книги сброшены с полок, матрас и подушка порезаны, столешница переломлена пополам. Похоже, напавший решил выместить на ней ярость.

Полученное пособие я спрятал наверху, запихнув купюры в пустую бутылку, и засунув ее поглубже в кучу мусора. Кто там будет его искать?

— Не бойся, дружок, — я почесал забившего в угол Габса.

Его лежанку также выпотрошили. Я приготовил ужин, сварив каши с тушеным мясом и начал подумывать об смене жилища. Уже второй человек легко отыскал спрятанное убежище, вдобавок огрев меня по голове. Причем смог затаиться, не выдав свое присутствие. Первый вообще каким-то образом использовал магию. Как же мне не хватает знаний.

Я подхватил первую попавшуюся книгу и начал выуживать из памяти Криса знакомые надписи. Спустя пару часов я составил местный алфавит и погрузился в изучение языка. И тут же столкнулся с проблемой — очень низкий словарный запас Криса. Я понимал от силы треть написанного в книге.

Пришлось искать самую простой фолиант, но тут таких просто не было. В некоторых я вообще понимал только три-четыре слова на страницу. Мне бы что-нибудь с картинками...

Отложив чтения, я проделал цикл вдохов, направив ресурсы организма на заживление раны. Еще пара дней пройдет впустую, пока справлюсь с последствиями.

Следующая неделя прошла в поисках подходящего жилья для переезда и освоении языка. Но обе проблемы просто зависли. Селиться в точно таком же домике, как у Криса, нет никакого смысла, а надежное убежище попробуй отыскать. А метод обучения по контексту совсем никуда не годился.

Снова идти в город? Я едва от прошлого посещения оправился. Только еда уже кончается, а травой питаться неохота.

Вообще, мне удалось заметить одно местечко — завод. Но громадное здание испускало такую мощную ауру опасности, что оболочка начинала трястись и потеть от страха. Распахнутые настежь железные ворота вели в густую темноту, а черные трубы покосились от времени, нависнув, будто гигантские мечи.

От раздумий меня оторвало гроыхание и лязг подкативший к дому машины. Обваренный решетками и дугами остов со спиленной крышей, ощерился декоративными черепами и клыками. Автомобиль чихнул, выпустив клуб черного дыма, и заглох, увязнув в глубоком песке. Я скептически осмотрел механизм, кто только додумался установить такие узкие и маленькие колеса на тяжелого железного монстра?

— Мля, Крис, убок, вылезай давай, надо толкнуть! — сидящая за водительским креслом девушка ударила по гудку. — Ты че сдох там, карлик?

Немного грубоватое запачканное маслом лицо со множеством татуировок недовольно скривилось, не услышав моего ответа. Тая. Дочка Большого, бывшего своеобразным благодетелем Криса, объект вожделения и поклонения прежнего хозяина оболочки.

Тая вышла из машины и чеканя шаг, быстро пошла к крыльцу. Ее достоинства, почти несдерживаемые серой майкой на лямках, подпрыгивали в такт шагам, заставив мое сердце тархтеть, как двигатель приехавшей машины. Что за фокусы?

Вместе с девкой, в дом пробрался запах машинного масла, топлива и ржавчины. Подавив естественную реакцию мужского организма, я спокойно дожидался Таю. Едва она меня заметила, как ее губы разъехались в ухмылке. Сумасшедшая разбежалась и в прыжке выбросила две ноги, собираясь ударить меня.

Я едва успел отшатнуться, но Тая ловко приземлилась и снова атаковала — пятка ее ботинка зависла у моего носа.

— Это так ты встречаешь свою хозяйку? — рассмеялась девушка и поднявшись, хлопнула меня по плечу. — Два года не виделись, Крис. Уже успел забыть лучшую подругу?

— Ты чуть не прикончила меня, — с недовольством сказал я.

— Прости, забыла, какой ты дохляк, — фыркнула подруга. — Где Габс? Надеюсь, ты его не схарчил с голодухи?

Тая взмахнула ногой с такой скоростью и силой, что мусор с крышки смело воздушной волной. Никакого всплеска магии я не почувствовал, но насколько же должна быть велика жизненная сила, чтобы наносить такие удары?

— А где восхищенная рожа? — надула губы девушка. — Вторым лучшим учеником клана показал тебе свой божественный прием! Учителя говорят, что у меня большой талант. Да хоть улыбнись, говнюк мелкий.

Найдя кота, девушка принялась его немилосердно тискать, не обращая внимания на попытки Габса ее куснуть. В итоге животное смирилось и обмякло, дав доступ к пузику.

Я внимательно смотрел на девушку, перебирая догадки. Все дело действительно в жизненной силе? Можно ее съесть и получить ответ, но последствия будут плачевны.

— Это тебе, — Тая вытащила из кармана обтягивающих шортиков небольшую красную коробку.

— Что это? — раскрыв упаковку, я увидел небольшую коричневую таблетку.

— То, за что ты должен будешь до конца жизни стоять на коленях и возносить мне молитвы, — задрала нос подруга. — Прикупила на призовые с соревнований. Одна такая стоит пятьдесят тысяч ван.

— Спасибо большое, — я сделал небольшой поклон, сложив руки за спиной, как принято на среди галенцев.

— Странный ты какой-то, по голове случаем не били? — подозрительно сощурила глаза Тая. — Кланяешься, как танцор, и говоришь нормально. Если бы не уродливая рожа, то подумала, что подменили.

— Били пару раз по голове, — признался я.

— Понятно, — задумчиво сказал девушка. — Отец спросил, чего к нему перестал заглядывать? Он уже подумал, что откинулся, даже лопату дал, чтобы прикопать.

— Пособие пришло, — пожал я плечами. — А тебя в клане сделали такой сильной?

— Завидно? — на лицо девушки вернулась обычная ухмылка. — Говорят, что у меня хороший талант. Ха!

От выброшенного кулака зашелестели страницы разбросанных книг, переворачиваемые порывом ветра. Это не магия, но может стать небольшим подспорьем.

— Научишь меня?

— Конечно нет, — покачала головой подруга. — Даже если бы ты имел крепкое тело и

талант, то за разглашение техник клана грозит смертная казнь. Ладно, мне пора, к Миле еще заехать надо. Завтра снова прикачу, тебе из города привезти что? Или ты сам начал ходить?

— Не начал, — я попытался улыбнуться, но сразу начали болеть губы. — Мне нужна книга, чтобы научиться читать и еда.

— Ты!? Читать!? — Тая округлила глаза. — Может тебя в больницу подкинуть, мелкий? Говоришь нормально, слюни не пускаешь, на сиськи не пялишься, а они на два размера подросли! Нафига тебе читать, Крис?

— Не знаю, все началось после удара по башке, странные мысли в голову лезут, — я опустил глаза в пол. — Так привезешь?

— Может мне тебя еще пару раз стукнуть, глядишь в человека превратишься? Ну хорошо, возьму дома учебники старые, — Тая покрутила пальцем у виска. — Мой старик со стула грохнется, когда про это узнает.

— Сколько денег нужно? — спросил я.

— Не зли меня, карлик, — мне в лоб прилетел крепкий щелбан. — Помогать убогим это мое призвание. Все, бывай.

Проводив взглядом машину, которую Тая легко вытянула из песка, я вернулся в подвал и открыл коробочку с таблеткой. Хм, сложная комбинация из трав. Да здесь жизненной энергии больше, чем в десяти сердцах убитого мной мужчины. На Галене ничего похоже не было. Там любое дерево или куст норовили тебя сожрать, а не поделиться жизненной силой.

Но с чего бы девушке делать такой дорогой подарок, пусть даже другу детства? Таблетка стоит, как доход обычного работяги за несколько месяцев. Или она ей досталась легкой ценой? Не найдя ничего в памяти Криса, я отложил вопрос на потом.

Теперь осталось только понять, как лучше всего распорядиться подарком. Количество энергии вполне хватит для серьезного изменения. Проведя ревизию организма, я решил выправить тазобедренный сустав и впалую грудину, остаток силы пустив на общее укрепление костного аппарата. Если попробовать ликвидировать болезнь, разрушающая тело изнутри, то есть риск бездарно слить потенциал таблетки. Одно дело кости, а совсем другое иммунитет.

Есть вариант нахрапом деформировать кости и правильно срастить или вытягивать их в нужное положение несколько дней. Первый гарантирует сумасшедшие болевые ощущения, второй долгую, но менее интенсивную пытку. Ладно, ломаем.

За время пребывания в мертвом теле некроманта разум успел позабыть, как сильной бывает боль. По итогу я несколько раз вырубался, растеряв пятую часть энергии. Матрас полностью пропитался потом и нечистотами, а тело остаток ночи трясла жуткая лихорадка.

Утром у меня едва хватило сил, чтобы вытащить обгаженную постель. Походку приходилось контролировать усилием воли, ведь тело стремилось вернуться в привычную кривую позу. Я расхаживался, бродя вокруг дома, и терпя боль в ягодице. Сварив остатки крупы, заставил себя проглотить пару ложек и отрубился до вечера. Тая так и не приехала.

Явилась она два дня спустя, когда я уже сам собирался пойти в город, не в силах терпеть голод. Подруга принесла две картонные коробки, источающие просто ошеломительный аромат. Что-то пробурчав, я впился зубами в теплое тесто, начиненное кусочками колбасы, овощами и какой-то тягучей субстанцией.

— Ты что плачешь? — удивилась девушка. — Никогда пирога не пробовал?

Даже в детстве, на Небесной колыбели, я не пробовал ничего подобного. Еда служила только для утоления голода и имела два вкуса — пресный или соленый. А когда ты мертв,

твой желудок замолкает навеки.

— Держи, только пальцы мне не откуси, — Тая передала вторую коробку. — Табл схавал?

— Угу, — я кивнул, не отвлекаясь от разжевывания.

— У тебя конечно не будет особого эффекта, но хоть не помрешь до моего следующего приезда, — подруга помахала рукой перед носом. — Слышь, ты мыться не пробовал? Воняешь, как трупак. Хотя здесь все воняют, забей.

Тая еще немного поболтала, рассказав парочку совершенно неинтересных сплетен, и одну очень важную. Пропал один из стражей порядка, и все грешат на местных бандитов, в городе обыскивают каждый угол.

Набрав ветоши, я еще раз прошелся мокрой тряпкой по подвалу, по несколько раз вымывая щели. Если сразу не пришли ко мне, значит никто не знает, что страж здесь был. Но правда имеет свойство просачиваться наружу, даже будучи глубоко закопанной в землю.

Закончив с уборкой, я принялся за чтение учебников. Начал с яркой книжки с картинками и просидел до самого утра, не заметив, как пролетело время. Поспав пару часов, снова погрузился в пожелтевшие страницы. Новые слова и правила падали в изголодавшийся мозг, как вода в горячий песок.

Жадным взглядом пройдясь по сложенным в стопки фолиантам, я все же заставил себя сделать дыхательную гимнастику. Чего уж скрывать, чтение и размышления меня всегда привлекали больше, чем физические упражнения.

Взяв несколько банок тушенки и бутылку воды, я залез в потайную комнату. Мне же нужно больше узнать о мире, куда я попал? Я любовно погладил корешки книг, выбранных наугад.

«Размышления о природе боевых искусств I»

«Воззвания к стихии камня»

«Физика в схемах и таблицах»

— Крис, твою мать, ты где, говна кусок? — меня разбудил голос Таи. — В нору свою уполз, как крыса?

Я нехотя повернулся, отодвигая завал из перенесенных в убежище книг и выполз наружу. Это тело совсем не подходит для вдумчивого долгого чтения.

— Ох, не думала, что такое возможно, но ты стал пахнуть еще хуже, — Тая зажала нос двумя пальцами. — Ты что прямо здесь гадил? Я только понадеялась, что ты человеком стал. Может все-таки ударить разок по башке?

Сколько вообще времени прошло? И когда эта надоедливая самка уйдет, чтобы я снова мог приступить к чтению? Литература Галена сильно проигрывала по сравнению с местными книгами. Среди самых старых попадались настоящие жемчужины, прочитанные мной по два-три раза.

— Слушай, ты можешь мне достать одну книгу? Первый том воспоминаний Василия Рихтера или предвестник Войны черной звезды, — с каждым моим словом девушка все больше бледнела. — Что-то не так?

— Кто ты такой? — Тая встала в боевую стойку. — Или ты ответишь или я тебя убью.

— Я Крис, кто же еще? — я начал пятиться.

— Кому ты пиздишь? Хочешь сказать, что слюнявый идиот начал интересоваться запрещенной литературой и знает имя еретика? — девушка ринулась ко мне и схватила за горло. — Кто ты, блять, такой?

Стальная хватка сдавила гортань, перекрывая доступ к воздуху. Во взгляде девушки не осталось ни капли доброжелательности, только злость и настороженность. Нажми она чуть сильнее и попросту переломает мне шею.

Иннервация тел местных отличается от галенцев, но я достаточно изучил свою оболочку, чтобы выявить уязвимые места. Сложенные щепотью пальцы ткнулись в левое подреберье девушки. Тая отпустила меня и начала шумно хватать ртом воздух, держась за сердце. Стоило мне сделать шаг, как подруга оказалась возле лестницы. Сбитого сердечного ритма хватило всего на пару секунд, как же быстро она оправилась.

— Тебе пиздец, — сплюнула девушка.

Ее жизненная сила вырвалась наружу и девушку словно окружил дрожащий горячий воздух. Первый раз такое наблюдаю. Тягучая и густая магическая энергия пришла в движение, начав собираться возле кулака подруги. Я быстро рассчитал формирующиеся плетение, но вместо внятного заклинания выходила какая-то бессмыслица.

С устрашающей скоростью Тая оказалась возле меня. Подвал наполнился завываниями ветра. Даже с абсурдной и нелепой магической техникой, ее физической силы хватит, чтобы насквозь пробить мне голову. Пытаться уклониться бесполезно, слишком велика разница в скорости.

Я приготовился к неминуемой смерти, но кулак девушки вяло ткнул меня в нос и она рухнула на пол. Розовая кожа Таи стремительно побледнела, а губы приобрели темно-фиолетовый цвет. Сомнительный комплимент, но сейчас она очень похожа на некроманта. Я прижал пальцы к ложбинке ключицы. Пульс едва ощущался.

— Только еще одного трупа мне не хватало, — пробормотал я, беря нож.

Соблюдая циклы дыхания, я постарался насытить кровь собственной жизненной силой, и сделал надрез на запястье. Рубиновые капли закапали по губам девушки. Заставив ее проглотить не меньше полулитра — пришлось порезать и вторую руку — я без сил лег на пол.

Снова неделя впустую, пока восполнится утраченное на эту дуру. Но должок за таблетку я выплатил.

Похоже, что девка потратила слишком много жизненной силы, едва не прикончив себя. Но какая же интересная техника — телесная энергия вступает в резонанс с магической, давая возможность использовать заклинания. Может убитый мной страж использовал что-то подобное? Значит это и есть описанная в книгах неограниченная сила боевых искусств. Хотя восхваление их потенциала вызывало у меня усмешку.

Если бы не аномальное поведение маны, я бы щелчком пальцев превратил девушку в безжизненное тело. Местные же развивают жизненную силу, с ее помощью воздействуя на магическую энергию. Похоже на попытку передвигаться, стоя на шаре и перекатывая его ногами. При условии, что у тебя неограниченный запас жизненной силы. Думаю, что большинство местных стоят на деформированных кубах или многоугольниках.

Моя же оболочка... Вкопанный в землю гигантский фаллос? Каменная лепешка? Даже с условием постоянных тренировок моя жизненная сила сравняется с Таей только спустя годы. И для чего? Девка не смогла даже применить банальное заклинание. Да и техник взаимодействия я не знаю.

— Что? Что ты сделал со мной? — очнувшаяся подруга попыталась отползти.

— Ты чуть не сдохла, попытавшись применить странную технику, — ответил я. — Мне пришлось потратить свою кровь, чтобы вытащить тебя с того света.

— Кровь...? — Таю стошнило бурой массой.

— Убирать сама будешь, — я недовольно покосился на расплывшееся безобразие.

— Надо сообщить магистрам, — девушка попыталась подняться.

— Хочешь заложить того, кто спас тебе жизнь? — усмехнулся я. — Друга детства?

— Не знаю, кто ты, но точно не Крис! — оскалилась Тая.

— Тогда откуда я могу знать, что ты описалась, когда на нас напала собака Рэджи, у которого мы крали арбузы? — я выудил из памяти самое старое воспоминание. — Или как ты наелась незрелых юдзу и...

— Заткнись, заткни-и-ись! — как оглашенная завизжала девушка, густо покраснев. — Ты же мне втирал, что ничего не заметил! Подонок мелкий! Гад! Теперь мне точно надо тебя прикончить. Мне надо было умереть...

— После удара по голове я стал по-другому думать, все стало таким четким и ясным, а твоя таблетка только усилила эффект, — я заворачивал ложь в обертку правды, надеясь успокоить подругу. — Если постараться, то могу вспомнить мельчайшие подробности. Например, как тебя совсем маленькую наряжали в костюм...

— Сдохни! — заорала Тая, швыряя в меня книги. — Ненавижу этот блядский костюм кролика! Все, я верю, что ты Крис! Но ты понимаешь, что если бы упомянул название книги при клановце, тебя бы убили или отправили на каторгу?

— Почему? — удивился я. — Что такого в чтении книг?

— Они запрещены, Крис. Запрещены, понимаешь? — почесала лоб Тая. — Вообще, нам тоже не говорят, что в них такого, просто заставляют заучивать названия и имена. Наверное, что-то очень плохое, дай мне посмотреть.

Подруга быстро просмотрела книги, но не нашла ничего знакомого, только упоминания запрещенки в списках источников.

— Ну, за такое тоже по головке не погладят, лучше все сжечь, — вынесла вердикт девушка.

— Я тебя сейчас сожгу, — я придвинул к себе книги.

— Это просто заумная пыльная хрень, — фыркнула подруга. — Так получается, что ты сейчас типа дохрена умный? И та фигня с кровью, как ты это провернул?

— Передал часть жизненной силы, — пожал я плечами. — Лучше расскажи, как обучиться техникам.

— Купить книгу с описанием техники или в клан вступить, — Тая прополоскала рот и сплюнула, продолжая загрязнять мое жилище. — Только даже самые мусорные техники стоят несколько миллионов ван.

— Сколько!?! — я выпучил глаза. — Шесть с половиной тысяч моих пособий?

— А в клан или армию тебя не возьмут, — кивнула Тая. — С таким телом это просто невозможно. Ты похож на больную лишаем помойную крысу.

— Так ты называешь своего спасителя? — возмутился я.

— Да брось, мелкий, — отмахнулась девушка и резко приблизилась ко мне. — Лучше выкладывай, что за удар ты сделал? У меня будто сердце остановилось.

— Прочитал в одной книге, полной заумной пыльной хрени, — я передразнил девушку. — Мне просто повезло, ведь расположение нервных центров может сильно различаться у разных особей, поэтому нет нужды в изучении таких приемов. Я просто понадеялся на удачу.

Смени девушка обтягивающий топик на хламиду и вероятность точного попадания в

нужную точку стремительно уменьшается. Спасло только наработанное в сражениях чутье галенца. Но тратить время на обучение девчонки? Нет уж, увольте.

Я почесал начавшую зудеть левую руку, но ощущение щекотки сразу же перекинулось на спину и грудь. В горле будто застрял разрастающийся комок слизи, утяжеляя дыхание. Спустя пару секунд кожа словно загорелась.

— Эй, Крис, что с тобой? Крис? — встревоженная девушка потрясла меня за плечи. — Ты че подохнуть решил?

Болезнь. Из-за большой растраты жизненной силы она вызвала сильную аллергическую реакцию. Отек в горле увеличивался, а пальцы на руках превратились в разбухшие сардельки. Надо скорее принять таблетки.

Я попытался подняться, но комната быстро закружилась вокруг меня. От падения спасла Тая. Голос девушки доносился будто через множество слоев плотной ткани.

— Таблетки... — прохрипел я, теряя сознание.

Каждый ваш лайк делает автора счастливее и значительно увеличивает скорость выкладки)

— Антон, ты должен найти моего мужа, — грузная женщина меряла кабинет тяжелыми шагами. — Уже больше недели прошло!

— Да загулял просто. Помнишь, как его в прошлом году в Тройке нашли, в стрипушнике? Время еще есть, Луиза. Не переживай, все обойдется.

Начальник стражей порядка Дэшки окинул бабу откровенно неприязненным взглядом. Когда он услышал об исчезновении своего заместителя, то на радостях прикончил бутылку подарочного коньяка. Единственный человек, который имел на него компромат, бесследно пропал. А уж кто его убрал — парни Большого, Черная триада или залетный псих, начальнику было до лампочки.

— Мы ищем, Луиза, — твердо сказал мужчина. — Фил был для меня настоящим другом, столько раз вытаскивал из передрыг, даже не упомнишь. Я клянусь, что мы работаем на полную, парни в участке ночуют!

— Почему с собаками не искали? — Луиза нависла над столом. — Ты меня за дуру держишь, Куваев?

— Собаки отравились, передохли все, шавки драные! — стукнул кулаком начальник.

— Мне Филя папочку одну оставил, говорил, если с ним что случится, ты поймешь, как поступить, — улыбнулась женщина. — Можешь хоть жопой след взять, но найди моего мужа. Или папочка окажется у моего дяди. Ты врубился, Антошка?

— Я понял, а теперь будьте добры покинуть мой кабинет, Луиза, — после битвы взглядов мужчина опустил глаза.

— Так бы сразу, — презрительно сказал Луиза и вышла, громко хлопнув дверью.

— Как же я хочу тебя прикончить тупая сука, — побагровевший Куваев сжал пальцами воздух, представляя, что душит женщину. — Михельсон! Кусок говна, тащи сюда свою тупую задницу!

В кабинет опасно заглянул тощий прыщавый парень со стрижкой под горшок.

— Значит так, берешь Джэя, забираете собак с моей дачи, и пиздуете искать Фила. — начальник забарабанил по столу.

— Так собаки же отравились? — захлопал глазами Михельсон.

— Ты еще разговариваешь, плод инцеста, блять! — заорал начальник. — Вали выполнять приказ или я тебе сейчас голову откручу! Если след не возьмут, то езжайте к заводу, там ищите, он какого-то хуя к дурачку местному поехал. Его тоже проверь. Свободен.

Я пришел в себя и сразу же получил щелбан от Таи. Девушка облегченно выдохнула и поднявшись с колен, сказала:

— Если бы ты откинулся, я бы тебя точно убила!

— Это все из-за тебя, — пробормотал я. — Кидаешься на невинных людей.

— Там наверху продукты и лекарства, батя передал, — улыбнулась подруга. — Я сегодня уезжаю, надеюсь, что ты не вляпаешься в какое-то дерьмо. И лучше сожги книги, мой тебе совет. Только не надо слез, мелкий. В следующий раз ты уже увидишь лучшего выпускника клана, придется лизать мне ноги.

— Иди уже, — вздохнул я.

Проведя девушку, напоследок окинувшую меня странным взглядом, я приступил к

уборке. Сюрприз, подкиннутый оболочкой, намекал на необходимость скорейшего укрепления тела.

Подспорья в виде таблеток ждать не приходилось. Пришлось сконцентрироваться на тренировках. Несмотря на потерю крови и приступ болезни, спустя два дня я смог закончить два цикла дыхания.

Промежутки между дыхательной гимнастикой заполнял короткими пробежками, стараясь приспособить тело к новому положению сустава.

Размотав бинты, я отковыривал с лица отслаивающуюся после приступа кожу, когда услышал два незнакомых голоса. Идущие не скрывались, часто срываясь на громкий смех и вскрики. Выглянув в окно, я заметил двух мужчин подходящих к дому характерной пьяной походочкой.

Нож скользнул в рукав куртки и я вышел в прихожую, чтобы встретить «гостей». Одного я узнал — тот самый алкаш, что пристал ко мне в магазине.

— Ну, Толик, бля, если мы зря приперлись, с тя бутылка, — толстый мужик в очках приятельски потянул товарища за волосы. — Ты меня слышишь вообще?

— Все схвачено, — уверенно заявил Толик. — Я своего малого гонял к нему, почти тысчонку срубил. А пособие три! Понимаешь?

Выходит, что он имеет отношение к тому нападению. Намерения гостей стали кристально ясны — меня хотят обокрасть.

Идущая в обнимку парочка повалилась прямо на пороге, что вызвало новый взрыв хохота. Прятаться уже нет времени, а убегать не выход, ведь в подвале остался Габс. Какие же местные надоедливые.

— Крис, дружбан! — Толик меня наконец заметил. — Ты че как не родной? Выйди с мужиками поздоровайся!

— Да он походу нас за перхоть считает, — возмутился с трудом поднявшийся толстяк. — Сюда, метнулся, рядовой!

Два пьяных тела столкнулись в проходе, но кое-как протиснулись внутрь. Передо мной повисла худая жилистая ладонь Толика, которую я пожал.

— Да сильнее жми, а то как девчонка, — оскалился мужчина. — Слушай, Крис, у нас дельце к тебе, не долганешь тысячу? Позарез надо просто.

Толик приобнял меня, а толстый перехватил ладонь, пытаясь сдавить ее как можно сильнее. Больно, сука. Я выдернул пальцы из тисков одутловатой желтой плоти, и садюга довольно заулыбался.

— У меня нет тысячи, на лекарство все потратил, — меня начало трясти от раздражения.

— А скока есть? — Толик недовольно поджал нижнюю губу.

— О, тушняк на закусь, — жирный схватил две банки тушенки и запихнул в карманы пальто. — А это что, пирог? Шикуюешь, салага, пока ветераны хуй без соли доедают!?

Узкие глаза мужчины превратились в микроскопические щелочки, а пальцы сжали кусок пирога, превращая его в неаппетитное месиво. Спокойно, нужно успокоиться. Такой большой труп будет очень сложно спрятать. Проживший полтысячи лет архимаг и верховный некромант Галена выше всего этого.

— Триста ванов где-то осталось, — я опустил глаза.

— Ты уверен, Крис? — на лицо Толика легла тень. — Капрал очень не любит, когда товарищи его обманывают.

— Вот, у меня больше нет, — я выскользнул из-под руки Толика и открыл кухонный ящик, где лежали три отложенные бумажки.

— Давай сюда, рядовой, — толстяк сгреб купюры с моей ладони. — А теперь на кости стал. На счет раз!

Я не понял, что от меня хотят и рассвирепевший мужчина ткнул меня кулаком в грудь. Дыхание сразу вышибло и я заворочался на куче мусора.

— На кости быстро! — рыкнул Капрал.

— Да, успокойся ты, — Толик хлопнул мужчину по плечу. — Пошли возьмем...

— Да не лечи ты меня! Сам, бля, знаю, что мне делать! — огрызнулся раскрасневшийся мужчина. — Дай старое вспомнить, душу отвести. Толя, я ж тебя, чмо неблагодарное, на своем горбу вытащил.

— Хуй с тобой, Капрал, — мужчина закурил и пошел на выход. — Только давай побыстрее.

Толстяк встал надо мной, широко расставив ноги. Его нижняя губа подергивалась, а ноздри широко раздувались от каждого выдоха. Толстые пальцы мужчины задержали пуговицу на штанах, пока они не упали, оставив его в покрытом желтыми пятнами исподнем.

— Всеми вас салаг учить надо, — мужчина плюнул себе на ладонь и полез рукой в трусы. — Упор лежачий принять!

Так и не поняв, что от меня хотят, я просто лег на пол. Капрал зарычал и пнул меня носком ботинка в лицо:

— Ты че необучаемый? Из-за таких полудурков меня и поперли из армии. Вы же реально тупоголовые, только для одного и годитесь.

Дряблая вонючая туша нависла надо мной, а пальцы ухватились за штаны, стягивая их. Что он задумал? Руки Капрала впились в ягодицу, с силой оттягивая ее.

Хватит, надоело.

Я чуть приподнялся, чтобы скрыть выскользнувший из рукава нож. Мужчина щипал и тискали мою пятую точку, явно стараясь причинить, как можно больше боли. От внезапного шлепка я вскрикнул и чуть не выронил нож.

— Жопу отклячь, сученыш, — рыкнул толстяк. — Быстро давай!

Удар кулаком в печень снова бросил меня на пол, а Капрал засмеявшись, подхватил меня под ноги. Вывернувшись, я резким движением всадил нож под кадык мужчины. Находящийся там нерв при повреждении должен вызвать моментальную остановку сердца.

Стоящий на коленях Капрал качнулся и рухнул рожей в пол. Приподняв голову за редкие, жирные на ощупь волосы, я извлек оружие. Кровь начала бодро выплескиваться. Снова убирать...

— Помогите, помогите! — заорал я, привлекая другого алкаша. — У него что-то с сердцем!

Не могу же я дать уйти дружку убитого? В любом случае он зайдет в дом, когда Капрала не будет слишком долго. А так можно сыграть на своих правилах.

На корточках я прокрался в прихожу и затаился в угле возле входной двери. Ворвавшийся в дом Толик в последний момент что-то заподозрил. Нырнувший под нижнее ребро нож вырвало из рук, а противник вмазал мне по голове с разворота. В ушах зазвенело и я сполз по стенке.

— Тварь, блять, — Толик упал на одно колено.

Не могу пошевелиться, конечности словно чужие. Алкаш с надсадным хрипом пополз ко мне на четвереньках. Выпученные красные глаза сконцентрировались на моем лице — даже на последнем издыхании Толик собирался забрать врага с собой.

Его холодные пальцы сомкнулись на горле, но спустя десять секунд вялой борьбы, голова алкаша ткнулась мне в живот. Отпихнув мертвое тело, я встал и выглянул во двор. Никого.

Итак, у меня в доме два трупа и все залито кровью. Снова придется тратить время на тщательную уборку.

Я вышел за топором и заметил, как по дороге несется собака. За ней спешили двое раскрасневшихся мужчин с блестящими на солнце значками стражей. Пес остановился возле изгороди, смотря на меня умными глазами и громко тьякнул.

— Ох ты ж сука, — первым подошел держащийся за бок коротышка с огромными ушами. — Я щас сдохну.

Второй попытался сплюнуть, но густая, тягучая слюна легла на темно-синюю форму. Оба представителя закона закурили. Собака — крупное животное с короткой черной шерстью и вытянутой мордой — протиснулась между гнилыми шпакетинами и направилась к дому. Приплыли.

— Джэй, смотри, след походу взяла, — удивился парень с прической горшком.

— Да больше недели прошло, какой там след, Михельсон, — отмахнулся его напарник.

Коротышка посмотрел на меня настороженным взглядом и его рука потянулась к кобуре. Пес свернул возле самого крыльца и принялся быстро рыть землю под окном. Стражи выбросили окурки и подошли ко мне.

— Крис, ты часом не видел Филя, он коллега наш, — Джэй буравил меня глазами. — Его жена сказала, что он собирался к тебе заглянуть по какому-то дельцу.

— Нашла что-то! — радостно взвизгнул Михельсон.

Я оглянулся и заметил, как по крыльцу тянется струйка крови, вытекшая через растрескавшийся порог. Рука сжала топор, но с таким тяжелым оружием мне нечего ловить. Пока замахнусь, мне самому голову сто раз успеют раскроить.

Мотающий хвостом пес подбежал к нам, неся почти черную от старости кость. Рожа Михельсона недовольно скривилась и он отвесил собаке хорошего пендаля.

— Я же говорил, — пожал плечами коротышка. — Так ты видел Филя?

— Ко мне заходил страж, — кивнул я, шагнув влево, чтобы хоть немного закрыть обзор на крыльцо. — Забрал пособие... Ударил по голове... сказал, что если буду трепаться, то мне кранты. Потом уехал куда-то на велосипеде.

— Точно Фил, — хмыкнул Михельсон, пытающийся вытащить из пасти собаки кость. — А ну выплюнь, выплюнь кому сказал!

— Пропал он без вести, — коротышка не мигая смотрел на меня. — Может ты его по затылку втихаря тюкнул?

— Нет, нет, вы что такое говорите? — я попытался сыграть удивление. — Я никогда никого не бил...

— Да ладно, расслабься, — хохотнул Джэй. — Не возражаешь, если дом осмотрим?

— Нет, — выдавил я. — Только там грязно.

— Миха, метнись, — Джэй снова закурил. — Как ты здесь живешь один, у меня прям мурашки от одного вида.

— А че там смотреть? — страж отобрал кость и зашвырнул ее в заросли. — Еще вшей

или чесотку подцеплю, сам посмотри на него.

— Михельсон, твою мать, взял и пошел, пока я тебе пизды не вставил, — насупился коротышка.

— Ладно, ладно, — вздохнул парень. — Как в дерьмо лезть, так всегда Михельсон.

Долговязая фигура направилась к дому. Сейчас он увидит кровь, а затем трупы. Нужно действовать. Я отставил ногу, собираясь нанести рубящий удар чуть выше колена коротышки.

— Эй, я нашел Филя, — из пластмассового прямоугольника на поясах стражей послышался дребезжащий голос. — Валите к крайним домам.

— Понял, — ответил Джэй. — Крис ты с нами, нужно будет показания дать. Миха, че ты там!?

Я обреченно уставился на застывшую спину парня. Страж медленно повернулся и поднял ногу, показывая лакированный ботинок:

— В говно вступил.

— Ну ты лошара, конечно, — засмеялся Джэй, вслед за которым загавкала собака. — Будешь знать, как обижать братьев наших меньших. Все, погнали, а то Мышь нервничать начнет.

Я проследовал за мужчинами, полчаса петлявшими по заброшенной окраине, пока мы не вышли к нужному дому. Возле колодца, куда я сбросил тело стража, стоял высокий парень в черном пальто, с неестественно худым лицом и впалыми зелеными глазами. На тонких длинных пальцах поблескивали многочисленные кольца, а худые запястья обвили несколько серебряных цепочек.

Он опасен.

В нем чувствовалась хищная уверенность в своих силах, обычно исходящая от опытных убийц. Он слегка наклонил голову и в разрезе черных волос мелькнули витиеватые татуировки, идущие от уха и скрывающиеся за отворотом пальто.

— Лезьте, — без предисловий парень указал на черный зев колодца.

— Товарищ капитан, ну как мы туда залезем? — возмутился коротышка. — Тут метра четыре!

Парень подцепил ботинком моток веревки, лежащий у его ног, и кинул в Михельсона. Свободная часть ударила стража по лицу, оставив красный след. Тот захлопал глазами, словно собираясь расплакаться.

— Давай, я закреплю, — Джэй толкнул коллегу в плечо.

За час работы, черные от зловонной жижи стражи, достали все мешки, заполненные фрагментами тела. Капитан не обращал на меня никакого внимания. А я не хотел его привлекать. Затем подъехал разваливающийся грузовичок с эмблемой стражи, куда погрузили все останки.

— Ты со мной, — Капитан показал на меня пальцем.

— Питер, подкинь, будь человеком, — стражи ломанулись к водителю грузовика.

— Да вы сдурели что ли? Я потом салон в жизни не отмою! Пешком дойдете, проветритесь немного.

Я побежал за капитаном, не собиравшимся примеряться к темпу моих коротких ног. Выйдя из окраины, мы сели в матово-черный автомобиль, украшенный серебристой росписью. В салоне приятно пахло кожей.

— От тебя несет свежей кровью, — парень достал из портсигара тонкую сигарету. —

Человеческой кровью. Кто ты такой?

— Меня зовут Крис, я инвалид, живу здесь, никому не делаю плохо, — я забубнил, как прежний хозяин тела.

Отточенный разум заметил резкое повышение магического фона, идущее от руки парня. Мана сплелась в короткое заклинание и навелась на меня. Почти инстинктивное движение головой. Над кольцом заплясал огонек, от которого капитан подкурил, а я застыл в нелепой позе.

— Обманул. Местный дурачок, который видит магию и завалил стража? — усмехнулся парень. — И еще двух человек, судя по запаху крови. Так... Двое мужчин, старше сорока, любили часто выпить, у одного лишний вес, все верно?

Я молчал. Не признаваться же мне в убийстве местному стражу. Убежать тоже не выйдет.

— Если бы я хотел, то арестовал тебя прямо сейчас или просто убил при попытке побега, — капитан насмешливо выпустил струйку дыма мне в лицо. — Ладно, я немного переиначу вопрос. Что ты собираешься делать?

— Жить, — коротко ответил я.

— Как банально, — резкие черты парня немного сгладились. — Такие, как ты, Крис, никогда просто не живут. Вместе с вами приходят катастрофы, стирающие целые страны и нации, перекраивающие облик континентов и втаптывающие в грязь сильных мира сего. Сколько ветвей? Пять? Шесть?

— Восемь, — я не собирался открывать карты. — А может девять? А может и две? Кто знает.

— Чудесно, просто чудесно, еще и шутник попался, — капитан смотрел на меня почти влюбленными глазами. — Но тебе стоит уяснить, что твоя прежняя магия в нашем мире не стоит ничего. Всегда помни об этом. Я замну это дело, мой друг, можешь не волноваться. Просто займись своими начинаниями. И помни, что за тобой должок.

— В чем твоя выгода? — в лоб спросил я. — Может я взаправду собрался прожить тихую, мирную жизнь.

— Не смеши меня, не будь, как мышь. Времена потрясений хороши тем, что напрочь ломают устоявшиеся вертикали власти, — промурлыкал парень. — Ты свободен, Крис.

Франс дэ Валье, тайный инспектор первого ранга, смотрел на оборванца, пока тот не скрылся в зарослях. Тонкие музыкальные пальцы парня нащупали секретный отсек под бардачком. Со щелчком выкинулась подставка, хранящая стеклянный шприц, резиновый жгут, пакетик с мелкими синими кристаллами, закопченную десертную ложечку и толстую жестяную банку, в которой хранились жуки-трупоеды с Семи остров.

Острая металлическая игла с трудом проткнула тонкую кожу парня и поршень шприца начал проталкивать густую темно-фиолетовую жидкость по вене. Глаза Франса закатились, а по телу пробежалась волна сокращений, мгновенно сжигая накопленный жир и мышцы.

— Сестра, я его нашел, — с трудом прошептали посиневшие губы. — Они ошиблись.

— Дорогой брат, я верила в тебя. Они думали, что смогут избавиться от нас, поручив тебе поиски и сослав на край света. Что предпримешь? Вернешься в столицу с победой?

— Нет, за эти шесть лет я многое переосмыслил, — Франс попытался улыбнуться. — К чему мне быть первым в стае шакалов, если я могу въехать в королевский дворец на слоне? Я ничем не рискую в любом случае.

— А если он слишком слаб? Как тот, что стал причиной краха нашей семьи?

— Восемь ветвей магии, сестра. Он почти так же силен, как... ты поняла меня, — Франс зашелся в сухом кашле. — Мне надо просто немного подтолкнуть его в нужном нам направлении. Все, больше не могу держать связь, прощай моя возлюбленная сестра.

— Прощай, брат. Не будь, как мышь.

Я резко встал с нагретой солнцем земли и сделал несколько пробных движений. Тело слушалось с небольшой заминкой, но в разы лучше, чем при вселении. Три недели тренировок дыхания принесли свои плоды.

Зайдя в дом, уставился в зеркало. На меня смотрел череп, обтянутый почти белой кожей, с черными провалами больших карих глаз и тонкими синими губами, скрывавшими немного заостренные, будто подпиленные зубы. Даже в бытности некромантом я выглядел более живым.

Фурункулы и раздражение удалось убрать, как и отладить все жизненно важные процессы в теле паренька. Кроме болезни. Я сумел загнать ее в глубокое подполье, но сильное потрясение, вроде обширной раны или переохлаждения, неминуемо приведет к рецидиву. На таблетки тратиться жутко не хотелось.

С поглощением сердец убитых мужчин не срослось. Когда я вскрыл грудную клетку первого, но всех внутренних органах обнаружили плотные пузырьки, а между кишок ползали мелкие желтые черви. У второго паразиты чувствовали себя еще вольготнее — печень превратилась в раздутый водянистый шар, кишачий взрослыми нематодами. Я не рискнул есть зараженное мясо.

Занеся сомлевшего на улице Габса в подвал, я начал собираться в город. Две прошлые ходки можно назвать удачными. Меня не обокрали и не побили, что еще надо? Стражи тоже больше не заходили, значит, тот парень смог все уладить.

Из денег осталось сто ван и пришло время найти работу. Крис занимался сбором мусора в Старом городе, но ему приходилось тратить недели, чтобы добыть себе пропитание. Мне

же нужны таблетки и книги с техниками заоблачной стоимости.

Всю Дэшку кормил мусор. Большая часть населения работала на перерабатывающих заводах, сортируя привезенный хлам. Другие обретались на незаконных свалках, после сбывая найденное перекупщикам или на те же заводы. Власти города были в курсе нелегально свозимого мусора, но закрывали глаза за хорошую мзду. В итоге десятилетиями скапливаемые отходы возвышались, будто настоящие горы.

Заводчане получали стабильный оклад, плюс найденные в хламе ништяки, если сумеют их незаметно вынести. Мусорщики целенаправленно искали ценные вещи, кормясь с их перепродажи. Были еще Ходоки, уходившие за Старую свалку и дальше, частично забираясь в Пустоши. Только ходоками становились не от легкой жизни, а от совсем крайней нужды.

— Ходок живет три года, — я повторил когда-то услышанную Крисом поговорку.

Самый выгодный путь — стать Ходоком. В пустошах можно найти старые драгоценные монеты, антиквариат и даже книги с техниками. Есть шанс озолотиться с одного рейда. Говорят, что Большой именно так получил начальный капитал, а уже позже стал успешным коммерсантом.

Но... Пустоши опасны. И никто точно не знает, чем именно. Вроде там нет диких зверей и чудовищ, нет бандитов и культистов, но люди слишком часто оттуда не возвращаются. И неизвестность пугала народ больше всего. Как и меня. Будучи в теле слабого, болезненного паренька, без магии и оружия, я не стану рисковать.

Тогда решено, подамся в мусорщики. Прежний Крис справедливо опасался находиться рядом с другими людьми, но хороший заработок всегда сопряжен с риском. Сейчас я достаточно ловок и быстр, чтобы убежать. А в крайнем случае... иногда и мусорщики не возвращались с промысла. Собаки задрали или дряни какой-то надышался и в яму провалился.

Ближе к вечеру, ко времени настоящего открытия рынка, я направился в город. Площадка размером больше пяти сотен метров была забита павильонами, палатками, фанерными прилавками или просто огромными брезентовыми покрывалами, где лежал товар. В самом центре рынок закрывала крыша из ржавых жестяных листов, приваренных к перекошенным столбам и перекладинам.

Победнее смотрелось пестрое одеяло из прорезиненных тканей, фанерных и пластмассовых козырьков. Самая окраина укрывалась под зонтиками или терпела зной и дождь.

Я едва сдерживался, чтобы не убежать, заткнув уши. После многовековой жизни в опустевшем некрополе гвалт и шум толпы изрядно действовал на нервы. Все пытались перекричать друг друга, сыпали отборными ругательствами и чуть ли не плевались в конкурентов. Вдобавок, торговцы непрестанно совали в рот небольшие красные шарики и чавкали, сплевывая бурую слюну.

Двигаться приходилось по узким проходам, часто утыкавшимся в тупики. Меня пихали и толкали, иногда хватали за край куртки, пытаясь втюхать какую-то ерунду. Пахло невымытыми телами, жареными пирожками и ядреной смесью неприятных, но трудно различимых ароматов.

— Попробуй рыбный пирог, друг! — закричал мне пузатый мужчина, сверкающий золотыми зубами. — Свежая рыба, мягкое тесто, лучшие специи!

— Да кто будет эту отраву жрать!?! — закричал его тощий чернявый сосед в странной треугольной шапке. — Лучше возьми моих пирожков с ливером! Пять штук за десять ван!

Оставив продавцов препираться, я заскользил вдоль рядов, внимательно осматривая выложенный товар. Чтобы найти что-то ценное, нужно знать, как оно выглядит. Слоняясь по рынку, я спрашивал улыбчивых продавцов о ценах, пока они не понимали, что покупки не будет. Тогда они теряли всякий интерес и начинали кричать, чтобы я убирался. На внешнем кольце базара в основном продавали одежду, электронный лом, бытовые приспособления и еду.

— Только время потратил, засранец! — здоровый мужик с рыжей бородой замахнулся на меня.

Двигаясь по спирали, я приближался к центру рынка. Неказистые прилавки сменились ступенчатыми железными столами и стеллажами, а сами хозяева не стояли, а прятались в прохладной глубине лавки. На вопросы они отвечали с ленцой, бросая на меня презрительные взгляды. Но я и не наседал, ведь большинство товаров имело ценник. Здесь толкали блестящие запчасти, приборы и электронику, и огромное множество тренировочных снарядов и макетов оружия. Начиная от обыкновенных штанг и гантелей и заканчивая механизмами со стальными тросиками и грузами.

— Сколько? — лысый подросток в кожаной куртке и штанах указал на висящий мешок с гибким электронным экраном.

— Восемьдесят тысяч ван, уважаемый, — грузная женщина встала с табурета, поглощенного ее необъятным задом.

— Новый стоит семьдесят, кому ты лепишь? — усмехнулся юноша, толкая кулаком черный снаряд. — Он хоть работает?

Экран загорелся, помигал цифрами и замер на отметке в четыре нуля. Парень отступил на шаг и закрепленный на перекладине мешок совершил полный оборот, едва не сбив женщину. Какой быстрый удар! На прилавке сзади подал весь товар. Выбежавший торговец резко развернулся, едва завидев парня.

— Семь тысяч сто сорок пять баллов, довольно близко, — удивился парень. — Беру за двадцатку.

— Твои родители бы заплакали, увидев какого жадного отпрыска воспитали! — толстуха взмахнула руками. — Чем ты предлагаешь мне кормить детей, если я буду отдавать такие дорогие вещи даром!? Мне что работать в убыток?

— Для благодетеля у тебя слишком много складок на брюхе, — издевательски захохотал парень. — В мешке вместо железного песка обычный, придется докупаться еще на двадцать тысяч ван.

— Как обычный!? — в ужасе прижала ладони к лицу торговка. — Его двое взрослых мужчин поднять не могут!

— Можно мне попробовать? — я влез в разговор, но меня вообще не заметили.

Ну ладно. Я встряхнул кисти и нанес резкий прямой удар кулаком, стараясь полностью вложить вес тела. Снаряд едва качнулся.

0674

Провел боковой удар ногой.

0876

Осталось выяснить насколько я силен относительно местных. Так, у парня было за семь тысяч, с сравнивать не стоит, наверняка адепт боевых искусств.

— За удар тридцать вон, если не покупаешь! — торговка меня наконец заметила. — А ну стой, жулик! Попортил товар и убегает, говнюк мелкий!

Центр рынка отгораживала стальная решетка, будто накрывая его ящиком. Возле прорезанных в металлическом каркасе дверей стояли мускулистые охранники в одинаковых черных спортивных костюмах. На меня бросили многозначительный взгляд — только попробуй упереть что-нибудь и тебе писец. Видать, опытные ребята, раз способны без слов донести посыл потенциальным воришкам.

В воздухе пахло жгучими дразнящими нос пряностями и травами. Никаких открытых лавок — только обитые деревянными панелями павильоны с вывесками. Возле некоторых даже огорожен небольшой газон и стояла красивая мебель.

Я начал обход с самого первого магазинчика «Элитный парфюм» и закончил на «Дядюшкиных травах», когда охранники начали зычно объявлять об закрытии. С сожалением оторвавшись от витрин, заполненных красивыми коробочками и флаконами, я горестно вздохнул. Здесь продавались таблетки и эликсиры, вроде того, что мне дала Тая.

Не только для увеличения жизненной силы, но и для роста мышц и укрепления костей, повышения реакции и скорости, для соблазнения и лечения дурных болезней. Хотя это мне без надобности. Но цены настоящий грабеж. Самая дешевая таблетка для повышения жизненной силы стоила двадцать пять тысяч.

Я даже поинтересовался насчет пилюли, могущей исцелить мою болезнь. Мне предложили Пилюлю красного лотоса за восемьсот тысяч ван и Эликсир перерождения за миллион шестьсот. На справедливое замечание, что за такое деньги можно купить весь город, торгаш громко расхохотался:

— Смешной ты парень, однако. Здесь покупают свое будущее, поэтому не жалеют никаких денег. За миллион ван ты можешь прожить десяток лет в Дэшке, но не лучше ли вложиться и перебраться в место попримичнее?

Выйдя на улицу, залитую оранжевым колеблющимся светом от подвесных фонарей, я сжал в кармане сто ван. Мне нужны эти таблетки, чтобы ускорить развитие тела и исцелить его. А еще нужны техники, оружие, броня, еда... Бросив последний взгляд на пока недоступные мне павильоны, я зашагал к выходу.

— Стоять, шкет, чей-то ты здесь вынюхивал? — на плечо легка громадная ладонь, придавливая меня к земле.

— Что еще, смертный!?! — я повернулся, бросив на охранника гневный взгляд, но тот словно окаменел. — Тогда я пойду.

Заступивший на первую смену Федор сразу заметил странного мальчика, методично обходившего все лавки. А в голове охранника непонятное поведения равнялось хитроумной преступной схеме. Мужчина все ждал, когда распахнется дверь и оттуда вылетит малец, решивший стащить ценный товар. А за кражу охрана частично платила из своего кармана.

— Иса, смотри, парень какой-то мутный шныряет, — Федя даже обратился к старшему. — Все лавки по порядку обходит.

— Это не запрещено законом, — главный проследил за тщедушной фигурой. — Просто глаз набивает, чтобы на свалке ништяк случайно не прозевать. Ты последи, конечно, но на выходе рамка стоит, запищит, если что.

Малый таскался до самого закрытия, порядком действуя охраннику на нервы. Он до того забеспокоился, что на обходе зацепился за край плитки и шлепнулся мордой вниз под смех коллег.

— Я ему устрою, поганец мелкий, — Федор потрогал заплывшую бровь.

Когда мелкий в ободранной куртке и рваных штанах потопал на выход, охранник сразу рванул за ним. Федор не сомневался, что мелкий успел что-то стащить. Молодой охранник уже представил, как босс хвалит его за чуйку и внимательность.

— Стоять, шкет, чей-то ты здесь вынюхивал? — радостно рыкнул Федор, останавливая мальчика.

Из-под надвинутого капюшона на него глянуло мертвенно-бледное лицо с черными провалами глазниц. Федор почувствовал, как на него дохнул замогильный холод, превративший внутренности в смерзшийся комок. Тонкие губы раскрылись, показывая мелкие острые зубы. Молодой охранник не услышал вылетевших слов, словно наглухо замурованный под могильной плитой.

Парень скрылся в толпе народа, а Федор очнулся от хлопка старшего по спине.

— Все нормально, паря? — Иса внимательно посмотрел на вспотевшего подчиненного. — Стибрил что-то?

— Нет, он чистый, — Федор помотал головой, отделяясь от наваждения. — Привидится же.

Некоторые прилавки еще работали, хотя большая часть продавцов разбрелась, унося с собой тяжелые баулы. Я остановился на самом краю рынка, всматриваясь в разложенные на картонках книги.

— Почему? — в сумерках я не сразу отыскал продавца, укрывшегося в ворохе тряпья.

— Мягкая обложка по пять, твердая десять, — прошелестел бесцветный голос.

Имея ограниченную сумму, я выбирал томики, пока не опустилась ночь и названия стало невозможно разобрать. Продавец терпеливо ждал.

— Сто десять ван, — вывернутые опухшие пальцы прошлись по корешкам.

— За сто не отдадите? — я протянул купюру.

— Отдам, — легко согласился продавец. — Дам еще две в подарок, если поможешь дотащить остальные.

Нагрузив прогнувшую тележку и полотняный мешок с лямкой, мы в молчании покинули рынок. Торговец предусмотрительно сворачивал, если вдалеке показывались люди. Я был полностью солидарен с ним.

— Здесь положи, — продавец распахнул двери.

Жил он на отшибе, в покосившемся деревянном доме, ошетилившимися выломанными досками и дребезжащем на ветру флигелем. В забранном мутной пленкой окне показался дрожащий огонек.

— Дедушка, это ты? — на порог вышла девочка в вылинявшем желтом платье.

Сначала я принял ее за ребенка, но торчащая грудь и округлые бедра намекали на зрелость. Ростом чуть ниже меня, с серой кожей и тонкими руками, она могла сойти за подростка. Но личико симпатичное, несмотря на россыпь белесых рубцов на щеках.

— Эстер, зайди в дом, — засуетился торговец, напирая на дверь. — Я не один. Вот, парень, возьми, я подобрал на свой вкус, не сочти за грубость.

Он вытащил из стопки на тележке книги и передал мне. Дверь закрылась и послышался лязг цепочек и шум засова. Странный тип, но зато я получил две книги.

— Надо было еды купить, — вслух подумал я.

Добравшись домой, я скормил Габсу остатки из банок, а сам довольствовался горячим травяным напитком с сахаром. Проглотив первую книгу, посвященную местным

религиозным верованиям, я потушил керосинку и лег спать. Завтра на свалку, надо хотя бы немного отдохнуть.

Проснулся еще до рассвета. На темно-синем небе ярко сверкали звезды, а облака над горизонтом едва подернулись оранжевым светом. Выдув литр сладкого отвара, куда высыпал остатки сахар, я взял рюкзак и пошагал на свалку, крюком обходя город.

Топать пришлось больше часа, пока впереди не показалась первая гора мусора, едва ли не закрывшая половину неба. Пестрое подножье тянулось сколько хватает глаз, иногда перемежаясь высокими зарослями зонтичного кустарника. Ядоцвет. Выделяемый его листьями и стеблями сок обжигал кожу при воздействии солнечных лучей, а в особенно жаркую погоду кусты окружало плотное облака испаряющегося яда. Но такое бывает редко.

Вступив на хрустящий мусорный ковер, я взял чуть левее от первой горы, наверняка обшаренной не одну сотню раз. Идти приходилось медленно, ведь за слоем мусора часто скрывались ямы, куда проваливались ноги.

Ботинки быстро вымокли от утренней росы, а ноздри чесались от крепкого запаха пластика. В обычном бытовом мусоре часто встречались интересные вкрапления, вроде огромных железных контейнеров и бочек, пластов дерна с высохшими растениями, зараженными пушистой плесенью, остовов машин, и участков, покрытых черной коркой масла.

Пока добрался до следующего мусорного холма, ноги задеревенели от ходьбы по переминающемуся и проламывающемуся насту. Крис не был привычен к такому. К полудня от блеска белого пластика разболелись глаза. Из добычи — моток медных проводов грамм на двести, латунная дверная ручка, пачка поджаренных черных семян.

Здесь ловить нечего. Столько же можно собрать, шаря по старому городу возле пустошей.

Не собираясь уходить с пустыми руками, я углубился в мусорные равнины. Один раз вдалеке заметил еще одного сборщика, ковыряющегося в хламе длинной металлической палкой. Мне бы такую. Это была единственная встреча за весь день. Если тут так мало народа, значит, ловить практического нечего.

К найденному добавилась надорванная бумажка в десять ван, кастрюля, десяток банок из-под газировки, нож с потрескавшейся деревянной ручкой и черный плащ-дождевик с погрызенными полами. Его я оставил себе.

К пункту приема Большого, где обычно Крис сдавал найденное, я добрался с последними лучами солнца. Здесь топталась парочка человек, пришлось еще двадцать минут ждать, пока все разойдется. Сегодня принимал Беляш — высокий, худой парень с платиновыми волосами, по свойски относившийся к Крису.

— Привет работникам свалки, — поприветствовал он меня. — Вовремя пришел, я собирался закрываться. Что там у тебя? Хм, не похоже на вещи из старого города. Ты на обычную свалку ходил?

— Да, — я кивнул. — Но почти ничего не нашел.

Приемка находилась в ангаре, с литыми железными дверями, и будкой сторожа, приходившего на ночь. Еще обычно дежурил грузчик.

— Тебе едой, как всегда? — спросил Беляш, но я покачал головой. — Тогда сорок ван по старой дружбе. По рукам?

Получив помятые бумажки, я собрался уходить, но Беляш придержал меня.

— Слушай, Крис, не лучшее ты время выбрал, чтобы начать на мусорку ходить, —

полушепотом сказал парень. — Люди начали пропадать. Нет, они всегда пропадают, но вчера Седрик с семьей не вернулся. Неделю назад Марго с дочкой. А еще Одноглазый и Поки. Ты аккуратней будь, лады?

— Добро, — я пожал сухую мозолистую ладонь.

В магазин попасть не удалось. Очередь вышла далеко за пределы торгового помещения, обогнула угол магазина и остановилась у дороги. Так я здесь до ночи простою.

Слова Беляша настораживали. Единственной серьезной опасностью на новых свалках были стаи одичавших собак, кормившихся с мусора. Когда кого-нибудь загрызали, весь город выходил на охоту, прореживая ряды лохматых. И раньше бывало, что ходил себе человек на свалку, а потом бесследно исчезал. Но три случая буквально за две недели, причем, сразу исчезло несколько людей? Очень тревожный звоночек.

— Сегодня без еды, дружок, — я почесал замурлыкавшего Габса.

Проглотив за вечер две книги, я потратил весь запас керосина. Все же чтение становится моим любимым занятием в этом мире, было бы хорошо скупить все книги, но в кармане жалкие сорок ван, а еще надо чем-то питаться. Устроившись на матрасе, я быстро заснул.

Утро сбегал в магазин, купил две буханки хлеба и три пакета крупы. Еще и должен остался пять ван.

Плотно позавтракав, решил не идти сегодня на свалку, а заняться тренировками. Мало ли с чем можно столкнуться. Отчего-то же пропадают люди.

Проделав пять циклов дыхания, начал делать растяжку. Тело Криса оказалось похоже на деревянный чурбак — совершенно не гнулось, а при чрезмерных усилиях могло сломаться. Растяжка далась с таким трудом, что спустя час подо мной скопилась целая лужа пота. Затем я подобрал несколько гладких камушков и принялся жонглировать, чтобы улучшить контроль над телом.

Закончил упражнениями на баланс и боем с тенью. Орудовал исключительно ножом, пытаюсь как можно быстрее наносить уколы. Перекат, прыжок, отшагнуть, удар! Когда начинало откровенно мутить, делал небольшой перерыв.

Сейчас главное наработать скорость и выносливость. Силой займемся позже, если удастся подзаработать на хорошую пищу.

На следующий день тоже остался дома. Все-таки решив дополнительно укрепить тело, я занялся тренировкой сухожилий, пытаюсь в разных положениях разорвать скрученную тряпку. Из-за большой нагрузки на тело это не заняло много времени, и остаток дня я читал на крыльце. Как только зашло солнце, сразу пошел спать.

Едва забрезжил рассвет, я уже шагал по настилу из мусора, вороша кучки выструганной палкой. Зашел на пару километров дальше, чем в первый раз. Здесь между хламом обильно пробивалась высокая трава, чередуясь с желтыми моховыми наростами. Вдалеке виднелся забор из сетки с колючей проволокой, помеченный желтыми предупредительными знаками.

Старая свалка. Мусорщики туда не ходили. Рискуешь вернуться с раздрающим глотку кашлем и жуткими высыпаниями. Если даже городская власть решила потратиться на забор, то дело реально опасное. Говорили, что где-то раз в месяц туда что-то сбрасывают с воздуха, но даже самые жадные игнорировали возможную добычу.

Не подходили даже к забору, но я решил рискнуть. Вблизи Старая свалка выглядела, как множество обросших травой и кустами ядоцвета холмов. Только если присмотреться, то можно заметить пожелтевший кусок пластика или цветные обрывки упаковки. Природа

брала свое, поглощая мусор.

Идя вдоль ограды, я быстро набил рюкзак добычей: пара медных катушек, сплюснутые алюминиевые баночки, спутанный моток проводов, утюг с небольшим сколом на ручке, небольшую женскую сумочку, и непонятный мне электронный хлам. Но самое главное — отличный кожаный ботинок с толстой подошвой. Еще всего на два размера больше моего. Только вот, где второй...

Желая занять хорошую обувь, я до позднего вечера рылся в мусоре поблизости находки, раскопав отходы до земли. Отыскал еще пару десятков банок и уже отчаялся, как заметил шнурок. Да, черт возьми! Солнце мягко отсвечивало на мягкой коже вождя ботинка... с огромной оплавленной дыркой на язычке и заднике. Какой тяжелый, кстати. Я заглянул внутрь и обнаружил почти сгнившую человеческую ступню. Желтый остов кости окружала черная подгоревшая корка, переходящая в высохшее сероватое мясо. Я потряс ботинок, но дрянь отказалась вывалиться. Попробовал отковырять, но ступня словно приросла к стельке. Но хорошая же вещица, несмотря на дыру. Ее и подлатать можно.

Где-то вдалеке послышался вой. Спустя секунду его подхватили другие звери, разнося на всю свалку. Закинув обувь в сумку, я поспешил домой в опускающихся сумерках.

Утром выковырял ступню из ботинка и кое-как отодрал оставшиеся кусочки. Беляш дал за добычу сто десять ван и подсказал, кто может помочь с починкой обуви. Пришлось топтать на рынок, где располагалась лавка сапожника.

— Триста ван, — безапелляционным тоном сказал хозяин. — И еще пятьдесят, если стельки менять будешь, эти сгнили.

Взяв на шестьдесят ван еды, я вернулся домой. Так не пойдет. Копаясь на старых участках мусорки можно влачить жалкое существование, но скопить на книги или таблетки невозможно.

Спустя день я пошел в заброшенный город. Местечко пугало сильнее, чем в воспоминаниях Криса. Крыши многоэтажных наклоненных к северу зданий срезало ровной линией, оплавив края. В черных обсыпавшихся окнах гудел ветер, будто играя на флейте из разрушенных высоток. Улицы засыпало раскаленным белым песком, погребшим под собой первые этажи.

Как же жарко. Куда жарче, чем на свалке или в Дэшке. В горле быстро пересохло и спустя час ходьбы половина бутылки с водой опустела. Я скинул куртку, оставшись в майке.

Город условно делился на две части. Ближний к Дэшке сектор остался относительно целым, а в дальнем многоэтажки сложились, как домино. Скорее всего, уничтожившее город заклинание пришло с той стороны. Магический фон здесь был заметно выше среднего.

Я зашел в первый попавшийся дом. Лестницы присыпаны песком, скрадывающим ступеньки. На внутренних стенах квартир иногда попадались смутные силуэты людей. Вся мебель выгорела, оставшись черными пятнами сажи на перекрытиях и полу. Как Крис умудрялся здесь что-то отыскать?

Глава 6

Нужно день за днем обходить дома, заглядывая в каждый уголок и разгребая песок, чтобы собрать дешевую мелочевку. Все, что на виду давным-давно вынесли.

Засвистевший ветер швырнул мне в лицо песок, крупинками оставшийся в глазах. Порывы усилились с приближением к дальнему участку, хлеща по рукам и обильно забрасывая песчинки за шиворот. Я шел в тени, но бледная кожа на руках быстро покраснела.

Чем дальше, тем больше развалины походили на оплывшие огарки, а гудение ветра сводило с ума. Я остановился перед рухнувшим зданием, раздумывая идти ли дальше. Все-таки взобравшись на распластавшееся неряшливой кучей камня строение, на которое прилегло следующее, нырнул в темный лаз окна. Ноги провалились в песок, засыпавший комнату. Повозив по нему руками нашел металлический каркас стула.

Сжевав хлеб и допив воду, я рискнул подняться дальше по неровным ступенькам упавших зданий. Второй подъем дался куда тяжелее, ведь крыша высотки неплохо сохранилась и приходилось вбивать пальцы в трещины бетонной плиты. Доступными для спуска внутрь высотки оставалось полтора этажа, остальные накрыло следующее здание.

Обшарив пять квартир, я стал обладателем куска меди с вплавившимся в него пластиком и стеклом. Негусто. Можно разрывать песок, но мне жутко не хотелось таким заниматься.

В одной комнате обнаружился проход на лестничную площадку. Идти дальше? Стены не выглядят слишком крепкими, можно погибнуть, если завалит от случайного чиха. Но деньги на сапоги...

Вздыхнув, я прыгнул на лестницу и медленно спустился на следующий этаж. Темно, хоть глаз выколи. У меня был коробок спичек и жадность несколько секунд боролась с любопытством. Маленький огонек выхватил распахнутые двери, уходящие в темные коридоры и торчащие из песка кости.

Сев на корточки, я начал просеивать песок возле костей, ища украшения. А вдруг? Но перелопатив все площадку, я нашел лишь заколку для волос. Идти еще глубже?

Огонек осветил обломок плиты, частично разрушивший лестницу и смявший перила, в итоге закрывшие проход, как решетка. Но такой дохляк, как я, вполне может протиснуться между ними.

Спичка погасла. Я на ощупь пополз дальше и протиснулся через заскрипевшие перила. Стоило темноте обступить меня, как стали чудиться неясные шорохи и постукивания. Скорее всего песок осыпается от моих движений и шелестит, но я не выдержал и снова зачиркал спичками.

Лежащий на горке песка череп оскалился, а из его глазницы вылезла ярко-красная многоножка, кинувшаяся в темноту. Сука, здесь и такие водятся!?! Крис никогда не встречал в городе живых существ, даже насекомых. А мне сразу тварь длиной с руку...

Чирк. Скелет лежал прямо возле входа в квартиру, а на фаланге блестело золотое кольцо. Я потянул ободок, оторвавшийся вместе с пальцем. Затем аккуратно разгребал кучки песка ногой, пытаюсь не загасить огонек, но ничего не нашел.

Свет погас.

Как только на сетчатке померк последний отблеск, как на нижнем этаже послышался

громкий стук. Будто кто-то зацепился за стальную полосу перил.

Ни секунды не думая, я бросился наверх, будто крыса проскочил решетку, и очнулся уже на улице.

Блин, вот чего я переполошился? Бежала многоножка, столкнула камешек, тот и стукнул, а я чуть в штаны не наделал. Тьфу! Верховный некромант улепетывает от насекомого, кто бы мог подумать.

Но мне резко перехотелось продолжать поиски, вернусь завтра. Интересно, сколько дадут за кольцо?

— Тысяча, — Беляш потер кольцо краем свитера. — Хотя... Могу еще двести накинуть.

— Хорошо, — я пожал плечами.

Отнеся ботинки в ремонт, я впрок закупился едой и оставил триста ван на всякий случай. Нужно поскорее привести тело в норму, поэтому, отложу походы за добычей и сосредоточусь на тренировках.

На третью неделю я смог сесть на продольный шпагат и жонглировать шестью камешками. Мне не удалось набрать ни грамма мышц, но они будто стали одновременно тверже и эластичней. То ничтожное количество жирка, что имел организм вытопилось, что смотрелось немного жутковато. Как анатомический манекен выгляжу.

Однако, боевое искусство рыцарей смерти, сильнейших воинов моего народа, оставалось мне недоступно. Живая плоть попросту не может выдержать такого напряжения. Да и признаться, я никогда не был искусным бойцом, отдавая большее предпочтение магии. Пожалуй, меня можно отнести к худшим мечникам Галена, а также к никудышным копейщикам, косым стрелкам и просто рукожопам, если брать во внимание, что я обучался у настоящих мастеров.

Оставался ножевой бой, которому обучались все дети на Небесных колыбелях. Просто ради развития рефлексов и ловкости. Тут я тоже болтался в конце списка.

Я раз за разом прогонял основные удары и связки, стараясь загнать их в мышечную память. Выходило сносно. Не хорошо, не плохо, что-то среднее. Постоянно хотелось перегнать ману в тело, чтобы ускориться, но увы...

Вырабатываемая циклами дыхания жизненная энергия уходила на общее укрепление организма, что позволяло получать от него еще больше отдачи. Но неделю назад я достиг потолка. Жизненная сила перестала прирастать. На данном этапе манипуляции с энергией для галенцев заканчивались. Куда выигрышнее было заниматься с маной.

Вообще, это очень плохо. От начала занятий прошло чуть больше месяца, а прогресс уже остановился. Тело Криса попросту не создано для накопления жизненной силы. У него нет Таланта.

И что делать теперь!?! Понятно, что дальше повышать силу и ловкость, но если сравнивать с некоторыми местными, то мне никогда не достичь их уровня обычными методами. Тая просто просчиталась, подойдя слишком близко. В равном бою у меня нет шансов. Слишком большой разрыв в скорости.

По старой привычке, я так сильно задумался, что не заметил, как просидел всю ночь на улице. Мышцы так задеревенели, что при попытке встать, я просто завалился на спину.

Продолжать насыщать тело энергией? Похоже, что это единственный вариант. Буду придерживаться такого подхода. И мышцы... надо нарастить их. Я вешу, как бродячая собака в голодный год. И надо сходить в город, поспрашивать знакомых, и на рынок наведаться, в ту часть, где продавалось тренировочное снаряжение.

— А, так ты в клан хочешь вступить!? — первый же продавец сразу ответил на мой вопрос. — Так сходи в городской центр развития, там за сотку тест пройдешь и все. Ты что в школе не сдавал? Но я тебе сразу парень скажу, не твое это. Лучше гирию купи за ту же сотню и качайся.

— Гирию? — переспросил я.

— Смотри, если больно приспичило, то можно в слуги клановые податься, там есть шанс эликсир или пилюлю подешевле купить или в дар получить, — бицепс на руке мужчины вспучился, когда он достал из-под прилавка металлический шар с ручкой. — Если двадцать раз выжмешь над головой одной рукой, тогда можешь смело проситься.

— А сколько здесь? — я погладил холодный чугунный бок.

— Пятьдесят кило, золотой стандарт, — продавец широко улыбнулся. — Попробуй.

Моих сил хватило, чтобы оторвать гирию и медленно опустить на землю. Она весит больше, чем я! Какое там поднять двадцать раз, я ее даже до пупка едва могу дотянуть!

— Ха! Слабак! — торгош пригладил пышные рыжие усы. — Мой сын в двенадцать лет мог выжать ее тридцать пять раз! Так что, берешь? Накинешь пятьдесят ван сверху, доставочку организую.

— Не надо, — я протянул сложенную купюру. — А инструкция есть, как с ней заниматься?

— Взял и поднял, что тут сложного? — удивился мужик. — Ну ты даешь малой.

Эпопея с доставкой покупки домой растянулась на несколько часов. Последние метры я натурально трясся всем телом от напряжения, а пальцы напрочь отказывались разгибаться. Выжав промокшую от пота одежду, я рухнул на кровать и сразу вырубился.

Утром смел остатки припасов и поплелся в город, страдая от мучительной боли в мышцах. Перенапрягся. Полчаса ушло на поиски Центра развития, спрятавшегося в подвале, спуск в который загораживали деревянные ящики.

— Ты!? — удивилась девушка за стойкой. — Это же ты помог дедушке с книгами?

Электрический свет делал оспинки на ее лице еще отчетливей, вдобавок заостряя скулы и нос. Теперь я бы не назвал ее миленькой.

— Эстер же? — я выудил из памяти имя. — Мне нужно пройти тест.

— Хорошо, — серьезно кивнула та. — К оплате будет сто ван. Нет, оплата не здесь, тебе нужно пройти...

Она несколько минут объясняла мне, куда нести деньги. Что за бред? Почему мне нужно идти в другое место, стоять очередь, и заплатить еще десять ван сверху за срочность?

— Вот! — я припечатал чек к стойке.

Эстер приподнялась на цыпочки и потянулась за бумажкой. Лямка ее платья сползла с ключицы, обнажая верхушку груди и темно-коричневый ореол. Сердце пропустило удар. В штанах стало тесно от внезапно увеличившегося прибора. Так, это что за шутки?

— Пойдем, — девушка быстро поправила платье.

Я пошел за ней, слушая, как чавкает вздувшийся пол, а в углах что-то подозрительно шуршит. Здесь еще хуже, чем у меня в доме. Мы зашли в помещение, залитое неприятным ярко-белым светом.

— Палец, — девушка натянула перчатки.

Тонкая пластинка металла пробила кожу. Эстер начала выдаивать кровь из пальца на блестящий, отливающий перламутром диск, быстро впитывающий рубиновую жидкость. Затарахтел и зафыркал включившийся аппарат, похожий на железный шкаф со множеством

индикаторов и лампочек. Диск лег на выехавшую подставку. Когда он погрузился внутрь, механизм затрещал с такой громкостью, что у меня заболели уши.

— Вот результаты, — девушка показала на выпуклый зеленый экран. — Ого, какой низкий уровень, первый раз такое вижу у взрослого. Тебе сколько лет?

— Мне где-то двадцать четыре, — я взгляделся в мерцающие цифры. — Семь это мало?

— Двадцать четыре года!?! Ну, на моей памяти такого еще не случилось, — Эстер выключила машину. — Самый низкий показатель был около шести. И тот парень умирал. Хотя ты такой маленький, общий индекс должен быть чуть ниже среднего. Вставай туда, измерим рост и вес.

Я забрался на заскрипевшую ржавую платформу, но девушка замахала руками:

— Одежду снимать надо. Ой!

— Что такое? — я замер на одной ноге.

— Труссы можешь оставить, — Эстер прижала руки к покрасневшему лицу.

Смущенная девушка начала крутить колки, а затем прижила к моей макушке планку, измеряющую рост.

— Вес сорок семь килограмм, рост метр сто пятьдесят два сантиметра. И в итоге получается где-то девятнадцать баллов. Но это на глазок, сейчас данные обрабатываются, ведь здесь учитывается множество факторов, вроде соотношения мышц и жира, костной массы, плотности энергии.

— Так это много или мало? — я принялся одеваться.

— Сейчас посмотрим, — Эстер уселась за стол с мягко гудящим экраном. — Чуть ошиблась, вышло ровно двадцать. Нижняя граница нормы. Назови фамилию и имя, если есть в базе, то можно просмотреть динамику.

— Крис Савой.

— Есть! — Эстер быстро защелкала мышкой. — Так, последнее тестирование было семнадцать лет назад. Обнаружен синдром Лайтера-Стриха, показатель энергии один. Но это невозможно, при данном синдроме жизненная сила не растет. Выходит, что ты настоящий феномен!

— Диагноз был ошибочен, его должны были исправить, — я сделал вид, что тоже удивлен.

— Вот блин, — расстроилась Эстер. — Сейчас подправлю.

— А какой должен быть индекс, чтобы попасть в клан? — я отвернулся от противно мерцающего монитора.

— В клане смотрят только на показатель энергии, — ответила девушка. — Самый низкий порог это пятьдесят.

— Ясно, — протянул я. — А как его увеличить?

— Специальные тренировки, эликсиры и пилюли, но их надо принимать с детства, — вздохнула девушка. — Блин, мне лень объяснять, ты читать умеешь?

Я кивнул и мы прошли в крохотное помещение, сплошь покрытое густым слоем пыли и паутины. Эстер пнула ногой по шкафу и подцепив приоткрывшуюся дверцу, открыла его. Семь полок были заставлены книгами, местами покрытыми зеленой плесенью.

— Вообще это ведомственная литература, но думаю, что всем насрать, — девушка вложила мне в руку тонкую книжку. — Читай, просвещайся. И спасибо, что дедушке помог. Сколько раз ему говорила, чтобы прекращал тяжести таскать.

Оставив девушку ковыряться в механизме, начавшем кашлять черным дымом, я вышел

на улицу. Замершие люди задрали головы, всматриваясь в серое, покрытое острыми тучами небо. Что там такое? Спустя минуту я заметил медленно увеличивающееся желтое пятнышко. Вытянутая оболочка в форме сигары и сияющая начищенной медью гондола, оцетинившаяся тонкими и длинными стволами ружей.

Дирижабль. Как раз вчера читал про них, а сейчас увидел вживую. Желтая летающая громадина зависла над городом.

— Внимание, жители Д-2, в связи с сезонными ветрами на город надвигается смог со стороны промышленных округов, — даже с высота десятка метров голос из динамика дирижабля звучал отчетливо. — Сохраняйте спокойствие и оставайтесь по домам, пока мы не урегулируем ситуацию. Правительством будет оказана гуманитарная помощь. Сейчас будут сброшены средства индивидуальной защиты. Один пакет на человека. Я повторяю. Один пакет на человека!

В днище гондолы раскрылся квадратный люк, откуда посыпались желтые пакеты. Когда первые из них достигли земли, город будто сошел с ума. Каждый старался ухватить побольше, отпихивая других и вырывая добычу из рук. Мягко планируя, передо мной опустился пакет.

— А ну свалил! — какой-то здоровяк в татуировках, отпихнул меня и заграбастал помощь.

Ну не резать же его здесь? Пожав плечами, я добрался до ближайшего переулочка, где успело скопиться три пакета, и еще один висел на скате крыши, зацепившись за водосток. Упаковав свертки в рюкзак, я собирался выходить обратно, как проход загородил тот же самый верзила. Крохотное лицо с оттопыренными губами умещалось на громадной голове, что придавало физиономии здоровяка забавный вид.

— Сюда. Дал. — волосатая ладонь сжалась в кулак. — Или пришибу.

Надвинув капюшон, я на трясущихся ногах направился к ухмыляющемуся мужику. Ничего отдавать не буду, но нужно проверить скорость и растяжку.

— Деньги есть? — мудака засунул голову в протянутый рюкзак. — Будет хуже, если сам найду.

Хлесткий удар сбоку в коленный сустав заставил его только покачнуться и недоумевающе глянуть на меня. Крепкий. Я рассчитывал, что смогу раздробить хрящи. Глаза громилы налились кровью. Он заревел и расставив руки попер на меня.

Сложив пальцы клювом, я всадил их в межключичную впадину напавшего. Мужик жутко захрипел и начал царапать ногтями шею, будто пытаюсь проделать дыру для воздуха. Между его губ выступила кровь. Я легонько толкнул громилу в накачанную грудь и он повалился на спину.

— Это я возьму, — в карманах штанов обнаружилось пару сотен ван. — Бывай, здоровяк.

— Эй, пацаны, Симона вальнули, — в переулок заглянул вихрастый парень с кривым шрамом, пересекающим губы.

Бежим! Я попытался проскочить мимо дружка бандита, но перед носом мелькнуло лезвие ножа. Рухнув на колени, до хруста выгнул спину. Носок стопы влетел точно в подбородок хмыря, и тот медленно опустился на землю. Из безвольно открывшегося рта брызнула кровянистая — от удара бедолага почти откусил себе язык.

Проход уже замыкала тройка хулиганов. Перекатившись через спину, я бросился к тупику. Оттолкнувшись от угла здания, зацепился за край трехметровой стены и перевалился

через нее. Загромыхали железные бочки, на которые я приземлился. Ободранный кот с лысым, крысиным хвостом, раздраженно зашипел и прыгнул на меня.

Увернувшись от спятившей зверушки, я побежал по узкой улочке, лавируя между кучами мусора.

— А, сука! — сзади раздался крик. — Он мне глаз выцарапал!

Появившаяся на стене фигура, пытается отбиться от кота, и оступившись, падает вниз. Почти сразу появляются двое других. Не обращая внимания на товарища, они устремляются за мной. Ухватившись за торчащую балку, забрасываю свое тело на жестяной козырек крыши. Куда дальше!?

— А ну стоять, сучонок! — бандиты не отставали.

Я рванул по крыше, но черепица под ногой хрустнула вместе с прогнившей доской. Солидный участок настила сверзился в открывшуюся дыру, утаскивая меня за собой. Упав на пыльный чердак, я закрыл голову от посыпавшегося мусора.

Вот люк, попробую улизнуть через дом.

Я поднял тяжелую крышку и скатился по лестнице. В узкой полутемной комнате, обитой посеревшими коврами, стоял широкий топчан, на котором замерли два человека. Расплывшийся белой жировой массой по кровати плешивый мужик в очках и крохотная девушка в клетчатой юбке, держащая в руках его половой член.

— Простите, — я привычно отвесил церемониальный поклон. — А где выход? Все, нашел.

Я открыл дверь наполовину, поскольку она уперлась в проклятый ковер. В проходе стоял мускулистый парень, тут же попытавшийся полоснуть мою руку ножом. Ударив по его запястью, врезавшемуся в край дверного проема, я перехватил выпавший нож.

Никого не убивать, будет только хуже.

Лезвие прочертило красную полосу внизу ладони напавшего, выводя его конечность из строя. Бандит не растерялся. Толкнув плечом дверь, он нанес серию прямых ударом мне в лицо.

Отлетев к стене, я зашмыгал разбитым носом и выплюнул осколки зубов. Качок ворвался в комнату и поднял ногу, собираясь размозжить мне голову. Перекат. Ботинок пробил дыру в перекрытии и парень замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Поднявшись, я со всей дури засадил голенью по мудям придурка.

— Стража! — как дурной завопил толстяк.

В коридоре загрохотали шаги. Бросившись на чердак, я ухватился за край пролома, но тот осыпался вместе с переломившейся поперечной балкой. Разбежавшись, я подпрыгнул, упав плашмя на крышу. Только не разваливайся.

Следующим прыжком я перебрался на соседнее здание. Пробежав сотню метров, спустился на балкон и спрыгнул в кучу мешков, откуда вырвался рой черных мух. Пластик затрещал и оттуда потекла бурая жижа, издававшая такой смрад, что у меня закружилась голова. Кое-как стряхнув налипшую дрянь, я быстрым шагом направился прочь из города. Все жители занимались поиском желтых пакетов, вооружившись длинными палками с крюками. За мной никто не гнался.

Лицо болело. Я потрогал распухший нос, откуда сочились сопли и кровь. Неплохо прилетело. Еще не хватает пары зубов, рассечена нижняя губа и внутренняя часть щеки. Кулаки у качка будто из чугуна отлиты.

Зато в кармане лежал длинный немного изогнутый нож с обрешиненной рукояткой. В разы лучше, чем мой. Будем считать это компенсацией за травмы.

— Внимани... Не пок... Надвигает... — дирижабль отлетал от города и ветер доносил обрывки фраз.

Дома осторожно промыл лицо и выправил нос, смотревший чутка влево. От одежды пришлось избавиться. Даже после полоскания гнилая вонь никуда не делась, а словно распределилась по всей ткани.

Найдя тонкий железный прут, я вставил его в ручку подвального люка. И почему раньше не додумался? Сильного человека это не остановит, но немного задержит.

Заползая в секретное помещение, я отодвинул дергающего во сне обрубками лап Габса, и с головой накрылся одеялом.

Утро принесло смог. Весь двор застлан жирным, желтоватым туманом, стелящимся до верхушек деревьев и запустившим воняющие жженым пластиком щупальца в дом. Я закашлялся и вернулся в подвал.

Горло начало першить всего от пары вдохов, а в легкие словно залили отработанное масло. Распечатав желтые пакеты, я нашел тонкий, как целлофановый пакет плащ, почти прозрачные перчатки, прорезиненную маску для лица с двумя фильтрами, пластиковые очки на резинке и буклет.

Гуманитарная помощь от клана Ротг. Нам нужен твой голос на выборах...

Так, у меня есть неприкосновенный запас, которого должно хватить на две-три недели, если не шиковать.

Промышленный смог опускался на Дэшку раз в два-три года, останавливая жизнь в

городе. Крис обычно отсиживался в подвале на полуголом пайке. Да и что делать? Если вытянуть руку, то едва можно увидеть пальцы, все сливается в плотную желтую стену. Все сидят по домам и попивают кмыс.

Но там, где одни видят препятствие, другие видят возможность. Я отчетливо видел возможность расширить свою библиотеку. В брошюрке из центра городского развития нашлось много полезного, но все описано такими расплывчатыми фразами, что в них можно утонуть.

Жизненную энергию здесь называли Кай. Ее уровень довольно неравномерно распределен по популяции — большинство имеют жалкие крохи. Везет редким счастливым. Логично, что тем, кто уже родился с золотой ложкой во рту.

Наибольшего уровня Кай достигает к концу полового созревания. Все дети и подростки проходят ежегодные тестирования с целью отбора одаренных, ведь чем раньше начать принимать кай-препараты и тренироваться, тем больше можно расширить генетический потенциал.

Чтобы считаться одаренным, нужно иметь уровень Кай равный 20 к десяти годам, или 30 к более позднему возрасту. У меня была жалкая семерка. Общий индекс же использовался для отбора в армию.

Но тем, кому повезло единожды, могло не повезти во второй раз. Чем старше становился человек, тем хуже работали тренировки и кай-препараты, расширяющие врожденный дар. К двадцати пяти годам его развитие обычно полностью останавливалось.

И тогда в игру вступало правило ста процентов. Невозможно развить врожденный дар более, чем на сто процентов. Абсолютный предел для человека с Кай-20 или К-20 (*уровень жизненной энергии*) это Кай-40. Очень редко регистрируемые превышения врожденного предела сводились к некорректным измерениям и погрешностям приборов.

Поскольку мой возраст выше двадцати пяти лет, а развитие энергии остановилось, то я исчерпал предел развития. Мой уровень равен К-7. Если выразаться словами местных — нулевка или пустышка. Такие люди часто обречены на одиночество, даже если смогли построить карьеру, ведь никакой женщине не хочется, чтобы ее ребенок унаследовал низкий уровень энергии.

Мало! Мне мало знаний из брошюрки. В том шкафчике было множество более толстых книг с явно ценной начинкой. Я хочу их все.

Облачившись в бледно-зеленый комплект из пакета, я на всякий случай прихватил с собой еще две маски. Тонкие фильтры совсем не внушают доверия.

И оказался прав.

Не успел пройти и километр, как на них скопилась маслянистая пленка, закупорив устройство. Я вытер жидкость, но воздух теперь проходил с трудом, свистя и похрипывая, как умирающий от астмы. Если не перенапрягаться, то привыкнуть можно. Но бегать в таком себе дороже.

Плащ покрылся мелкими переливающимися радужной каплями, а тканевая одежда заметно потяжелела, впитывая разлитый в воздухе смог. Открытые участки лица немного пощипывало.

Ориентироваться приходилось только по песчаной дороге под ногами. Никакого намека на солнце. Только бесконечные разливы токсичного тумана, накатывающего плотными волнами с юга. Иногда попадались относительно разреженные участки, но и там видимость ограничивалась пятью метрами.

К центру развития я добрался только благодаря идеальной памяти. Город концентрировал вокруг себя смог, накрывшись плотным одеялом цвета жженой ваты. Царила тишина. Туман скрадывал любые звуки, не удавалось расслышать даже собственных шагов.

В плотном мареве иногда встречались темные фигуры горожан, исчезавших стоило лишь отойти на метр.

Я спустился к подвальному и взмахами руки разогнал туман около двери. Заперто, как и ожидалось. Поднявшись на улицу, я присел возле небольшого окошка, и просунув лезвие ножа, попытался подбить полоску защелки. Не пролазит. Хорошо, что захватил с собой тонкий пластиковый обломок.

Открывшееся вовнутрь окно принялось жадно засасывать смог. Забросив рюкзак, я протиснулся в узкий проход. Ноги нашарили стойку. Поскорее закроем форточку, пока еще больше этой дряни не попало сюда.

Освещая путь свечой, я торопливо пошел в комнату с книгами. Вот вы мои хорошие. Щелкнул выключателем и помещение залил свет, спугнув крупного паука, скрывшегося под шкафом. Погладив высохшие и загнувшиеся корешки, я вытащил самый первый томик. Нужно отобрать самые лучшие и желательнее всего несколько штук, иначе будет заметно. Эстер может догадаться.

Открыв первую страницу, я пропал на два дня. Только дурная привычка сидеть неподвижно вывела меня из плена желтых страниц. Тело попросту свалилось на пол и я отрубился.

Эх, надо как-то исправлять эту ситуацию. У меня живое тело и подобные выпадения из реальности отрицательно сказываются на циркуляции крови и энергии. Съев банку консервов, я напился железистой воды из умывальника и продолжил чтение.

Немного подумав, нашел способ совместить чтение и тренировки — статические упражнения. Составив в уме план перехода от одной позы к другой, снова взялся за книги, изредка меняя положение. Способность отрешаться здорово помогала. Лишь первые часы приходилось возвращаться в сознание и в ручном режиме переключаться на следующее упражнение или отдых.

На пятый день еда закончилась, да и кормушка Габса должна опустеть, если шерстяная подстилка не схарчила все в первый день. Половина шкафчика прочитана. Взяв две наиболее ценные книжицы, я смотался домой, чтобы покормить кота.

Насыпав животине еды и подлив воды, поспешил вернуться в центр развития. Смог не только не спадал, но стал настолько густым, что казалось, будто идешь под водой.

На подходе к центру развития интуиция буквально завопила об опасности. Да так сильно, что у меня буквально вышибло дыхание. Втиснувшись между мусорными баками, я сосредоточился на том, чтобы вообще исчезнуть из этого мира. Меня здесь нет, никогда не было и не будет.

Пахло кровью. Я чувствовал ее медный привкус на языке, хотя рот и нос закрывала маска. Горчичный смог раздвинулся, пропуская высокую человеческую фигуру,двигающуюся размашистыми шагами. Секунда и незнакомец пропал. Вслед за ним пробежала стая четвероногих животных. Собаки? Они могут почуять мой запах.

Но обошлось. Я просидел в закутке еще полчаса, а потом юркнул в подвал центра развития. Кто же там был? И почему так сильно пахло кровью и смертью?

На кафельном полу комнаты обследований остались бледные алые отпечатки. На

подошве обнаружилась еще влажная кровь. Затерев штанами следы, я в ускоренном темпе принялся за чтение. Чтобы не случилось, ничего хорошего от случайной встречи ждать не стоит. Тот человек был опасен. Мои инстинкты встревожились так же сильно, как при встрече с самыми опасными чудовищами Бича плоти.

А следовавшие за ним ручные псы? Судя по силуэтам, в стаю входили отборные зверюги, в холке достававшие мне до середины живота. Ладно, пока отложим этот вопрос.

Самое сладкое я оставил напоследок. Внизу шкафчика стояла коробка, заполненная металлическими кейсами с небольшими навесными замками. Что же вы скрываете, мои проржавевшие хранители?

Осталось найти ключи. Обыскав весь центр, я пришел к выводу, что они находятся в маленьком сейфе, спрятанном в тумбочке под стойкой. Четыре металлические кнопки с цифрами затерлись сильнее остальных. Семерка была чуть темнее других. Возможно, что ее нажимали первой, оставляя частички грязи и кожное сало. Если считать, что семь действительно первая цифра, то нужно будет перебрать тысячу вариантов.

Повезло на пятой минуте. Дверца с мягким щелчком приоткрылась. Так, папка с бумаги. Ее отложим в сторону, я вовсе не против ознакомиться с официальными документами. Нажимная печать, пачка гербовой бумаги, и заветные ключики.

Сняв замки с кейсов, я пробежался по названиям, поняв, что ни черта не понимаю. Незнакомый иероглифический язык... Толстые пластиковые папки хранили в себе множество подшитых страниц, испещренных схемами и таблицами.

Открыв рюкзак, я принялся перекладывать папки и отобранные книги. Одна из полок скрипнула и свалилась на нижнюю соседку. Держащий болт проржавел и не выдержал, когда я вытаскивал томик. Такой беспорядок оставлять нельзя.

В стойке был небольшой набор с инструментами, там и детали вроде валялись. Найдя новый болт, я с великим трудом отодвинул шкаф, словно вросший в стену. Починив полку, собрался вернуть мебель на место, но заметил на треть выдвинувшийся из общего строя кирпич. Центр явно нуждается в ремонте. Я надавил на кирпич, но тот снова подвел, наполовину уйдя в стену. Там дыра?

Или... Вытащив кирпич, поднес свечу к открывшейся выемке. Что-то есть. Запустил руку, я вытащил пыльный блокнот в кожаной обложке.

Да как задрало это.

Мало того, что чернила почти выцвели, так еще автор использовал какой-то шифр. Цифры шли вперемешку с буквами, пиктограммами и малопонятными схематичными рисунками. Ладно, попробуем разгадать на досуге.

Вылезая из центра, я силой хлопнул разбухшей от тумана форточкой, чтобы та намертво засела.

Когда оказался на дороге к пригороду, то проклятый смог будто начал редеть и распадаться неряшливыми лентами. Или мне кажется? Но спустя десяток минут стали видны развалины домов и страшное, почти черное небо.

Сверкнула молния.

Мир на секунду стал полностью белым, а затем с такой силой ударил гром, что я аж присел. В ушах зазвенело. Чернильные облака озарились быстрыми вспышками, протянувшимися до самого горизонта, а от грянувших раскатов под ногами задрожала земля. Смог прибило к земле внезапным порывом холодного влажного ветра.

Черт, надо бежать! Если пойдет дождь, то старым книгам хана.

Деревья гнулись и трещали, терзаемые шквальными порывами, поднимающими в воздух мелкие камешки и мусор. Меня мотало из стороны в сторону, снося к обочине.

Дождь рухнул внезапно, будто сверху сплошным потоком выплеснули воду.

Сорвав плащ и куртку, я кое-как намотал их на рюкзак и побежал к ближайшему дому. Со стороны города загудела сирена. Молнии сверкали так часто, что оставляли на сетчатке световые пятна. Я врезался в стену и пошел вдоль нее, пока не отыскал окно.

Ух, это было близко. Усевшись на обломки шкафа, я смотрел, как небо извергает потоки воды, очищающей ядовитый смог. Хотя... На перчатках остались темно-зеленые разводы. Сомневаюсь, что дождевая вода сильно чище, чем мерзкий туман.

На памяти Криса такого сильного ливня никогда не случалось. Обычное дело это девять месяцев засухи, прерываемой равномерными, но немногочисленными осадками.

Непогода становилось только сильнее. Сверху посыпалась каменная крошка, а крыша жалобно закрипела, перекрывая шум ветра. Уши резанул железный визг — кусок черепичного настила сорвало, открывая огромную дыру. Через редкие доски чердака хлынула вода.

Я собирался перебежать в другую комнату, но доверившись интуиции, выскочил во двор. За спиной дом с грохотом сложился вовнутрь.

Земля отказывалась принимать влагу и вода устремилась бурными потоками, пробивая себе путь. Ботинки чавкнули, выдираясь из жидкой грязи. Всю дорогу затопило. Дождь только усиливался, наполняя силой пенящиеся ручьи.

Габс! Он же остался в подвале, а если все так продолжится, то его затопит.

Только что уровень воды доходил по щиколотку, а спустя минуту захлестывал колени. Я едва мог переставлять ноги. В голень ударил твердый обломок, опрокидывая меня в бурлящий поток. Когда поднялся, то все лицо оказалось разбито камнями и мусором.

Мимо пронесся обломок бревна, чудом разминувшись со мной. Течение усиливалось, отталкивая меня от цели. Я не только не продвигался, но и каждую секунду получал болезненные удары по ногам.

Ветер поднимал тучи брызг, заливавших очки и сбивавших дыхание. От грязной воды во рту нестерпимо жгло, будто от желудочного сока.

Я схватился за бетонный остов забора и он медленно вывернулся из размытой земли. Оттолкнувшись от массивного бетонного гриба, я подскочил к следующему столбику. Габс, потерпи немного.

До дома оставалось рукой подать, когда молния высветила двухметровый вал воды с белым гребнем, тащившей со стороны завода обломки бетона и металла. Вот же дерьмо. Меня перемелет в кашу, если не сейчас же спрячусь!

Я ввалился в прихожую одновременно с безжалостный ударом водного потока. Не удержавшись на ногах, влетел в кучу мусора. Где же эта ручка! Дернув дверцу подвала, я скатился по лестнице и подхватил истошно оравшего Габса.

Прижав зверюгу к себе, я попытался подняться вверх, но льющийся сверху водопад легко отшвырнул меня. Подвал заполнялся с чудовищной скоростью. Наружу, я не выскочил, а буквально вынырнул.

Дом доживал последние мгновения. Несущая стена пошла трещинами, обнажая коричневый кирпич. Дверь закупорил каменный обломок, оцетинившийся тонкими металлическими прутьями. Перескочив через него, я прыгнул во двор и сразу ушел по грудь в воду. Пришлось нести Габса на поднятых руках.

Глава 8

Ветер стихал. В черных тучах стали образовываться просветы, пропуская лучи солнца. Дождь еще накрапывал.

Я забрался на поваленное дерево и рассматривал бегущие потоки воды, уносящие с собой фрагменты разрушенного пригорода. Вот и повод, чтобы сменить жилье.

Прошло несколько часов и от огромных разливов остались лишь грязевые озера и заторы из песка и мусора. Яркое голубое небо щедро плескало солнечные лучи. Влажная одежда начала парить.

— Мяв! — Габс дернулся и плюхнулся в болото.

Вытащив кота, похожего на мочалку, которую окунули в яму общественного нужника, я прополоскал его в ближайшей луже. Питомец не оценил моих усилий и завыл, как дурной. Свернув из кофты люльку, я посадил туда Габса и пошел к заводу.

Грязь цеплялась к ботинками огромными вонючими кусками. Первое время я отряхивал обувь, но потом забил. Будет тренировка, мышцы чуть не лопаются от натуги.

Мрачные цеха завода пришлось обходить до самого вечера, пока не нашлось подходящее место. Вдоль стен шел второй этаж, состоящий из металлического каркаса с наваренными на него тонкими стальными листами. Даже от моего веса они прогибались и идти приходилось по остову. В углу помещения примостилось что-то вроде пункта наблюдения.

Только вот проход обрывался в двух метрах от распахнутой двери. Железные сваи резко уходили вниз, согнутые, словно пластилин. Порыскав в окрестностях, я нашел кусок пожарной лестницы, пришедшийся впору.

В наблюдательном пункте имелась приборная панель с десятком кнопок и рычагов, вырвавшаяся прямо из стены, и широкие шкафы с мелкими ячейками, закрывавшимися на ключ. Все до одной были открыты. Посреди комнаты валялась раскладная кровать с остатками матраса, клоками вросшего в пружины.

— Здравствуй, милый дом, — усмехнулся я.

Перенеся Габса, пытавшегося прилизать распушившуюся шерсть, я достал документы их рюкзака. Не так плохо, как могло быть, но... Две верхние папки поплыли. Остальные я разложил на панели для просушки.

Следующая неделя ушла на обустройство. Я перетащил из прошлого жилища (*все же выстояло*) постельное, гирю и еду из неприкосновенного запаса. Забрал фонащие магией обломки, распихав их по ячейкам шкафов.

Ночевать на заводе оказалось холодно. А днем слишком жарко. Огромный массив металла и бетона каким-то образом быстро нагревался до полудня, но с наступлением ночи моментально остывал, заставляя стучать зубами и трястись.

Я заделал панорамные окна тряпками и пластиковыми мешками, на пол настелил собранные доски. Трухлявые и гнилые, они хрустели под ногами, но так все же теплее. Ножом накопил высохшей травы и положил поверх дерева. Завершил длинными кусками резинового полотна. Воняет, но кому легко?

— Холодно... — пробурчал я, кутаюсь в одеяло. — Все равно холодно.

Прочитанное в центре развития дало свои плоды. Я примерно знал, куда двигаться дальше. Вообще, полностью полезной оказалась только одна книга «Инструкция № 3 для

подготовки народного ополчения». И упор в ней делался на обычных людей, не достигших высокой уровни Кай.

Несмотря на откровенно канцелярское название, первая же методика носило утонченное и поэтичное название — «Десять восходов и небесный цветок». Никакой речи о технике не шло. Десять восходов означали собой десять циклов развития мускулатуры по принципу — набрал определенное количество, перевел в качество. А небесный цветок... Да хер его знает. Рисунок черно-белый и слишком контрастный. Вроде бы небесный цветок распространен повсеместно, найду как-нибудь.

Десять восходов было плохим упражнением, и это понимал даже иномирлец, как я. Оно позволяло накапливать в мышцах жизненную энергию, но среднее время достижения пятого уровня — четыре года. А выхлоп — примерно единица Кай за каждый пройденный цикл.

В развитых таким способом мышцах создается резервуар для накопления энергии. Только восстанавливается он до неприличия долго — от недели и дольше.

Тренируешься пять лет, умеешь накапливать пять единиц Кай, становишься немного сильнее и живучее. Еще и не загнешься от первой же техники, ведь Кай сама по себе создает естественный барьер.

Десять восходов не дают базы для освоения техник. Думаю, что именно поэтому оно оказалось в Инструкции. Но даже такое упражнение оказалось в категории закрытой литературы.

На полную проработку всех мышц, я потратил два с половиной часа, чуть меньше ушло на дыхание и переправление энергии к утомленным волокнам. Понятно, что после такой нагрузки жрать хотелось невероятно.

И через три дня аварийный запас еды подошел к концу. У меня оставалось пару сотен ван, отобранных у громилы из города. Эх, снова туда идти...

— Дядя! Дядя, они убили его! — Луиза влетела в комнату и бросилась в ноги к старику.

Три обогревателя потрескивали и гудели, создавая в камерке фоновый шум, похожий на звук издаваемый роем москитов. Варлам скривился, когда женщина случайно отодвинула от его ступней грелку. Он откровенно презирал дочь старшего брата и при семейных собраниях называл ее отродьем прокисшего семени.

— Кого убили? — старик отодвинул всхлипывающую Луизу и водрузил ноги на грелку. — И кто этот членосос?

Стоящий в дверях парень, лицом похожий на потрепанного жизнью бородавчатого бульдога, показал Варламу средний палец и сплюнул на ковер.

— Это Шэнь, брат Фила, — растирая сопли и помаду по физиономии сообщила женщина. — Он уме-е-ер! Дядя, что же делать!?

Шэнь всем видом выказывал презрение, будто находился в обдристанной ночлежке для бездомных. Он не понимал, зачем Луиза притащила его к вонючему старперу, когда нужно по горячим следам искать мудаков, грохнувших его брата. Вроде дед бывший Серебряный страж, занимавшийся особо опасными преступниками, но... Шэнь видел упаковки памперсов, трость и горы пузырьков и таблеток. Старик бесполезен.

— Туда ему и дорога, — зевнул Варлам. — Если вы приехали пригласить на поминки, тогда можете проваливать. Мне этот сукин сын никогда не нравился.

— Следи за словами, инвалид, — набычился Шэнь.

— А то что? — усмехнулся старик, поправляя плед. — Побежишь жаловаться своему

парню, членосос?

Шэнь отшвырнул заверещавшую Луизу и схватил деда за грудки. За мгновение до того, как кулак парня встретился с лицом Варлама, тот ударил его по колену и легким движением ладони отвел руку напавшего. Затем старик притянул Шэня к себе и с размаху боднул по хрустнувшему носу. Следующим прилетел удар локтем в горло, бросивший хрипящего мужчину на пол.

— Хватит! Убили! Фила убили! — закричала Луиза. — Ему сердце вырезали, дядя! Сердце, твою мать....

— Ну так стражи есть, пусть расследуют, — пожал плечами Варлам. — От меня, что надо? Чтобы я вам слезки вытер?

— Закрыли дело, — Шэнь сморкнулся кровью, но столкнувшись со взглядом деда, перехватил соплю в полете. — Больше не повторится. Кхм, закрыто за недостатком улик. Я хотел дело перетащить в свой участок, но боссу позвонили сверху и вставили таких пиз... что его в больничку с сердечным приступом увезли.

— А сами на кого думаете? — спросил старик.

— Не знаю, может клановец? Но откуда ему взяться в наших краях? — покачал головой Шэнь. — Если свои, то зачем сердце вырезать? А если бандиты какие, то почему сверху звонили?

— Так ты поможешь, дядя? — Луиза взяла старика за ладонь.

— Нет, — старик брезгливо выдернул пальцы. — Срать я хотел на Фила, даже если его до смерти в зад поймали.

— Дядя! Дядюшка, помоги! Я жить не смогу, если эти тварь по земле спокойно ходить будут! — Луиза забилась в истерике, вцепившись в ноги Варлама.

— Пойдем, сами отыщем, — Шэнь потащил всхлипывающую женщину по полу.

— Эй, членосос, а откуда звонили? — Варлам окликнул прикрывавшего дверь мужчину.

— Тайная инспекция, — тихо ответил Шэнь. — Это что-то меняет?

Варлам будто закаменел, но его указательный палец, отрубленный по первую фалангу, продолжил стучать по подлокотнику кресла. Шэнь только сейчас заметил, какие у старика огромные ладони. Бывший серебряный страж с кряхтением поднялся и потянулся, задевая макушкой потолок. Стоило ему встать, как Варлам полностью заполнил комнату. Казалось, что его длинные ручища без труда могут коснуться противоположных стен.

— Так вы с нами? — Шэнь сглотнул.

— Это вы со мной, — старик снял со стены саблю и любовно погладил черные бархатные ножны. — Изголодалась, старушка? Ничего, скоро вдоволь поьем кровушки.

Дэшка выглядела странно. Потом облизал часть города, вынеся мусор и грязь, чтобы оставить их в центре города. Улицы перекрывало ограждение из нанесенного хлама.

Отовсюду стучали молотки и жужжали пилы. Прямо возле домов лежали черные пластиковые мешки на застежках, куда складывали погибших. Почти в каждом доме нашелся неходячий или инвалид, что не смог пережить наводнение. Вот и надейся на родственников.

Магазин был открыт. Я встал в конец очереди и ненароком подслушал разговоры двух молодых женщин.

— Сорок человек, Майя, сорок человек. Говорят, что весь дом, начиная с первой квартиры и до чердака. Там Берта-вонючка жила, и ее тоже.

— Пряма так сорок? — усомнилась грудастая рыжая толстушка.

— Зуб даю! — ее подруга полезла в рот грязным пальцем. — У каждого все косточки вытащили, а мясо погрызли.

— Да брешут, наверное.

— Я сама видела! — женщина скрестила руки на груди. — Там кровищи столько, столько! От пола до потолка все красное! Не веришь, пошли глянем. Ток бутылка сразу бери, я предупреждаю.

Закупившись, я проследовал за болтушками, приведшими меня к дому возле центра развития. Здание огородили желтой лентой, а возле входа дежурил страж. Как его там... Михельсон.

— Вон, кровищи сколько на окнах. А там голова торчит, вроде как улика, потому не убирают.

— Ох, страшно мне что-то, пошли отсюда, — побледнела рыжуха.

Вон те самые мусорные баки, где я прятался тогда. Теперь понятно, откуда было столько крови. Тот незнакомец с собаками вырезал целый дом, вытащил из тел кости (*если, не врут*), а мясо досталась псам.

— Это был ты? — на плечо легла рука. — Такую кашу заварил.

— Это не я, — я сбросил ладонь. — Как вас там?

— Зови меня, Франс, — мужчина придирчиво осмотрел свои лакированные туфли. — Уверен, что не ты?

— Уверен. Что за глупый вопрос? — буркнул я. — Мне пора.

— Да погоди ты, — улыбнулся капитан. — Как насчет съесть кусок горячего пирога и поболтать?

— Пирога? — я сглотнул слюну. — Пирога можно.

С первых минут нашей прогулки я ежился от постоянного внимания. Женщины... Девочки, подростки, девушки, дамы с детьми, и старушки провожали моего попутчика долгими взглядами. Те, кого природа одарили большой грудью, сразу же выпячивали ее, а другие будто ненароком выгибали поясницу, демонстрируя филейную часть.

Кхм, они настолько хотят завести с ним потомство? Мужчина сохранял безразличное выражение лица, не достаивая поклонниц даже намеком на улыбку.

— Ты весьма популярен, — заметил я.

— У меня есть женщина, — Франс едва заметно покачал головой.

— И что? — удивился я. — Чем больше женщин, тем лучше.

— Видимо, ты никогда не испытывал настоящей любви, — по лицу мужчины пробежала тень.

Мы вошли в просторное помещение кафе, заполненное высокими столами без стульев, расположенными вокруг импровизированной арены с канатами. Посетителей не было, ведь на двери висела табличка «Распродано».

— Можно, два особых пирога? — Франс окликнул скучающую продавщицу.

— У вас проблемы со зрени... — девушка осеклась, посмотрев на него. — Думаю, что можно придумать что-нибудь. Погодите пару минут.

Она упорхнула на кухню, а Франс облокотился на стойку и закурил тонкую сигарету:

— Так говоришь, что это был не ты?

— Нет, но я видел убийцу, — я втянул чудесный запах, тянущийся из подсобки. — Высокое существо, примерно два с лишним метра, худощавое, с длинными конечностями, движение размашистые и уверенные. Предполагаю, что очень опасно. Не встречал пока

кого-то близкого к нему по силе. И с ним были собаки. Все животные крупные, в холке не меньше метра, соблюдали построение, двигаясь ровно друг за другом.

— Почему ты назвал его существом, а не человеком? — уточнил Франс.

— Была плохая видимость, но по ощущениям убийца отличался от местных жителей, — ответил я.

— Сильнее меня? — Франс стряхивал пепел прямо на пол.

— Наверняка, совсем другая аура, — я утвердительно кивнул. — А что с телами? Говорят, у них вытащили все кости.

— Нет, — усмехнулся мужчина. — Только позвоночники. Также забрали часть мозга. Если не обращать внимания на укусы собак, то работал профессионал. Наш док говорит, что такой умелец может на ходу вытащить позвоночник, а ты спохватишься только дома. И убийце нравится мучать жертв. Все были в сознании, когда их потрошили.

— Вот ваши пироги, простите за ожидание, — девушка наклонилась так низко, что ее белые груди почти вывалились из сарафана.

Я покинул реальность на некоторое время, пока с двумя пирогами не было покончено. Тренировки Десяти восходов требуют много энергии.

— Держи, так сказать, за ценные сведения, — Франс свернул зеленую бумажку трубочкой и засунул мне в карман. — Ну что, пойдём?

— Сейчас, — я перегнулся через стойку и взял ручку и салфетку. — Ты знаешь, что это за язык?

— Его называют лунным. На нем говорили и писали жители Империи трех лун, — Франс внимательно посмотрел на накарябанные мной закорючки. — Отец дохлой собаки? Или страсть к собачьей тетушке?

— Это случайный набор символов, — поморщился я. — Не надо его переводить. В городе найдутся учебники по лунному языку?

— Зайди в книжный Ларса, — кивнул страж. — Если будет задирать цены, то передай ему, что от меня.

Мы вышли на улицу и собирались прощаться, как из-за угла выкатил автомобиль, окруженный оравой детишек. Длинная черная машина сверкала хромированными деталями, а ребристый капот украшала статуэтка раскинувшего крылья ворона. Владелец скрывался за тонированными стеклами.

— Клановые? — нахмурился Франс. — Нас не предупреждали.

Авто остановилось возле него и окно медленно отъехало вбок. Седой мужчина в костюме и фуражке, наклонил голову в знак приветствия и спросил:

— Не подскажете, где находится дом Тео Гризла?

— А с какой целью интересуетесь? — страж проигнорировал вопрос.

— Ты че, глухой, грязь подзалупная? — с соседнего кресла высунулся верзила, на чьей роже не осталось места от шрамов. — Тебя спросили проехать как.

Франс усмехнулся и... бугай покраснел и высунул язык, пытаясь сделать вдох. Его наглая рожа стремительно синела и пальцы судорожно царапали горло. Когда казалось, что зенки быка вылезут из орбит, из глубины салона донесся голос:

— Не хотели вас задеть, я лично преподам ему урок. Мы направляемся к Гризлам, чтобы передать тело их дочери.

Что!?! Тая мертва!?! Никогда не знаешь, когда смерть придет за тобой или другими. Даже как-то жаль, девушка была добра ко мне.

— Тело или кокейси? — страж наморщил лоб.

— Кокейси, — подтвердил голос. — Мерзавка убила сына главы клана. Так не подскажите, как проехать?

— Прямо и два раза налево, дом сорок три, — сказал Франс, отходя от машины. — Паскудное дельце. Ты знал ее?

— Подруга, — подтвердил я. — После схожу к Большому. Хочу попрощаться.

Кокейси называли ритуальных кукол, которых сжигали или хоронили вместо пропавшего человека или предателя клана. Грубые болванки из дерева со схематичным лицом в виде глиняной маски. Если маска цела, значит хоронят пропавшего, если надколота, то кланового изгоя.

С кокейси тесно связано другое явление — шуя. Это те самые предатели клана, которым отрубали конечности и пришивали к голове кожаную маску. Шуя не может иметь лица. Оно осталось вместе с похороненной ритуальной куклой.

Выходит, что Тая завалила наследника клана, и стала шуя. Ее судьба незавидна. Или помрет от гангрены в отрубленных конечностях или загнетса от голода. Бытует поверье, что приютивший изгоя или давший ему пропитание, навлекает на себя несчастья.

Я был бы дураком, пойдя прощаться с деревянной чуркой. Но мне интересны клановые, и на похоронах кокейси принято выставлять обильное угощение, как бы извиняясь за непутевого ребенка, сгинувшего на чужбине или предавшего клан. Большому будет непросто. Родственники шуя обязаны в качестве извинения преподнести богатый дар клану. А за убийство наследника...

Пошел на следующий день ближе к обеду, полагаясь на знания из книги. Солнце в зените должно отыскать и провести душу пропавшего к кукле, либо очистить грехи шуя.

К дому Большого тянулись цепочки людей, одетых в черное. Особый печали я не заметил, хотя несколько старушек прослезились.

Железные ворота распахнуты настежь, в саду расставлены столы, битком забитые едой и кувшинами с кмысом (сладкий алкогольный напиток). Парочка местных забулдыг успела накидаться и лежала возле забора.

Я принялся поглощать еду, ненароком слушая перешептывания.

— Дрянь девка была, что и говорить. Весь город ославила, потаскуха.

— Да тише ты, хоть поедим.

— Лучше бы мою Марго взяли, такая славная девочка...

Женщины замолчали, наткнувшись на мой взгляд и быстро отошли. Я отложил недоеденный кусок любимого пирога. Но немного подумав, взял со стола целую коробку и отошел в глубь сада. Отсутствие аппетита не повод лишать тело питательных веществ.

— Вот ты где, здоровяк! — жесткая ладонь, обильно поросшая рыжим волосом, хлопнула меня по плечу. — Ну как делишки?

Я обернулся. Большой улыбался во все тридцать два зуба, прикрыв глаза, словно шурясь от солнца. Выше меня всего на голову, в плечах он превосходил всех виденных мной существ. Будто перед тобой стоит широкий комод, а не человек. Большой запустил руку в заплетенную косичками бороду, перебирая медные бусины:

— Тебя прям не узнать, хотя морда такая же скверная. Пойдем, потрещим.

Несмотря на показную веселость, я четко видел в глазах мужчины обреченность. Передо мной стоял живой труп, по привычке переставлявший конечности и улыбавшийся. Такие же глаза я видел у своих братьев, когда последняя небесная колыбель пала. Никакой надежды больше нет.

— Тая говорила, что ты читать учился, правда? — мужчина подхватил со стола кувшин.

— Уже научился, — коротко ответил я.

— Все, как она описывала, — Большой так и не донес напиток до рта. — Будто другой человек. Я слышал от деда, что такое бывает. Бац! И твоего знакомого будто подменили, даже рожа меняется. Зря они тебя со счетов списали, очень зря. Это же ты парней Чесотки подрезал?

— Хватит ходить кругами, — я остановился в тени беседки. — Чего тебе надо?

— Да хочу должок отдать, перед тем, как отправиться на покой, — Большой мгновенно посерьезнел. — Ты не помнишь, но...

— Вам не кажется, что пора начинать? — нас прервал старик в белых одеждах. — Мне не по нутру торчать в здешней помойке.

Чистая, почти сияющая ткань настолько чужеродно смотрелась в мусорном городе, что мне невыносимо захотелось поставить на ней пятно. Это и есть клановый? Он ничем не выделялся, кроме носа... таких шнобелей один на миллион. Одновременно длинный, широкий и вздернутый, с крупной синей веной и пучками седых волос, торчащих из ноздрей, как метелки.

— Дядя, мне кажется, что моя Кай портится от пребывания в этой помойке, — заныл стоящий подле него парень.

Упс, я ошибался. Вот и второй нос прилетел, хлопая широкими крыльями, покрытыми крупными черными точками. В отличии от стройного и поджарого старика, младший нос успел нажрать торчащий живот.

— Чего пялишься, уродец? — пацан посмотрел на меня.

— Пойдем, — Большой подтолкнул меня в спину.

Неожиданно мужчина усадил меня по правую сторону от себя, сразу за матерью дочки. Его жена — худая красивая блондинка с блеклыми глазами — выпала из реальности, уставившись в одну точку. Крис ее не любил. Милая и добрая девушка стала настоящей мегерой после женитьбы, выжив мальчика из дома опьяненного чувствами Большого. Когда Крис играл с Таей, то женщина использовала любой повод, чтобы разлучить их.

— Начнем, — старший клановец поднялся и достал бумагу. — Объявляю, что Тая Гризл мертва. Она предала доверия оказанное кланом и убила наследника, вероломно прокравшись в его спальню и зарезав спящего. Клан Лекс посчитал, что казни будет недостаточно и назначил наказание в виде отсечения всех конечностей и изгнания.

Ухмыляющийся парень достал тряпичный сверток и став ногами на скамейку, принялся

медленного его разматывать. Все громко ахнули. За тканью скрывалась посиневшая женская рука с отрубленными пальцами.

— Прошу вас, — младший нос положил конечность прямо на тарелку Греты. — Ах, совсем забыл.

Вытащив мешочек, он вытряс его на скатерть. Разбухшие черные пальцы посыпались по столу, падая в тарелки и кувшины. Я глянул на Большого. Он так сильно улыбался, что еще немного и уголки губ сойдутся на затылке.

Двое клановых подручных внесли гроб, сбитый из простых досок. Его буквально швырнули на землю, отчего крышка слетела, выпуская рой мух. Вместо кокейси внутри лежала дохлая собака с выпущенными кишками.

— Крис, помнишь, как вы Таей играли в прятки, а она залезла в кладовку, зарывшись в мешок с мукой, — начал тихо говорить Большой. — А потом уснула там, и когда ты ее нашел, то приняла тебя за крысу и ткнула ножом? Ты уж прости эту дурочку.

Мужчина ткнул пальцем в отметину на моем предплечье. К чему это он? Решил вспомнить былые времена?

— Я не самый хороший человек, точнее, полное дерьмо, — продолжил Большой. — Но когда моя девочка родилась... Мне показалось, что я смогу стать другим, стать лучше. Тот день стал самым счастливым в моей жизни. Надеюсь, ты меня понял. Если обидел, то не держи зла. Бывай, Крис.

— И когда бешеная сука кусает руку приютившего ее человека, то... — клановец захлебывался слюной от ярости.

— Прошу простить, что воспитал такую дрянную дочь! — Большой вылетел из-за стола и упал на колени, коснувшись лбом туфель старика. — Прошу, примите дар, чтобы загладить мою вину.

— Что такой мусор может предложить нашему клану? — фыркнул подошедший клановый мальчишка, ставя ногу на спину мужчины. — У тебя есть то, что заменит моего драгоценного брата?

— Небесная раковина! — крикнул Большой. — У меня есть Небесная раковина. Как я жалею, что тратил ее силу на такое мерзкое отродье, как моя дочь. Надеюсь, что она хотя бы частично изгладит мою вину, как родителя.

— А я думал, как эта сучка стала такой сильной, — заинтересовался старик. — Дай мне взглянуть на раковину.

— Шевелись, — глаза мальчишки жадно заблестели.

— Да, она у меня с собой, — пробормотал Большой и выпрямился.

В правой руке мужчины лежал матовый черный револьвер с коротким стволом и выпуклым барабаном. Оружие рывкнуло, выпуская облачко сизого дыма. Голова парня разлетелась кровавой пылью. Большой наставил оружие на старика, но в последний момент его успел заслонить подручный, получив сквозную дыру в груди.

Огнестрельное оружие в этом мире запрещено под страхом смертной казни. Убивают не только преступника, но и ближайших членов семьи. Но если тебе нечего терять...

Клановые быстро спохватились. Фигура деда смазалась, сверкнула серебристая нить, и голова Большого покатила по газону, стреляя кровью из шеи. Второй подручный выхватил меч и одним ударом рассек ближайшую цель — Грету. Тело женщины разъехалось на две части.

Народ с воплями побежал.

Клинок мелькнул перед моим лицом. Черт, похоже, что меня приняли за члена семьи!

Я резко отклонился назад, скатываясь со скамейки. Клановый занес меч, но лезвие прошло мимо, срезав с ботинок краешек носка. Ублюдок! Вытащив нож, я отвел сверкнувший клинок, вонзившийся в землю. Полоснул по низу голени закричавшего кланового, отскочил подальше.

Старик развернулся ко мне. От его пальцев расходились длинные стальные нити, парящие в воздухе. С ним не справиться. Не могу прочитать движения.

Я сделал единственное, что пришло в голову — бросился на подручного, пытаюсь закрыться его телом. С мечом он управлялся неплохо, острое пропахало мне плечо. Левая рука сразу повисла.

Нож вошел в мое любимое место под шейей. Подручный выронил оружие и начал оседать. Буквально вжавшись в труп, я замер.

— Не советую его убивать, — Франс подходил прогулочным шагом.

— Прочь, страж, — старик отбросил тело мертвого охранника и схватил меня за горло. — Ты знаешь правила.

Я лягнул клановца, но нога словно врезалась в каменную стену. Нож также бессильно чиркнул по его шее, оставив красный след. Бесполезно.

— Он не член семьи Гризл, — Франс положил руку на предплечье старика.

— Он убил моего подручного, — пальцы еще сильнее сжались на моем горле.

Сейчас! Клановый на мгновение отвлекся, бросив взгляд на Франса. Нож устремился к глазу ублюдка, но старик остановил его на подлете, ударив меня по ладони. Перелом. Я почувствовал, как касание раздробило кости и зашипел от боли.

— Поиграли и хватит, — страж легким толчком отбросил клановца.

— Да как ты посмел! — вокруг старика засверкали десятки стальных нитей, стегая землю. — Как ты посмел тронуть меня своими грязными руками, помойная крыса!?

— Ты называешь тайного инспектора крысой? — холодно усмехнулся Франс. — Не слишком ли много берешь на себя, дедуль? Забирай эту падаль и проваливай из города.

Мужчина подтолкнул ногой кусок черепа к замершему клановцу. Я ощущал, как от Франса расходятся волны силы. Уверен, что старик тоже их чувствует. Взяв на руки тело племянника, он повернулся к нам и негромко сказал:

— Считайте, что вы оба трупы. Клан Лекс не прощает такого.

Ого, а он серьезен. Это были отнюдь не пустые угрозы. Франс так не считал и сложив пальцами пистолетик, шуточно выстрелил в деда.

— Бах.

— Клановые обладают весомой силой, ты уверен, что сможешь противостоять Лексам? Это благодаря должности тайного инспектора? — спросил я, когда машина клана уехала.

— Я? — удивился Франс. — Я ничего не сделал. Это ты убил члена клана, хоть и при самообороне. Господин тайный инспектор просто пошутил в свойственной ему манере.

— Да ты издеваешься!?! — воскликнул я.

— Да не парься так, скоро у нас будут гости, поэтому, пару месяцев Лексы сюда не сунутся, наверное, — утешил меня Франс. — Тебе случаем к доктору не надо?

Я покосился на посиневшую руку, потом на плечо, продолжавшее неслабо кровоточить. Снова тратить время на восстановление. Мне ведь хотелось просто поесть и поглядеть на представителей клана. Большой устроил настоящее шоу, втянув меня в неприятности.

Раздумывая по дороге к врачу, я пришел к выводу, что мужчина намекал на какое-то

место в кладовке. Хотя может просто решил рассказать дурацкую историю из детства дочери?

Лечение обошлось в семь тысяч ван. Осталось меньше трети суммы, данной Франсем за помощь в деле.

Дэшка будто вымерла. Встреченных людей можно пересчитать по пальцам. Огнестрельное оружие не полагалось даже стражам, да и большинство народа даже не представляло, как оно выглядит. Гален достиг больших успехов в оружейном деле во времена Бича плоти, поскольку его порождения не умели ставить магические щиты. Иногда выходило эффективнее, чем использовать магию.

Согласно местным законам ты обязан уплатить штраф даже если увидел огнестрел в действии. У них вообще много курьезных статей в судебном законодательстве, разделенном на три отдельных кодекса — обычные граждане, клановые и особицей клановая прислуга.

Из самого странного вспомнился запрет на употребление алкоголя с трех до четырех часов ночи, вождение велосипеда в слегка нетрезвом состоянии (в сильном подпитии можно), запрет на смерть в здании суда. Также хождение нагишом в общественных местах, исключая те случаи, когда на хулигане больше трех предметов одежды, считая аксессуары. Надел очки, часы и ботинки, и можешь смело гулять по улице или явиться на заседание суда.

Правда, на практике первые же попавшиеся стражи втихаря изобьют тебя дубинками в ближайшей подворотне.

Отлеживался я больше недели, стараясь не тревожить травмированные участки. Практиковал лишь циклы дыхания и занимался с самоучителем по лунному языку. Дело шло со скрипом. Иероглифы могли менять смысл в зависимости от места в предложении, что существенно затрудняло освоение.

За это время облазил завод вдоль и поперек, найдя выход на крышу и частично заваленный проход на нижний этаж. Но без фонарика туда не сунешься. Но в случае чего, там можно спрятаться.

Про цветы тоже удалось узнать. Небесным цветком оказалась горчанка, в изобилии растущая возле Старого города. Но существовала проблема, ведь при частом и долгом употреблении отвара горчанки в организме накапливается яд. Падало зрение, немели кончики пальцев, появлялись тремор и бессонница. Поэтому необходимо постоянно принимать очищающие препараты. Цена вопроса — двадцать тысяч ван в месяц.

Сходив в Дэшку за едой, я попутно заглянул к дому Большого, убедившись, что стражи там больше не дежурят. Сегодня ночью меня ждет небольшая прогулка. Необходимо узнать, про что говорил Большой.

Только вот... Возле дома уже отиралось несколько типчиков, что-то высматривая во дворе. По сути имущество Большого осталось ничейным, родственников у него не было, а вся семья погибла. По закону его дом и бизнес должны перейти в собственность городских властей. А кто откажется отщипнуть кусочек от их пирога?

Стража не подчинялась мэру, и он не мог заставить их нести дежурство, охраняя его будущий дом и бизнес. Думаю, что половина из околачивающихся здесь зевак это люди мэра.

Прокрасться внутрь я решил глубокой ночью. Погода способствовала — небо затянуло тучами и на улице было так темно, что не видно собственного носа. Использовать спички и или свечи самоубийственно, тебя сразу заметят.

Не один я решил воспользоваться ситуацией — на близлежащих улицах постоянно

слышались шорохи и перешептывания. Здесь собрался целый город? Стражей они боялись, ведь те могли убить на месте при попытке проникновения.

Мэр оказался очень предусмотрителен, выставив целый периметр охранников. Вдоль забора постоянно вспыхивали спички и тлели огоньки сигарет. Буквально через каждые два метра! Вот же убудок. Иногда слышалось позвякивание бутылок.

На крыльце дома Большого горела лампа, освещающая двух охранников, стоящих по обе стороны двери. В окнах света не было, но в глубине помещений проскакивали лучи фонариков.

Я прислонился к забору соседнего дома, решая, как быть дальше. И чуть не вскрикнул, когда за изгородью кто-то сплюнул и расстегнул ширинку. Какой-то чувак все это время стоял в метре от меня!? Мэр и по соседним домам соглядатаев расставил...

— А! Нет, не надо! Ай, я просто мимо проходил! — вдалеке послышались крики.

Один воришка пойман. Лупили его больше десятка минут, видимо, пытаюсь развеять скуку от дежурства.

Я прополз вдоль заборов и свернул в переулок. Когда там столько народу, невозможно прокрасться в дом. Придется дожидаться, пока все уляжется.

— Эй, кто там? — мне по ботинкам чиркнул свет от фонарика. — Пошел отсюда, ворье сраное!

Он и здесь выставил охранников? Мэр явно считал жителей города пропащими, но судя по раздавшемуся топоту и пробежавшей мимо меня фигуре, он был прав. Фух, я думал, что заметил меня. Похоже, что здесь столько охочих до поживы, что можно пройти к дома по их головам.

Луч фонарика взметнулся вверх, а затем упал, уставившись в одну точку. Слышно, как на землю осело тело. Я не шевелился, боясь привлечь внимание напавшего. Охранника вырубил, это ясно, как день.

Заскрежетал металл, а затем раздался негромкий хлопок. Простояв еще пару минут, я медленно приблизился к фонарику и подобрал его. Яркий круг высветил лежащего на животу мужчину, под головой которого собралась лужа крови. Бедолаге вскрыли горло от уха до уха.

Кто стал бы убивать охранника? Убийство человека мэра это серьезное преступление, которое точно станут расследовать и не спустят на тормозах. Местные бандиты вряд ли бы так рисковали.

А вот источник металлического звука — проржавевший канализационный люк. Похоже, что напавший спустился в него.

Пойти следом? Я догадывался, кто мог пролезть в дом, не считаясь с жертвами. Клан. Ищут ту самую Небесную раковину, что упоминал Большой перед смертью? И не сомневаюсь, что найдут.

Подняв крышку, я спустился по проржавевшим, пошатывающимся ступенькам, почти сгнившим от старости. Канализация давно не обслуживалась, судя по потрескавшимся и осыпавшимся стенам. На пыльном полу отчетливо видны следы прошедшего. Какой маленький отпечаток, как у ребенка.

Погасив фонарик, я пошел вдоль стены, пока не нашел достаточно широкую выемку, чтобы там спрятаться. Если клановый найдет сокровище, то я его встречу здесь. А если нет, то смогу воспользоваться его органами, насыщенными Кай.

Ждать пришлось долго. По ощущениям прошло не меньше двух часов, прежде чем

раздались быстрые шаги. Нож лег в руку, и я прикрыл глаза, ориентируюсь только на слух. Десять метров, пять, три...

Идущий остановился, а затем раздался мягкий шлепок и что-то скатилось в канаву для воды. Немного подождав, я включил фонарик и выглянул из-за угла. На дорожке пестрели пятна крови, резко переходящие в широкую полосу, идущую в канаву. На высохшем дне лежало тело девушки-подростка, напоровшееся на торчащий кусок решетки. Бледное лицо распахала резаная рана, идущая от виска к ключице. Вот почему она не дошла.

Я спустился и обыскал тело. Во внутреннем кармане куртки нашелся лакированный черный футляр, скрывавший в себе небольшую ракушку ярко-синего света. Слегка теплая на ощупь, она будто посылала мне в ладонь слабые разряды, пощипывающие кожу.

Заглянул в небольшой портфель и сразу надел его поверх своего. Толстые стопки купюр и стеклянные ампулы со светящимся содержимым ясно говорили о его ценности. Разберу после.

— Прощу прощения, — я слегка склонил голову и принялся раздевать девушку.

Размеры у нас очень похожие, а качество одежды различается на порядок. Ей она все равно ни к чему. Как и сердце с печенью. Покончив с извлечением необходимых органов, я замотал их в кофту и бросил в свой рюкзак.

Когда вскрывал тело обнаружил интересную деталь — спину и ягодицы девочки покрывали многочисленные зарубцевавшиеся шрамы и совсем недавние отметины. Характер травм легко читался — удары плетью. Так же легко объяснялись следы на запястьях и лодыжках. Это точно была клановая?

Судя по отличным кинжалам в кожаных ножнах и доспеху, ее снаряжение стоило немало. Но следы от кандалов и плети?

Я еще раз осмотрел тело и нашел еще одно увечье — все зубы у девушки оказались вырваны. Ей от силы шестнадцать лет, вряд ли это достижение местной стоматологии. Девочке целенаправленно выдрали все зубы.

Собрав все найденное, я вылез из сточной канавы и пошел по тоннелю в противоположную сторону Большого. Возвращаться к люку опасно, если нашли труп, то там будет засада. Странно, что никто еще рыскает по канализации.

Стоило мысли возникнуть в голове, как меня схватили и швырнули в стену. Что-то затрещало, то ли мой череп, то ли старая кладка. Вспыхнул яркий свет и в живот прилетел крепкий удар ногой, выдавив из желудка едкую желчь.

— Нашли эту засранку!

Из-за бьющего в глаза света я мог различить только силуэт. Плечистый мужик с короткими конечностями добавил мне пару пинков, лишая надежды на побег. Я от встречи со стеной отойти не могу, все кружится и вертится, а тут еще сверху прилетает.

Тоннель заполнился людьми с фонариками, считавшими своим долгом дать мне хорошего пинка.

— Эй, так это пацан, — меня приподняли за волосы. — Там точно девка была. А у этого рожа, как у покойника. Точно не он.

— А это тогда откуда? — охранники принялись потрошить позаимствованный рюкзак. — Ох, еще один? Запасливый гад.

На пару секунд повисло молчание. Похоже, что нашли вырезанное сердце и печень.

— Босс, мы девку нашли! Ток ее это... выпотрошили малек, — донеслись голоса.

— Как это понимать? — кто-то сел передо мной на корточки, светя в лицо фонариком. — Ты из нее органы достал, мразь?

— Так может это Костехват? Кости или сердце, все едино для таких тварей.

— Слышите, у стража же тоже сердце вырезали! Все один в один сходится.

— Че вы несете, тупицы. Там кости были, здесь сердце и печень. Две твари у нас завелось, как пить дать.

— Будешь молчать? — в лицо врезался тяжелый ботинок, сминая нос. — Ты стража и девку разделал? А может и костями балуешься?

— Я ее уже нашел такой, просто решил вещички взять, что здесь такого? — произнес я, выдувая кровавые сопля. — А вы сразу наки...

— Да он это, на ноже кровь осталась, — прервал меня злой голос. — Надо мочить эту тварь. Если стражам отдадим, то дельце протухнет, как с Филом. Он, конечно, сухой порядочной был, но не потрошить же его, как поросья?

— Согласен!

— Кончай его мужики. Или давайте ноги с руками отрежем, да и пусть подышает здесь.

— Башка у тебя варит, Сэм. Здесь и крысы водятся, пусть попируют.

— Ну то держите его. Босс, не одолжите тесак, им сподручней будет?

Меня растянули на полу, каждый держал по конечности, а один зачем-то прижимал голову. Никак не вырваться. Сдаваться я не собирался, но обстоятельства намекали на скорую кончину. Хорошо хоть фонариками в морду светить перестали, дав оценить обстановку.

Глубоко дыша, я принялся разгонять доступную Кай по связкам. Сильней меня это не сделает, но позволит проявить максимум силы ценой тяжелых травм, вроде разрыва мышц.

— Шуха, держи, начнем с ноги.

— С левой или правой? — ответил тягучий туповатый бас.

— Со средней, мля! — выругался палач. — Держи крепче, дебил.

Едва почувствовав слабинку, я резко выдернул правое предплечье, до мяса сдирая кожу об камень, и воткнул палец в глаз нависшего мужика. По канализации пронесся усиленный эхом вопль. Больше ничего не сделать не успел, на меня посыпалось такое количество ударов, что померк свет. Затем на лицо плеснуло чем-то горячим и остро пахнущим медью.

— Сзади, сука! Тут еще один!

Перекатившись, я с трудом сориентировался в мельтешении фонариков. На полу валялось тело с торчащим в спине железным ломом. Тупое острие пробило мужика насквозь, немного приподняв его над землей.

Напавший — горбатая фигура в лохмотьях — отбивалась от наседавших парней загнутой крюком трубой.

Выхватив нож у одноглазого мужика, стонущего у стены, я по ручку всунул его в бок отвернувшегося охранника. Черт, застрял. Неудавшийся палач обернулся на вскрик товарища.

Тесак прогудел возле плеча, угодив кончиком в край недавней раны. Рукав моментально потяжелел от хлынувшей крови.

— Заходи слева! По голове ей лупи! — остальные в пылу битвы ничего не заметили.

Я пару раз увернулся от размашистых ударов клинком, идущих крестом. Тесак ушел вниз. Сбив в сторону поднимающееся оружие, я впечатал кулак в гортань противника. Мне удалось поднабрать немного силы, поэтому бедолага захрипел и побагровел. Подобранный

тесак оборвал его страдания.

Мне удалось прикончить двух человек, прежде чем охранники опомнились. Осталось трое врагов. Неожиданный спаситель подловил парня, дернувшего голову ко мне, и труба выбила ему челюсть. Парень угробно закричал и схватился за отвисшую часть лица.

Теперь два на два. Простой бой растянулся на пару минут. Увидевший смерть товарищей противник выкладывался на полную, нанося рискованные и сильные удары. Сражаться с таким сложнее всего. Я успел получить три глубоких раны на груди, пока тесак не смахнул с ладони охранника три пальцы.

Уйдя в сторону от широких конусов света разбросанных по полу фонариков, я из темноты добил поскуливающего от боли пацана. Тот даже ничего не понял, до последнего смотря на фонтанирующие кровью обрубки.

Последнего прикончил со спины, нанизав его на широкое лезвие. Но незнакомец и сам неплохо справлялся, превратив голову охранника в месиво.

Труп соскользнул с клинка.

Существо тяжело дышало. Я не мог рассмотреть его лицо, пока не понял, что все закрывает грубая кожаная маска с узкими прорезями для глаз и рта. Шуя.

— В рюкзаке ампулы, — раздался неприятный скрипучий голос. — Дай их.

Подруга, а в этом я не сомневался, осела на пол, прижимая ладонь к животу. Кровь быстро просочилась сквозь пальцы и закапала на пыльный камень. Подбежав к рюкзаку, я чуть не протаранил головой стену от начавшегося головокружения. Плохо дело, раны куда серьезнее, чем раньше.

— Держи, — трясущимися руками я протянул светящиеся цилиндры.

— Там... Еще... Коробо... — Тая говорила с большими перерывами, а концу предложения свалилась на бок.

Я приподнял ее руку и увидел широкую рану на животе, почти выпустившую девушке кишки. С такими дырками в брюхе долго не живут. Даже не знаю, что делать с ампулами, она вроде упоминала какую-то коробочку.

Жестяной контейнер нашелся на самом дне. Внутри металлический шприц с отсеком под размер ампул.

Иголка вошла в живот подруги на два сантиметра выше раны. Надеюсь, что все сделано правильно. Слабое дыхание замерло, но через пару секунд Тая закашлялась и выплюнула несколько кровавых сгустков. Ужасная рана принялась утягиваться, с едва слышными влажными звуками смыкая края. Поразительно.

— И себе вколи, — посоветовала девушка.

После укола раны начало сильно жечь, но кровь мгновенно остановилась. Похоже, что в ампулах находилась концентрированная Кай с вложенный алгоритмом действий. Даже не представлял, что такое возможно. Мне под силу сделать выжимку из тел сотен людей, чтобы создать концентрат(хотя я не уверен), но вложить в него программу лечения. Уму непостижимо.

— Надо идти, — подруга с трудом поднялась.

Меня слегка мутило, но я себе пересилил и обшарил карманы убитых. Денег много не бывает.

Мы медленно двинулись по тоннелю, понемногу начавшему уходить глубже под землю. Воздух наполнился сыростью. Спустя пару минут пол покрывала тонкая пленка воды, прирастающая на каждый десятый шаг. Когда уровень жидкости перевалил за середину

бедр, я начал всерьез опасаться за сохранность купюр в рюкзаке.

— Ничего не спросишь? — голос Таи звучал глухо.

— А должен?

— Какой же ты debil, Крис, — девушка обогнала меня, со злостью мешая ногами воду.

В трех метрах от меня ухнула каменная глыба, отколовшаяся от потолка. Лучом фонарика я проследил трещину, ушедшую далеко вперед. Как бы нас здесь не завалило.

— Ты как? — я наконец-то понял, чего хотела подруга.

— Офигенно! — резко повернулась Тая. — Моя семья мертва, мой источник разрушен, нет пальцев на ноге, нет левой руки, к роже пришта сраная маска, и спустя месяц я превращусь в кусок мяса. Вот так мои дела.

— Так все же, что случилось? — спросил я.

— Я не дала наследнику клана и пяти его дружкам себя трахнуть, вот что случилось, — буркнула девушка. — Ну и еще отделала его на глазах учеников дружественного клана. Потом эти уроды пришли ночью ко мне в спальню. Думали, что вшестером справятся. Но теперь мамашам этих дерьмоедов придется потратить много времени, чтобы пришить хозяйство сыночкам перед похоронами.

— Представитель клана уверял, что зарезала спящего наследника, — хмыкнул я. — Но твой отец прострелил голову еще одного.

— Батя такой, — усмехнулась Тая. — Он всегда был....

Подруга резко замолчала и остановилась. Она всхлипнула и зашмыгала носом.

— Мертвых не вернуть, — тихо сказал я. — Но они всегда останутся жить в наших сердцах.

— Да знаю я! — огрызнулась Тая. — Умеешь ты утешить, блин.

Из канализации мы выбрались вместе с потоком грязи и нечистот скопившихся в одном из ответвлений. Стоит ли говорить, что пахли ничуть не лучше отбросов. Тая фыркала и постоянно трогала края маски, будто пытаюсь просунуть пальцы под шов. Со мной она больше не говорила.

— Мы дома, — я развел руки, показывая завод.

— Угу, — буркнула девушка, идя за мной.

Габс зашипел, стоило ей зайти в убежище, после чего Тая забилась в угол и вообще перестала реагировать на происходящее. Перебесится. Я развел небольшой костерок и поставил горшок на самодельную подставку, насыпал немного каши, вывалил банку мяса и рыбы. Должно получиться вкусно.

Пока готовилась еда, разобрал рюкзак. Три миллиона ван наличностью, десять исцеляющих ампул, триста грамм золотых побрякушек, какие-то бумаги, футляр со свитком на непонятном языке. Я от досады заскрипел зубами. Да сколько можно!? Лунный язык еще ладно, зашифрованный блокнот из центра — терпимо, но это что за каракули!? Пыл немного успокоила коробочка с травяной пилюлей, хорошо хоть к ней прилагалась инструкция. Концентрат ледяного мха существенно укреплял кости принявшего, но взамен температура тела и метаболизм несколько понижаются. Противоречивая штука.

— Перчатки? — я потряс старые кожаные перчатки без пальцев.

На костяшках перчаток имели конические металлические набойки, а еще пахли потом. От них прямо разило.

— Это необычная вещь, — внезапно заговорила Тая. — Отец говорил, что в них заключена злая энергия. Тот, кто их наденет будет одержим жаждой битвы.

— Разве энергия может быть злой? — я удивился. — Энергия это просто энергия.

— Ты такой же глупый карлик, как и раньше, — вздохнула девушка. — Сама по себе не может, но если ее насытить своей волей, то вполне.

О чем она вообще толкует? Как можно насытить что-либо своей волей? Ты просто берешь ману из окружающей среды, выстраиваешь ее в конструкт и творишь заклинание. Снова ничего не понимаю и меня это жутко бесит.

— Тебе надо поесть, — я снял закипевшее варево с огня. — И можешь рассказать подробнее.

— Ой да черт знает, как там все устроено, — Тая запахнулась в плащ, словно желая полностью скрыться под ним. — Никогда не слушала лекции.

Блин, как она все-таки бесящая. Может дать ей пару раз в рожу, чтобы она успокоилась!? Разве она не понимает, что перед ней стоит верховный некромант Галена, сильнейший из магов?

— Фу, какая гадость, — я бросил перчатки обратно в рюкзак. — Они как-то влияют на разум. Мне жутко захотелось тебя поколотить.

— Я завтра уйду, — совершенно не слушая меня, прошептала девушка. — Я должна отомстить этим уродам.

— Хорошо, — я отправил в рот ложку дымящего лакомства.

— Не будешь меня останавливать? — вскинула голову Тая, но тут же приспустила капюшон. — Говорить, что я однорукая калека с выжженным источником, а на моем лице

маска шуи? Что месть не выход?

— Если хочешь глупо погибнуть, то это твой выбор, — я до блеска вычистил горшок и облизнул ложку.

— Дурак, — прошипела подруга и отвернулась к стене.

Теперь самое интересное. Я открыл футляр с Небесной раковиной и провел пальцем по глянцевой внутренней полости. Чувствую, как от нее исходит жизненная сила. Приятно. Словно окунул пальцы в теплое море. У самого края раковины было проделано небольшое отверстие, видимо, для шнурка, который нашелся на дне кейса. Но штукавина слишком ценная, чтобы постоянно носить с собой. Мне за нее горло перережут не задумываясь.

Но преимущества Небесной раковины неоспоримы, благодаря ее ауре я смогу быстрее восстанавливаться и накапливать энергию. Тренировки десяти восходов и Небесного цветка в разы ускорятся. Может мне вообще не придется использовать токсичный отвар небесного цветка, если применять раковину. Надо попробовать завтра. Я все же накинул артефакт на шею, чтобы использовать его во время сна. За хрупкость раковины опасаться не стоило, такую не раздавишь брошенной сверху наковальней.

Уснул быстро, стоило только закрыть глаза. Но проснулся еще до рассвета — тело пылало жадой действий. Но встать стоило еще раньше. Таи и след простыл. Также пропала сумка с деньгами и исцеляющими ампулами, только свиток остался валяться на полу. Черт, я мог бы догадаться, что так выйдет. Небесная раковина на месте.

Выскочив на улицу, я за несколько секунд отыскал следы девушки на влажной земле. Она не пошла в город, а двинулась в совершенно неожиданном направлении — в Белые пустоши. Что эта дурочка там забыла? Хочет просто сгинуть вместе с моими деньгами? Выругавшись на лунном языке, я ринулся обратно в убежище, где переоделся в добытую вчера броню. Кинжалы и короткий меч берем с собой. Для Габса вывалил банку тушенки, в спешке угодив ему прямо на голову. Кот раздраженно зашипел.

— Это тебе, не злись, — я снял с шеи Небесную раковину и положил на фыркающее животное. — Нравится же, да?

Габс замурчал и свернулся клубком возле артефакта.

На всякий случай накинув на себя драный плащ, чтобы не светить дорогую амуницию, я бросился по следу. Идти пришлось больше получаса, след потерял еще раньше, но не сильно волновался. Похоже, что Тая направилась в заброшенный город. Не в пустоши же.

Как только показались первые многоэтажки, я сместился поближе к зданиям, стараясь держаться вплотную к стенам. Солнце только вошло, а песок уже ощутимо нагрелся. Еще полчаса и задует обжигающий ветер. Но я ошибся. Стоило только углубиться в город на сотню метров, как насмешливый порыв швырнул в лицо пригоршню песка. Проклятое место. Песчинки противно скрипели на зубах, и я нырнул за обломок, чтобы прополоскать рот.

— Сюда малявка побежала, — неожиданно раздался противно-скрипучий голос. — И пропала! Куда делась эта мелкая шлюха?

— Зачем нам ее вообще искать? — заныл второй. — Деньги у нас. Кому вообще нужна шуя?

Если бы я не отошел, то неминуемо наткнулся на них. Судя по разговору, парочка ищет Таю. Вряд ли в Дэшке есть еще одна шуя. Но самое паршивое то, что мои деньги перекочевали к новому хозяину. Вот же тупая девка.

Когда голоса чуть отдалились, я выглянул из своего убежища. В двадцати метрах шли двое мужчин — один круглый как шар, с лысой башкой, второй долговязый и тощий. Оба в

дешевых коричневых плащах, как только не бояться свариться при местной жаре? У толстяка на спине закреплен большой молот с клювом. Тощий таскал арбалет.

Идти за ними? Нет, они охотятся за Таей, а в девчонке нет нужды. Куда важнее спасти собственные денежки. Но с другой стороны, кто знает, на кого я могу там нарваться? Даже искалеченная Тая представляла собой сильного бойца. Обычный бандюган ей и в подметки не годится. Решено, допрошу их.

Сыпучий песок скрадывал звуки шагов, а поднявшийся ветер заглушал остальной шум. Я следовал за парочкой совсем близко, в метрах десяти. Надо выждать, когда они подставятся. Толстый внезапно остановился, а затем схватился за живот и начал пританцовывать. Доходяга всплеснул руками.

— Да ты заебал срать! — донесся его голос.

Толстяк бросился к ближайшей дыре в стене и нырнул туда, на ходу снимая штаны. Тощий взвел арбалет и сел на землю, подстелив полы плаща. Его гадящий напарник задерживался и парень начал скучать. Он поднял оружие и принялся что-то выцеливать. Со щелчком сорвался болт, прибив к стене кусок пленки, гоняемый ветром. А он хорош.

Я сорвался с места, планируя добраться до молодчика, пока он не перезарядит арбалет. Кинжалы выскользнули из ножен, готовые резать живую плоть. Один удар. Прикончу его одним ударом. Тощий заметил меня, когда нас разделяло всего несколько шагов. Я отвел руку для удара. Он откинул плащ и потянулся к длинному загнутому ножу, закрепленному на поясе веревкой. Никак не успеет. Почти сразу повеяло чувством опасности. Я резко сменил траекторию движения и проехался по песку в подкате.

— Стой! — раздался крик.

Тая. Это ее голос. Щелчок. Над головой просвистел арбалетный болт. Толстый вернулся!? Нет. Я попал в ловушку. Пухляш лежал в дыре, установив арбалет на маленькую деревянную стойку. Они с самого начала планировали это.

Черт, попался, как дурак. Но не время менять планы. Я отвел свободной рукой удар тощего, намеревавшегося всадить кинжал мне в горло, и мазнул лезвием по его предплечью. Быстрый, зараза. Успел отдернуть конечность, иначе вспорол бы ему мясо до кости. Я отклонил голову, пропуская размашистый дилетантский удар. Что за неумеха? Противник попытался еще несколько раз достать меня, а потом словно ненароком открылся, подставляя корпус. Еще и отшагнул назад, чтобы получилось его достать только отчаянным уколом. Ага, уже поверил.

Я рухнул на землю, а тощий высоко подпрыгнул. Между его сапог пролетел болт, врезавшись в стену за нашей спиной. Хм, циркачи какие-то, а не приличные бандиты. На что долговязый рассчитывал, если потенциальный противник разгадает трюк? Он в воздухе, нет никакого пространства для маневра. Ему остается приземлиться на мой клинок.

Или опять ловушка? Мой мозг отчаянно пробуксовывал. С тварями на Галене было попроще, им присуща определенная хитрость и зачатки тактики, но они больше полагались на силу и ловкость. А здесь приходится продумывать каждый шаг. Нет, слишком похоже на западню.

По наитию я метнулся вбок, а не к тощему. И не прогадал. Он взмахнул рукой, выбрасывая стальную звездочку, глубоко ушедшую в песок. Толстяк тоже сделал свой ход — он целился из небольшого арбалета, отложив в сторону основной. Дылда уже почти приземлился, я практически закрыт его телом, но... Крохотный болт пролетел между ляжек тощего, едва не угодив тому в задницу, и ужалил меня в бедро. Сука. Глубоко вошел,

сантиметров на пять.

Ублюдки, думаете, что одни такие умные? Признаюсь, во мне говорило бешенство, отчего я решился на подобную глупость. Никогда не умел метать кинжалы, относительно мастеров оружия, конечно. Бросок сделал одним предплечьем, сжавшемся от боли перенапрягшихся мышц. Так врагу труднее будет среагировать. Тощий попытался уклониться, но сделал только хуже. Изначально, я попал бы в надбровную дугу, что вообще не гарантировало смерть, не так уж и силен бросок. Но мужчина дернулся, буквально подставляя глаз. Взмахнув руками, он осел на землю, запрокинув голову.

— Маша! — заорал толстяк.

Большой Чон с самого детства был трусоват, да и неповоротлив. Другое дело его подруга Маша — высокая, быстрая, гибкая, как ивовый прут. Чон всегда ей восхищался, а когда стал подростком, то и вовсе влюбился. Другие парни не держали Машу за девушку, ведь грубые черты лица, сиплый голос, плоская фигура и небольшие усики не слишком свойственны женскому полу. Но Чону было плевать. Он таскался за ней, как собачка.

Когда Маша связалась с хулиганами, он без раздумий отправился за любимой. Ему не нравилось издеваться и бить людей, но желание быть рядом с подругой перевешивало все моральные принципы. Потом они оказались в настоящей банде, он впервые убил человека — размозжил мелкому парнишке лицо дубинкой. И его любовь наконец приняла ухаживания. Поначалу Чону избили, ведь посчитали, что он клеится к парню, но после ситуация разрешилась.

Много чего было в их жизни: долгие годы в наемниках, неудачи в постели, наемные убийства, скандалы. Но постепенно притерлись друг к другу. К сорока годам им удалось собрать денег и бросить криминальное ремесло. Пара обосновалась в небольшом городе, открыла пекарню, у них родилась дочь. Одаренная. Бизнес приносил доход, но его не хватало на таблетки и эликсиры для развития чада.

Когда с ними связалась главарь банды старуха Шалма, предложив легкое дельце на три миллиона ван, супруги не раздумывали. Работа оказалась еще легче, чем они думали. Дочка знакомого Шалмы вышла на нее и рассказала о своей нелегкой судьбе, попросив помощи с мезьтью. Глупая шуя. Они вытащили счастливый лотерейный билет, ведь бонусом шли десяток исцеляющих ампул и ценные бумаги на пять миллион ван.

Шуе не хватило ума даже умереть нормально. Чон ведь просил ее не дергаться, чтобы все прошло быстро и безболезненно. Но девка ударила его и решила свалить. Хорошо, что Добряк успел ей кровь пустить, далеко не уйдет. Чон искренне разозлился на шую, он ведь хотел, как лучше, он просто старается ради будущего своей дочери. Разве нельзя спокойно постоять, пока тебе не отрубят голову?

Потом появился этот пацан. Они вообще бы не засекали его, но выручил амулет Кша-тари, чувствующий внимание, направленное на его владельца. Дорогая штука, ведь для ее изготовления жрецам нужно принести в жертву трех рабов. Чон не любил жертвоприношения, но амулет выручал не раз. Как и сейчас.

Они с Машей провернули свой любимый трюк. Он отошел якобы по нужде, а жена дурачилась, делая вид, что расслаблена. Чон уже ждал в засаде, приготовив арбалет. Сколько умников полегло на такой дурацкой уловке, они уже считать перестали. Но все пошло не по плану.

Пацан... Мелкий каким-то образом смог увернуться от арбалетного болта. Не каждый

одаренный повторил бы такое. Да, его предупредила шуй, но уже было слишком поздно. Не может же он быть подмастерьем? Что ему делать в такой дыре? Ничего, сейчас Маша нарежет ублюдка на кусочки.

Чон приник щекой к ложе арбалета, наблюдая за боем на кинжалах. Какой мерзкий пацан. Рожа бледная, будто всю кровь выпустили, и зубы треугольные, как у дикарей с островов. Малец метнул на него быстрый взгляд. Мужчина забыл, как дышать, придавленный двумя черными, как смоляное озеро, глазами. Черт, чуть не проморгал время для следующего трюка, спохватился он. Маленький арбалет отправил стрелу точно между ног жены. Дерьмо, должен был попасть точно в живот. Но нога тоже неплохо, лишит мальчика подвижности.

Чон перезарядил оружие и приготовился к следующему выстрелу, благо у них с Машей полно подлянок и грязных трюков. Но... Кинжал в руке мелкого неожиданно исчез. Что!? Маша запрокинула голову, откуда торчал нож, вошедший почти до самой рукояти. Кровь быстро побежала по впалым щекам жены и скрылась за воротом рубашки. Мужчина затрясся и случайно нажал на спуск, отправляя болт в песок. Невозможно. Горячий песок показался ему холоднее ванны со льдом. Налетел ветер. Здания уныло загудели, будто огромные расстроенные трубы, но их плач показался Чону ужасной издевкой.

— Маша! — закричал он, вскакивая и доставая дубинку.

Он не любил ближний бой, а кровь и кишки вызывали тошноту. Но сейчас Чон был готов голыми руками разорвать мальчонку на куски, раздробить ему кости и поссать на останки. Бледный ублюдок безразлично стоял, смотря на его приближение. Сейчас Чон покажет, что такое десять лет охоты за головами. Окованная сталью дубинка просвистела возле плоского носа пацана. Мужчина зарычал, предвкушая победу. Только острая боль в животе отрезвила его и заставила сделать несколько быстрых шагов назад.

— Что за херня? — прошептал он.

От длинной резаной раны на его животе к окровавленной и блестящей руке мальчишки тянулась серая петля кишок. Чон уставился на два черных провала, в которые превратились глаза противника.

— Иди сюда, — мелкий потянул за потроха, набрасывая одну петлю себе на предплечье. — Быстро.

Мужчина вздрогнул и завывая, как собака, сделал короткий шаг вперед. Из его брюха остро несло дерьмом и кровью. Только запах сводил Чона с ума, а вид валяющихся в песке кишок, выскальзывающихся из его живота, словно угри, за пару секунд сломал его. От стресса его кишечник и мочевой пузырь опорожнились, но Чон продолжал идти мелкими шажками.

Перед его глазами мелькнула серая полоса — лезвие меча вспорол шею, заставляя кровь брызнуть дугой. Последнее, что Чон увидел, это ухмылка пацана, намотавшего на руке почти все его потроха.

— Что-то меня занесло, — я махнул рукой, бросая на землю внутренности жирдяя. — Похоже, что выстрел из арбалета приводит меня в настоящую ярость. Надо запомнить.

На что вообще толстяк рассчитывал? Он двигался медленнее, чем слизняк. Как можно не заметить, что тебе распороли брюхо и засунули туда руку? А вот второй был получше.

Прикусив ворот плаща, я надавил на древко болта, заставляя его залезть поглубже в мясо. Нужно протолкнуть его так, чтобы острое вышло наружу. Еще чуть-чуть. Готово. Зашипев от боли, подхватил скользкими от крови пальцами наконечник и резко дернул. Дерьмо. Меня прям в жар бросило. Повезло, что выстрел прошел далеко от кости и не задел артерию. Оторвав кусок одежды толстяка, я перемотал рану. Паршиво. Когда наступаю, то бедро сводит. Может у этих ублюдков есть исцеляющие ампулы?

— Ты чего там стоишь? — я окрикнул Таю, замершую в тени стены.

Я быстро обшарил убитых. Забрал кинжал из глазницы, прихватил ножик тощего, у толстого нашелся странный амулет, разберусь с ним позже. Прихватим еще небольшой арбалет и пачку болтов. Жаль, что толстый дурак наступил на основное оружие, основательно погнув левую дугу и заставив деревянное ложе треснуть. В карманах парочки нашлось всего пять тысяч ван с мелочью.

— Где мои деньги? — я подошел к остоленевшей Тае.

Девушка смотрела мимо меня. Устав ждать, я хлопнул ладошкой по кожаной маске, прикрывавшее ее лицо.

— Очнись! — пришлось рывкнуть.

— Они обманули меня, — та упала на колени, начав всхлипывать. — Я думала, думала...

— Да вообще плевать, — я скривил лицо от раздражения. — Сколько там людей, насколько они сильны и... Где мои деньги!?

— Осталось двое, — прошептала девушка. — Старуха довольно сильна... Еще парень, он чуть слабее. Деньги у них.

— Понятно, — кивнул я.

— Ты куда? — за спиной раздался крик шуи. — А я? Что мне делать!?

Ничего не ответив, я только ускорил шаг, но Тая нагнала меня и потянула за плечо. Бесит. Скинув ее ладонь, быстрым движением перехватил руку и потянул на себя. Девушка споткнулась и получила хлесткую пощечину. Я бил не сильно, но она упала так, будто ее ударили кинжалом в сердце.

— За что? — раздался приглушенный всхлип.

— Давай проясним один момент, — я сел на корточки прямо перед ней. — Ты украла мои деньги и впуталась в передрагу, из-за чего мне приходится рисковать жизнью. Я уже получил довольно неприятную рану, а вскоре вообще могу умереть...

— Убей меня, — девушка прервала мою речь. — Я просто хочу умереть.

— Какая же ты жалкая, — я резко поднялся и пошел прочь.

Дойдя до начальной точки маршрута, где я пересекся с парочкой бандитов, я взял левее. Вроде бы они пришли оттуда. Приходилось шагать крайне осторожно, постоянно осматривая окрестности. Не хочу наткнуться на еще одну засаду. Да честно признаться, я вообще не хочу вступать в бой. Но три миллиона ван слишком большая сумма, чтобы отступить.

Нашел.

Двое сидели в углу между стеной и отвалившимся обломком. Старуха с седыми волосами, забранными в пучок, что-то читала в небольшом блокноте. Крупный, коротко стриженный парень, с рыбьими глазами просто смотрел вдаль. Сумка лежала ровно посередине между бандитами. Я не ощущал в них особой силы, но и слабыми бойцами они не выглядели. Как же не хочется рисковать. Может попробовать подстрелить парня из арбалета?

Я прикинул расстояние и силу ветра. Нет, легкий болт гарантированно сместится с траектории. Может лучше отступить? Все же деньги и ампулы не стоят жизни. Но такую крупную сумму мне вовек не заработать. Бабки нужны на первоначальный толчок, чтобы не застрять на свалке на десяток лет. Рисковать или нет?

Парень поднялся и что-то сказал старухе, ответившей кивком. Он направился ко мне, точнее в том направлении, куда ушла пара бандитов. Похоже, беспокоится об их долгом отсутствии. Я затаил дыхание и вжался в песок, стараясь не выдать свое присутствие. Есть. Он уже ушел достаточно, чтобы не слышать звуки боя.

Я пополз, будто жалкий червяк, стараясь незаметно приблизиться к женщине. Из рукавов ее пальто выглядывали крупные руки, даже издали казавшиеся жесткими и твердыми. Другого оружия не наблюдалось. Короткие ноги покрыты мускулами, видными сквозь толстые серые чулки. Она в два-три раза крупнее меня, причем отличается плотным, коренастым телосложением, характерным для бойца. Лучше избегать тесного контакта.

Ох, она обернулась, посмотрев точно в мою сторону. Заметила?

— Выходи, нечего затягивать этот спектакль, — спокойный голос развеял все сомнения.

Я поднялся и отряхнул одежду. Старуха не шелохнулась, безразлично смотря на мое приближение. Ее серые глаза казалось смотрели мимо, направленные на горизонт. Грубое лицо, покрытое сеткой морщин, с прямыми, поджатыми губами, словно выточено из серого, неприглядного камня.

— Они мертвы? — женщина начала двигаться, когда я был в пяти шагах от нее.

— Безусловно, — кивнул я. — Мы можем избежать ненужной крови, если ты отдашь мне мои деньги.

— Твои? — хмыкнула она. — Мне кажется, они принадлежала той девчонке.

— Обойдемся без пустых споров. Так каким будет твой выбор? — я схватил левой рукой кинжал. В правой держал заряженный арбалет, укрытый плащом.

— Попробуй забери, мальш, — усмехнулась она.

Я откинул полы плаща, стреляя от бедра. На таком близком расстоянии даже не придется целиться. Главное нанести противнику рану и деморализовать его. Женщина фыркнула взмахом руки откидывая болт. Потрясающая реакция. Она сильнее, чем я думал. Я откинул арбалет, чтобы не мешался и подскочил в врагу, атакуя быстрыми размашистыми движениями. Клинок описал три дуги, размывшись от скорости. Женщина отскочила и подбросила сапогом песок, метя мне в глаза. Какой дешевый трюк.

— А ты быстр, — она сбросила плащ, оставшись в кожаной безрукавке. По предплечью бежала струйка крови.

Дерьмо. У нее фигура, как у быка, вставшего на здание лапы. Рука толщиной с мою талию покрыта рельефными мышцами, а на коже практически не осталось места от шрамов. Старуха встала в стойку, подняв кулаки на уровень подбородка и отставив левую ногу.

Первого удара я не заметил. Мне в живот словно прилетел валун, откидывая на пару

метров. С первым же выдохом я оросил песок капельками крови. Еще один такой удар я попросту не переживу. Женщина не дала мне отдышаться. Пинок ногой по затрещавшим ребрам снова отправил в полет. Сука, она слишком сильна!

— А мальчишка умеет кусаться, — старуха покосилась на порез, охвативший лодыжку от колена до пятки. — Почти перерезал сухожилия, хвалю.

Судя по нахмурившимся бровям, она стала серьезнее. Я едва смог подняться. Внутренние органы будто превратились в кисель. Дыхание до сих пор сбито. Еще один удар и встречусь с Белой госпожой. Старуха снова приготовилась, вставая в ударную позицию. Если бы я успел всадить клинок чуть поглубже...

Удар. Она стала чуть медленнее? В первый раз мне не удалось заметить момент начала атаки, а сейчас я вижу размытый силуэт. Успею увернуться? Каменный кулак женщины задел ребра по касательной, попросту счесав кусок брони вместе с кожей. От невероятной скорости рану сразу прихватило ожогом.

— Сученьш! — харкнула кровью женщина. Ее лицо наискось рассекала глубокая рана, а кончик носа оказался практически срезанным.

Я хотел вскрыть ей глотку, на старуха успела подставить морду. Она сделала неуверенный шаг в мою сторону, но ее повело влево. Женщина зарычала, с трудом удержав равновесие. Что с ней такое? Не думаю, что дело в кровотечении, хотя чулок полностью покраснел, да и раны пусть и глубокие, но не задеты важные сосуды. Хм, а если подумать, то предыдущий противник тоже вел себя странно, буквально подставившись под нож.

Может ли быть, что мне достались совсем непростые кинжалы? Но от них не исходит никакой силы. Обычный металл и немного кожи. Но мне только на руку, если враг ослабнет.

— Думаешь, только у тебя есть козыри в рукаве? — женщина выпрямилась и застыла, будто ей в хребет вставили железный кол.

Из рукавов ее пальто выскользнули полосы черной ткани, покрытой белыми письменами. Они продолжили падать, будто шелковый водопад, растекаясь вокруг женщины беспорядочными узорами. Ветер затих, напоследок бросив на сапоги горсть мелкого белого песка.

— Не думала, что придется использовать их на какого-то сопляка, — половину лица старухи залила кровь, превращая его в маску демона. — Черные змеи Калдеи, явитесь на мой зов.

Тканевые ленты пришли в движение, расщепляясь на десятки антрацитовых змей, единой волной устремившихся ко мне. Ожившая стена рептилий казалась монолитной, настолько много гадин породили куски ткани. Подозреваю, что твари опасны вовсе не длинными клыками, все же их тела несколько прозрачны на полуденном солнце.

— Любопытно, — сказал я, поднимая руку.

Змеи резко остановились в полуметре от меня. В ушах раздался пронзительный звон, а из носа потекла струйка крови. Черт, не стоит забывать, что я не в своем прежнем теле... Еще немного и потерял бы сознание.

— Что...? — старуха грохнулась на задницу.

А ведь она могла победить, не решишь использовать артефакт. Я бы вряд ли смог бы пережить даже ослабленную атаку, ведь чувствую, как живот заполняется кровью из разорванной печени. Но сейчас, когда вокруг разлито столько маны, выбрасываемой этими черными свитками, все круто изменилось.

Я махом уполовинил количество змей, забрав ману на лечение. По голове будто ударили

деревянным молотом, выбивая из нее кровь и сопли, но раны удалось немного залатать. Как же свезло, что артефакт делал какой-то неумеха, не защитив его от банального поглощения. Все же пора кончать с этим, удача слишком мимолетна, чтобы долго наслаждаться ее дарами.

— Умри, — я заранее сформировав конструкт. — Длань Белой госпожи.

Бак Енсу был абсолютным гением. Его уровень Кай равнялся девяносто семи. Никем не превзойденный рекорд. Величайший показатель за всю историю измерения потенциала. С самого рождения ему прочили место на самой вершине. Но...

Бак Енсу был абсолютной бездарностью. Он не мог освоить даже самой простенькой техники. Тогда его начали звать пустышкой. Первоначальный восторг семьи сменился равнодушием, впоследствии перешедшим в ненависть. Он был тем, кто сокрушил надежды своей семьи, что не простили даже первенцу. Впервые он осознал свое положение на тренировочном спарринге с братом, попытавшемся его убить. Затем было похищение, отравление, обрушение здания, наемные убийцы. Семье отчаянно пыталась избавиться от ребенка, ставшего поводом для насмешек.

И тогда Бак сбежал. В тринадцать лет он отправился странствовать по миру, поклявшись, что найдет способ стать сильнее и отомстить родственникам. И вот, ему двадцать пять, и он так же жалок, как и раньше.

— Боги, может мне просто найти хорошенькую девушку и жениться на ней? — Бак ударил ногой по песку, поднимая тучу пыли.

Парень помрачнел. Если свою бездарность он еще мог стерпеть, то тотальный провал в личной жизни приводил его в бешенство. Бак ударил кулаком в стену, проламывая дыру. Девственник... Он до сих пор девственник.

— Мне дорога только в Белые пустоши, — пробормотал Бак, поправляя рюкзак. — Не могла же та гадалка наврать.

Сложившиеся остовы зданий и завывание ветра могли вселить тревожность в любого, но Бак был удивительно нечувствителен к таким вещам. Парень собрался пнуть очередную горку песка, как его острый слух уловил отдаленные голоса. Бесшумно подкравшись, он выглянул из-за обломка здания.

— Старуха и пацан? — удивился Бак. — Они на пикник вышли?

Когда бабка ударила мальчишку так, что того отнесло на пару метров, Бак с пониманием кивнул. Дети иногда очень раздражают. Увидев, что пацан в отместку резанул старуху, Бак снова одобрительно кивнул. Старики тоже нередко бесят. Но удары такие быстрые, неужели они одаренные? И в их семье принято так отчаянно лупить друг друга?

— Всякое бывает, — пожал плечами Енсу, продолжая наблюдать.

В момент, когда из рукавов старухи выскользнули черные тканевые свитки, Бак запоздало понял, что это вряд ли милая семейная потасовка. Древние свитки призыва очень опасны. Откуда он вообще у бабки? Свитки невероятно трудно достать, а их цена может доходить до десятков миллионов ван. Но пацан стоял не двигаясь, будто призрачная лавина змей не опасней ветерка.

— Какого хера! — Бак вышел из укрытия, вовсе глаза смотря на происходящее.

Парнишка махом уничтожил половину черных змей и что-то сказал, едва размыкая губы. У не отличавшегося чувствительностью Бака мгновенно похолодела задница. Такого ощущение опасности он не ощущал в самых отчаянных заварушках.

В первое мгновение ничего не произошло и Бак отругал себя за слабохарактерность, но затем песок мелко задрожал. По земле прошелся толчок, как при землетрясении. Стало так тихо, что Баку показалось, словно он слышит, как звенит воздух, раскаленный полуденным солнцем. Старуха быстро вскочила, бешено мотая головой. Она будто видела то, что неподвластно глазам Бака.

Но затем увидел и он. Из земли вырвалась рука, белая, как лист дорогой бумаги. Она ухватила женщину за лодыжку и та истошно завопила. Казалось тонкие пальцы легонько скользнули по ее одежде, но прикосновение содрало кожу и мясо, оставив протяженные зияющие раны. Рука скрылась в песке, но на ее место сразу пришло три других. Они выглядели крупнее, достав старухе почти до пояса.

Бак повидал много крови, но от звука срываемого заживо мяса, по его спине покатился холодный пот. Белые пальцы гладили женщину с нежностью, словно тончайший хрустальный сосуд. Ноги ниже колен превратились в вылизанные досуха желтые кости, но десяток рук удерживал тело, не давая ему упасть. Песок взрывался, выпуская из себя бледные длани, несущие смерть, но их стало так много, что они могли лишь жадно вытягиваться в сторону жертвы.

Старуха не переставала орать, даже когда рука величиной в ее рост, стянула ее лицо и волосы. Глаза быстро вращались в орбитах, будто их насадили на вертел и быстро крутили. Долго мучиться ей не пришлось — титаническая ладонь сграбастала еще живые остатки и утянула под землю. Бак мог поклясться, что слышал, как бедолага кричит, погребенная под слоем песка.

Белые конечности не успокоились, утянув жертву. Они пришли в ярости, разрастаясь кольцами и круша все на своем пути, пока бак не понял, что еще пара секунд и они доберутся до него. Но было уже поздно. На его голову посыпался песок, стекающей с исполинской руки, высотой с третий этаж. Парень не мог вдохнуть, воздух словно превратился в кусок льда. Чернильная, неестественно густая тень нависла над ним, как надгробие.

От удара огромной ладони по земле пошла волна, а песок побелел, став светлее молока.

— Теневой шаг, — пробормотал Бак, успевший выбраться в последний момент. — У меня, блять, получилось! Я нашел его! Нашел!

Я наблюдал, как заклинание разрастается, пожирая дорогуций артефакт. Жаль конечно, но другого выбора не было. Уже не оставалось сил, чтобы вмешаться и подправить магический конструкт. Телу слишком тяжело даются подобные манипуляции. И так едва не похерил то, что подлечил.

— А это еще что? — ко мне быстро приближался человек.

Я покрепче взял кинжал, но сил для сражения совсем не осталось. Хм, а я знаю этого парня. Мы виделись на рынке, он еще тогда покупал мешок для измерения удара. Неужели замешан в это дело? С ним мне точно не справиться, разница в силе у нас колоссальна.

Когда до меня оставалось пару шагов, парнишка упал лицом в землю, и подкатился ко мне, пав ниц.

— Угавхух! — заорал он что невнятное, но потом догадался поднять физиономию. — Мастер! Возьмите меня в ученики!

Он меня уже раздражает. Я меланхолично провел взглядом клочки и обрывки бумаги, падающие с неба, словно первый снег. Денежки, мои денежки...

Сто двадцать две тысячи ван. Все, что удалось сохранить, плюс одна исцеляющая ампула осталась целой. Полное дерьмище. Мне все внутренности напрочь отбили, повредили броню, после использования магии выворачивает наизнанку, а еще этот тип...

— Мастер, возьмите меня в ученики, — лысая башка в очередной раз уткнулся мордой в песок.

Хм, он определенно силен, достаточно безрассуден и невероятно глуп. Почему бы и нет?

— И какой мне с этого прок? А? — я недоумевающе приподнял брови. — Что толку учить кого-то вроде тебя?

— Я сделаю, все что угодно! — завопил парень. — Бак вернее, чем самый преданный пес!

— Тогда стань на четвереньки и следуй за мной, как собака, — я презрительно покосился на него.

— Гав! — Бак мгновенно подобрался, вставая в нужную позу. — Гав!

Боги, у него башка совсем набекрень. Увидел заклинание и теперь считает меня кем-то вроде тайного мастера запретных боевых искусств? Он еще что-то толковал про нить судьбы, пророчества и прочую ересь, но это смахивало на откровенный бред. Хочет следовать за мной? Пусть, может сгодиться на что-нибудь.

— Подбери еще эту девку, — спустя несколько сотен метров я указал на неподвижно лежащее тело.

Песок вокруг Таи стал бурым, впитав вытекающую из глубоких порезов кровь. Чуть дальше валялся парень, что был со старухой. Его лицо превратилось в невнятное месиво из костей и мяса, увенчанное крупным булыжником, наполовину скрывшимся в пробитом черепе.

— И вколи ей это, — я бросил исцеляющую ампулу.

Девушка все же не осталась сидеть на месте и последовала за мной. Кто знает, что могло бы случиться, встретиться я с бандитом в нынешнем состоянии. Нет, я бы его моментально прикончил, все же клочок магической ткани артефакта уцелел, хоть и быстро распадался. Но...

— Готово, мастер! — отрапортовал Бак. — Точнее, гав!

Парень бодро пер вперед, чуть ли не поскуливая от удовольствия, как настоящий пес. Я же едва волочил ноги по разъезжающему песку. Солнце раскалило воздух, делая каждый вдох похожим на глоток обжигающего пара. Кожа под броней зудела и чесалась. Капли соленого пота жгли глаза и щипали уголки вечно раздраженных губ.

— Да какого хуя! — заорал я, срываясь на хрип.

— Мастер? — Бак обернулся и застыл, восхищенно тараща глаза.

Я не мог использовать что-то сильное или сложное, ведь лишился почти всех умений из-за путешествия, но прохладный ветерок и небольшой дождик вполне. Все равно мне не удастся сохранить артефакт на долгое время.

Холодные капли упали на капюшон и я запрокинул голову, наслаждаясь освежающим ощущением влаги на лице. Бак поднял руки, выронив девушку, пытаюсь словить как можно больше капель. Налетевший ветер почти заставил меня застонать от удовольствия. Но что-то

не так.

Я прервал поток маны, останавливая заклинание. Зброшенный город затих. Проведенные в одиночестве века приучили меня к тишине, но сейчас нас окружал настоящий вакуум. Бак что-то говорил, беззвучно открывая рот, а Тая мелко тряслась, бессознательно ощущая опасность. Сбоку мелькнуло что-то черное, падая с неба.

Птица?

Черная птица лежала на песке, широко раскинув трепещущие крылья. Ее клюв открылся так широко, что можно было увидеть ярко-розовый зев. Подергавшись несколько секунд, она затихла. Мертва?

Удушьющее ощущение отступило. Я снова ощутил солнечный жар, выступивший пот на лице и прикосновение обжигающего ветра. Первый шаг едва дался, так сильно напряглось тело в предчувствии опасности. Что это вообще было?

— Мастер? Все в порядке? — Бак недоумевающе крутил головой.

Нет, совсем не в порядке. Но причина в использовании заклинания? Могла ли это быть случайность? Такой сильной угрозы я давненько не ощущал. Не каждый маг способен излучать настолько убийственную ауру опасности. Она оказалась настолько мощной, что прикончила пролетающую рядом птицу. Все же дело в использовании заклинания... Но я без всяких проблем применил магию ранее.

— Пошли, — я махнул парню рукой, желая поскорее покинуть город.

Нет смысла думать, не имея необходимого количества информации. Просто поостерегусь делать что-то подобное в этом месте.

— Вы обосновались здесь, учитель? — сглотнул Бак, когда мы прибыли на завод. — Вы все же чертовски круты!

— Что ты имеешь в виду? — переспросил я.

— А вы не знаете? — лысый даже отступил на пару шагов назад. — Это проклятое место. Может нам лучше остановиться где-нибудь еще?

— Какое нахер? Проклятое? — я был удивлен реакции Бака.

— Говорят, что здесь раньше было убежище темного культа, — начал сбивчиво рассказывать побледневший Бак. — Людей в жертву приносили, а тела поднимали и сбрасывали вон в те трубы. Из них самыми темными ночами слышны стоны замученных жертв. Культ считал, когда трубы до самой верхушки заполнятся кусками тел, то они смогут призвать демона.

— Ты серьезно? — у меня начал дергаться глаз.

— Простите, мастер! — парень быстро поклонился, роняя застонавшую девушку.

Он боится каких-то слухов, при том оставался спокойным в заброшенном городе, когда забеспокоился я, верховный некромант. Действительно, у лысого чувствительность на уровне камня.

— Даю тебе первое задание, как ученику, — я решил подыграть ему. — Купи в аптеке набор хирургических инструментов, обезболивающее, бинты и обеззараживающее. И жгуты еще. Затем еды, матрас, учебники по лунному языку. Понял?

Бак смотрел на меня улыбаясь, как полный дурак. Я в ответ пристальнее взгляделся в его чистые зеленые глаза, яркие, как первая трава. Нет, здесь мне не выиграть.

— Должно хватить, — я с огромным сожалением передал парню деньги. — Ты пока меня разочаровываешь, ученик.

— Спасибо за оказанное доверие, мастер! — отсалютовал Бак и умчал.

Дотащив Таю в убежище, я без сил рухнул на пол и несколько минут просто пялился на разводы ржавчины на потолке. Давно мне не приходилось так выкладываться. Все же ближний бой совершенно не по мне. Девушка ворочалась и постанывала, пытаясь принять удобное положение, но с такими ранами это ей вряд ли удастся. Крепко досталось. Исцеляющая ампула немного сгладила последствия, но останься Тая без помощи непременно бы умерла. Глупая девка.

— Габс? Чего это с тобой? — я вскочил, увидел питомца.

Пухлая тушка кота источала мягкий синий цвет, а шерсть вздыбилась во все стороны, будто ежиные иголки. Животное мурчало, время от времени облизывая Небесную раковину. Судя по неловким движениям морды, Габс изрядно надрался. Его опьянила жизненная энергия?

— Мя-у-у-у-у! — стоило мне забрать раковину, как поднялся истошный ор.

Блять, какой же мерзкий звук! Я уже собирался пнуть наглое животное, чтобы прекратить пытку, но Габс что-то почувял и замолк.

Наклонившись к сумке с едой, я почувствовал, как меня ведет и прислонился лбом к холодной, покрытый капельками влаги стене. Накатила жуткая тошнота и меня вырвало кровавыми сгустками вперемешку с блевотиной. Желудок будто поднялся к самому горлу, собираясь вылезти наружу. Меня еще несколько раз вывернуло, скрючив в жутких спазмах. Мышцы живота словно сжали гармошкой. Что со мной творится? Прикрыв глаза, я провел быструю оценку состояния организма.

Дерьмо. Меня будто выдраили изнутри стальными мочалками, оставив кровоточащие царапины на всех внутренних органах. Не припомню, чтобы получал подобную атаку. Судя по состоянию ран, повреждения получены не сильно давно, примерно пятнадцать-двадцать минут. Какое событие совпадает по времени? Воздействие той убийственной ауры в заброшенном городе!

Зажав в руке Небесную раковину, я принялся быстро распределять жизненную энергию, стараясь залатать царапины. Смерть мне не грозит, но скопление такого количества крови внутри не сулит ничего хорошего. Как минимум изматывающая лихорадка на несколько дней.

— Фух, — я выпустил воздух через сжатые зубы, с облегчением вытянувшись. — Из-за одной девчонки столько проблем...

Стоять. Если мне так прилетело, что будет с израненной девушкой? Я на четвереньках подполз к подруге, сравнившийся цветом с накрахмаленной простыней. Подушечка пальца только спустя десяток секунд почувствовала слабое биение сонной артерии. Тая умирает.

Я положил раковину на грудь девушки и принялся думать, что делать дальше. Она несомненно крепче и выносливее меня, но изначально пребывала в более паршивом состоянии. На ней живого места нет — кровоподтеки и синяки проступили мутными пятнами сквозь почти белую кожу. На шее проступил холодный пот, а сухие губы посинели. У Таи почти не осталось времени.

— Это ты, папа? — девушка приоткрыла глаза, когда я сделал разрез на ее животе. — Можно я... еще... посплю?

Веки снова прикрылись, а почти отсутствующее дыхание сменилось одышкой. В месте надреза выступило несколько капелек крови. Я вскрыл кончик своего указательного пальца и засунул в живот Таи, чтобы смешать нашу кровь. Так я смогу хотя бы примерно оценить ее состояние и более эффективно передавать энергию Небесной раковины.

— Два крупных очага воспаления, множественные внутренние кровотечения, надрыв в левой почке, перелом ребра и трех пальцев, трещина в черепе, — мне самому поплохело от обилия травм.

— Мастер! Я вернулся! — из мрачных раздумий меня вывел жизнерадостный голос Бака. — Только тут проблемка вышла...

— Инструменты достал? — я подошел с горе сумок, что скинул парень. — Так, инструменты есть, только зачем четыре набора? А это еще что за хрень?

— Новейшая военная разработка. — Бак приосанился. — Анализы там проводит, и еще что-то... и еще... Не помню точно. За шестьдесят тысяч выторговал.

— Я тебя убью, — пообещал «ученику», кинув взгляд на потрескавшийся и местами ржавый корпус прибора. — Но потом. Сейчас вскипяти воду.

— А чего это с ней? — парень склонился над девушкой. — Как-то паршиво выглядит.

— Вскипяти! Ебаную! Воду! — заорал я, откладывая необходимые для операции вещи.

Бак кивнул и принялся разводить огонь, поглядывая на меня глазами обиженного щеночка.

Для некроманта жизненно важно поддерживать мертвое тело в идеальном состоянии, ведь собственная регенерация больше не работает. Для настоящих виртуозов это несущественно, ведь можно вырастить нужную часть с помощью магии. Но на первых этапах я потратил сотни часов пришивая конечность, латая дыры и сращивая поломанные кости. Могу с закрытыми глазами вышить портрет отца на чьей-нибудь коже.

— Отвратительно, — я оценил качество и остроту скальпеля. Первый же взятый в руки зажим развалился на две половинки. — Бак, напомнишь мне позже, чтобы я убил тебя.

— Ну не надо, мастер, — заныл юноша, едва не залив водой из канистры костерок.

Вылив на руки раствор, пахнувший спиртом, я тщательно обработал ладони и скальпель, не претендовавший на хирургическую чистоту. Два полотенца опустились в начавшую закипать воду. Отжав ткань, я протер маску на лице девушки.

Кожаные края были пришиты к коже грубыми, широкими стежками, вздувшимися и выделявшими капельки гноя при малейшем нажатии. Не жалея полил антисептиком. Скальпель в руке лежала отвратительно. Без привычной твердости и плавности движений будет стоять больших усилий все сделать правильно.

Лезвие разрезало грубую шерстяную нить, успевшую врасти в плоть. Теперь быстро вытаскиваем. Тая глухо застонала, но я старался действовать максимально быстро. Маска отошла с мягким чавкающим звуком.

— Я сейчас блевану, — побледнел Бак, взглянув на девушку.

Красивое лицо превратилось в воспаленную багрово-черную подушку — нос почти слился с опухшими порезанными щеками. В двух местах проступили крупные фурункулы с темно-зелеными головками гноя. От запаха к горлу подкатил спазм. Щедро плеснув спиртового раствора, я проткнул вздутия. Оттуда вышло столько гнилостно-кровянистой жидкости, что пришлось потратить два полотенца. Еще три ушло на то, чтобы стереть засохшую корку. Хорошо, что этот идиот закупил столько принадлежностей.

— Идем дальше, — я разрезал майку Таи, обнажая грудь и живот.

Теперь самое сложное. Мне нужно одновременно убрать очаг воспаления, расположенный в солнечном сплетении и скрытый неровно защитой раной, и что сделать с почкой. Проклятие, пальцы уже начало сводить от непривычной работы.

Выругавшись, я вскрыл рану. Крови почти не было, хотя разрез достаточно глубокий —

очень паршивый знак. Установив расширитель в рану, я подозвал Бака:

— Держи! И попробуй только шелохнуться.

Пинцет я проник внутрь, пока не уткнулся в небольшой твердый предмет. Аккуратно вытаскиваем... Наружу показался темно-серый металлический цилиндр размером фалангу пальца. Весь покрыт небольшими буквами из лунного алфавита. И это артефакт! Крохотный, практически никчемный, но артефакт!

Рискнув, я использовал ману, чтобы придать себе бодрости и ускорить мышления. На большее ее все равно не хватит.

Я за минуту зашил рану, ловко орудуя иглой. Нужно торопиться, пока эффект не рассеялся. Скальпель прочертил длинный разрез, слишком длинный... Но иначе мне не справиться. Понадеемся, что Тая окажется очень выносливой. Пришлось вымокнуть немного крови, что я перепоручил Баку. Разрез, еще раз разрез. Дерьмо, почему, я не могу найти эту сраную почку.

Пришлось снова выдавливать кровь из пальца, чтобы снова проанализировать состояние Таи. Теперь вижу, немного левее. Надрыв оказался не такими большим, как я полагал. Быстро не вышло, ведь на Галлене использовались немного другие принадлежности для операции, да и Бак оказался не лучшим помощником.

— Готово! — я протянул нить и обрезал.

Точнее, большая часть готова. Я поманил парня и взял его за руку, следующим движением вскрывая запястье скальпелем. Стоит отдать должное, он даже не дернулся, лишь недоуменно вздернул брови.

— Мастер? — все же не выдержал Бак.

Я крепко ухватился за его предплечье и сжал, чтобы выдавить кровь. Бак одаренный. У него должно быть много жизненной силы. Если смогу поглотить ее, то удастся передать часть Тае. Потери будут огромны, но больше ничего сделать не получится.

Теплая солоноватая жидкость попала в рот — какая же мощная энергия. Несколько минут ушло на переработку, затем я надрезал уже свою руку и приоткрыл рот девушки. Рубиновые капли упали на сине-черные губы, окрасили зубы и язык. Она не сможет проглотить кровь, но жизненная сила должна усвоиться через слизистую. Должна...

Ненавижу, когда кто-то умирает у меня на руках. Сколько их было? Тысячи мертвых глаз, смотрящих мимо меня, и сотни прощальных слов. Эта глупая девка сама сплела свою судьбу, приведя себя к глупой и печальной концовке. Но когда я велел Баку подобрать ее, то взял на себя определенную ответственность.

— Она умерла, мастер, — спокойным голосом сказал Бак, перематывая кисть бинтом.

Я знаю. Не зря зовусь некромантом. Жизнь покинула тело Таи, оставив разлагающуюся оболочку. Но пустой телесный сосуд может наполнять не только жизненная энергия. Ее можно напитать силой Белой госпожи, сделав чем-то кардинально отличным от живого существа.

Встав на колени, я сплел пальцы и склонил голову. На Галлене существовал незыблемый закон, запрещающий создавать разумную нежить, ведь она служит не только своему создателю, но и себе с Белой госпожой. За двести лет до моего рождения, армия лича, чье имя было забыто и проклято, чуть не стерла нашу цивилизацию быстрее, чем Бич плоти.

— - я произнес истинное имя Белой госпожи.

Бак отшатнулся и полетел вниз, грохнувшись на пол, отозвавшийся жестяным лязгом.

Костер потух. Все вокруг посерело и выцвело, словно покрывшись густым слоем пыли. Она ответила на призыв.

— Прощу, прими новую дочь в посмертии, — я заговорил, почувствовав присутствие за спиной.

Сухая, теплая ладонь взъерошила мне волосы, а затем резко нажала на макушку, пройдя сквозь кость черепа. Прикосновение ледяных пальцев породило взрыв холода внутри головы. Я захрипел от боли и еще ниже склонил голову.

— Не хочешь посмотреть на меня, мой милый? — раздался голос, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков.

Как же невыносимо больно. Еще чуть-чуть и глаза превратятся в ледяные шары, волосы осыплются, как тонкое стеклянное волокно, а кожа треснет и отпадет, словно куски старой кладки. Но даже мертвые не имеют права смотреть на Белую госпожу. От безумцев, что решились на мимолетный взгляд оставалась маленькая горка серого праха.

— Прощу, прими новую дочь в посмертии... — снова повторил я.

— Зачем ты так, малыш? — ее голос наполнился силой, заставляя меня против воли поворачивать голову. — Взгляни на свою госпожу.

В каждом заложена противоестественная тяга к смерти. Стоя на крыше высокого здания тебя постепенно захватывает желание сделать шаг вниз. Смерть притягивает нас.

Но... Не могу сопротивляться. Одно дело перебороть странный инстинкт разума, а другое противостоять Белой госпоже. Я отчаянно желал жить и со всей силы напрягал мышцы, в то время, как ее голос выкручивал позвонки в обратную сторону. Казалось, что кости сейчас лопнут и голова по инерции прокрутится несколько раз, так сильно оказалось давление.

— Мяу! — истошно заорал Габс, пытаясь подползти ко мне.

Обрубки лап бешено колотили по земле, подбрасывая упитанное тельце. Морда кота сжалась, из-под зажмуренных глаз текла кровь, а встопорщившиеся усы оплавилась и принялись закручиваться спиралью. Животное не прекращало мяукать, хотя из пасти текла кровавая пена.

— У смертных существует поверье, будто у некоторых животных есть несколько жизней, — Белая госпожа оперлась мне на плечи. Ледяной жар ее рук сменился сухим теплом. — Этот глупыш так глупо решил потратить свою последнюю. С честью приму такой дар.

— Нет!

Сначала я не понял, кто это прокричал. Только когда последние отголоски утонули в покрывшем все сером прахе, я понял, что звук шел из моего горла. Даже в бытности сильнейшем некромантом мне не хватало духу перечить Белой госпоже или выказывать малейшее неудовольствие. А сейчас заорал, как резанный, когда она стоит за спиной.

— ЧТО-О-О!? — ее голос был наполнен настолько отвратительными миазмами гнили и разложения, что меня вырвало. Щеки раздулись, но блевать перед ней это последняя глупость. Та, кто повелевает смертью, может сделать мою кончину слишком ужасной. — Какие же вы глупые, смертные.

Мир вновь расцвел. Рыжие пятна ржавчины, мокрые черно-синие стены, белые пылинки, кружащиеся в желтом солнечном свете, проникающим через разбитые окна. На потолке, сплошь покрытым искрящим белым инеем, повисли крупные сосульки, переливающийся радугой. Острые прозрачные конусы отливали синевой, а кончики казались

опасней кончика шпаги. Весь пол сверкал, застланный тонкой коркой льда. Теперь понятно, кем стала Тая. Но это подождет.

Я избавился от гадости во рту и схватил себя за волосы, а затем заорал во всю глотку.

— Я что совсем ебанутый!?

От крика несколько сосулек сорвались с потолка, с грохотом разбившись об пол. Перечить Белой госпоже из-за кота. Видать, с головой не все в порядке после переселение в новое тело. Да нахера я вообще решил ее призвать!? Чтобы оживить тупую девчонку? Даже не оживить, а сделать ее мертвой тварью. Ладно, хотя бы получилось? Но сперва есть еще одно дельце.

— Я твой должник, брат, — я склонился в церемониальном поклоне перед раскинувшим лапы и тяжело дышащим котом.

Не знаю, что он видел или чувствовал, но поведение Габса спасло мне жизнь. И плевать, как это выглядит со стороны. Но чувствую себя умалишенным.

— Теперь это твое, — я положил Небесную раковину перед замурчавшим питомцем. — Но я буду иногда брать ее, хорошо?

— Мастер? — к помещению зашел шатающийся Бак, с огромной шишкой на лбу, и жалобно застонал. — Мне нужна ваша помощь! Срочно! Спасите!

— Потом, — отмахнулся я.

Бак с невероятной скоростью приблизился ко мне и схватил за плечи. Его красное лицо с багровым белками вытаращенных глаз, почти уперлось в мое — между кончиками наших носов оставался всего миллиметр. Парень глубоко и быстро дышал. Его рожа покрылась крупными капельками пота, а губы мелко подрагивали.

— Ты умереть захотел? — я попробовал оттолкнуть Бака, но тот будто прирос к полу. — Блять, да что случилось?

— Сосулька, — едва слышно прошептал парень.

— Что сосулька? — я покосился на потолок.

Парень рухнул пластом, уткнувшись головой мне в ноги. Его черные кожаные штаны оказались пробиты на окровавленных ягодицах. Сквозь прореху торчала ослепительно белая сосулька, растущая из... Я охнул и отступил на пару шагов. Бак неверно понял мою реакцию и завыв, как умирающее животное, пополз ко мне.

— Мастер! Спасите! — завопил он.

Я смахнул выступившую слезу и повернув голову в сторону, дрожащим голосом сказал:

— Прости, Бак. Но ты умрешь.

— Что? — парень мгновенно побледнел.

— Именно так, — я еще больше отвернулся, чтобы не выдать улыбку.

Боги, каким же нужно быть неудачником, чтобы рухнувшая с потолка сосулька вонзилась тебе прямо в зад? Вероятно, окажись я в подобном положении, мне было не до смеха. Но я не в таком положении!

— Скажи свои прощальные слова, — я присел на корточки перед потрясенным учеником. — Клянусь, что передам их твоим родным.

— Мастер...

Не выдержав, я расхохотался и пошел разводить огонь, велел Баку не шевелиться. Горячая вода заставила сосульку надломиться, да и осколок вскоре растаял. Рана довольно глубокая, но с уровнем жизненной силы мальчишки должна быстро зажить. На всякий случай обильно залил повреждение обеззараживающим средством, я с предельно серьезным лицом обратился к парню:

— Ты же понимаешь, что будет если в рану попадет инфекция, когда ты сходишь по большому?

— Понимаю, — часто закивал тот.

— Придется потерпеть неделю.

— Слушаюсь, учитель, — ответил Бак и призадумался.

Не знаю почему, но мне жутко нравится над ним издеваться. В моей прошлой жизни не было места шуточкам или подколкам, а ведь оказывается, что подобные вещи приводят меня в восторг. Ладно, пусть парень помучается, посмотрим, что там с девчонкой.

Я дотронулся до белой, холодной, как лед, кожи. На ощупь она отличалась от человеческой, напоминая жесткую промерзшую резину. Отодвинув верхнее веко, я пощелкал пальцем, наблюдая за реакцией вытянувшегося зрачка. Тая определенно трансформировалась, только вот чем она стала? Упырь? Гуль? Баньши? Зубы практически не изменились, лишь слегка заострились.

— Эй, проснись! = я похлопал девушку по щекам.

В ответ мне прилетело в челюсть с такой силой, что показалось, будто зубы волной сместились в одну сторону. Я прокрутился в воздухе и упал мордой в пол.

— Мастер! — заорал Бак и бросился на помощь.

Спустя секунду я услышал протяжный железный гул и ритмичные удары по днищу нашей комнатухи. Тая схватила парня за ноги и колотила им по железной поверхности. Через пару ударов брызги крови окропили все пространство. Кое-как встав на четвереньки, я метнул в девушку скальпель, угодивший точно в ложбинку внизу головы. Тая метнула на меня злобный взгляд. Секунды заминки хватило Баку, чтобы врезать ей ногой в челюсть. Мертвячка пошатнулась.

— Валим! — закричал Бак, чье лицо стало похоже на сырую отбивную.

Тая низко зарычала и слегка пригнулась, отчетливо прохрустев позвонками. Через лопнувшие окровавленные пальцы проглядывались черные коготки, крохотные, как у домашней кошки. Девушка резко припала к земле и метнулась ко мне, высекая когтями искры из металла. Ебать, насколько же они острые!

Схватив, первое, что попало под руку, я с размаху огрел Таю по голове. Дерьмо, это

же был дорогуший прибор, что купил туповатый ученик. Девушка так же успела достать меня, но лишь ткнула костяшками, отбрасывая к стене. Влетев в заверещавшего кота, я едва успел перехватить животинку, чтобы не расплющить.

— Сука! — выругался я.

— Сука... — подтвердил Бак.

Расколовшийся на две части прибор с вывалившимися проводами падал на землю, излучая пульсирующий зеленый свет. Тая застыла. Бак прыгнул вниз. Я вжался в стену.

Свет на секунду погас, а затем ярко вспыхнул. Плотная волна энергии прошла по комнате, сметая вещи и срикошетила от стен, устроив настоящий ураган. Если не считать попадания предметов, то совсем не больно. Зеленый свет не вредил, а наоборот исцелял. С каждой секундой, я чувствовал себя бодрее и сильнее. Но вот Тая...

Девушка стояла в эпицентре взрыва, до пояса охваченная такой плотной сферой света, что он выжигал глаза. Ее волосы встали дыбом, а тело тряслось в конвульсиях. Если человека атаковать цепной молнией, выйдет что-то похожее.

Прибор громко пискнул и затих. Мертвячка упала на пол дымящейся головешкой, воняющей горелой кожей и волосами. Сдохла? Нет, вроде шевелится.

— Хочу есть, — пробубнила Тая, уткнувшись мордой в пол.

— С тебя сто тысяч за прибор, — прорычал я. — И сверху три миллиона! Нет, двадцать миллионов, если учесть хлопоты по воскрешению!

— Прости, — кашлянула девушка клубом черного дыма. — Кушать хочется.

Я катнул к девушке банку консервов, все же опасаясь подходить близко. Разумная нежить не слишком стабильна сразу после воскрешения. Морда Бака живой тому пример. Парень на цыпочках подкрался к пытающейся разгрызть жестяную банку мертвячке. В его руке появился нож.

— Успокойся, она нам не враг, — махнул я рукой.

— Но мастер!? — воскликнул парень, показывая на расшибленный всмятку нос.

Тая меланхолично жевала кусок тушенки вместе с обломком жести, резавшим ее губы. Черная кровь капала на пол, постепенно собираясь в лужицу. В комнате запахло сырой землей и прелой листвой. Аромат мне не понравился.

— Руками ешь! — застонал я.

— Тупица, — засмеялся Бак и пнул девушку.

Но во что она превратилась? Черная кровь, бледная кожа, когти, сумасшедшая сила, нечувствительность к боли, в итоге имеем? Да вообще хер знает. Я все же не силен в типах нежити.

— Ты тупица! — огрызнулась девушка, плюясь во все стороны тушенкой, жестью и кровью.

Девушка лягнула Бака пяткой в грудь, отбросив на несколько метров. Мне показалось, что я услышал хруст сломанных ребер. Парень судорожно пытался вдохнуть, а из его приоткрытого рта сочилась вязкая слюна. Глаза Бака на мгновение вспыхнули, словно подсвеченный изумруд. Он рванул к продолжившей беззаботно лакомиться Тае, занеся руку для удара.

Бах! Девушка извернулась, выкрутив корпус почти на полный оборот, и заблокировала кулак предплечьем. Ее тонкая рука не выдержала удара — кожа разошлась, как от взрыва, обнажая черную плоть и белые кости. Бак отвел левую руку, но не успел атаковать. Тая бросилась на него, вцепившись зубами в бок. Судя по крику, от которого попадала большая

часть сосулек, зубки у девушки оказались острыми.

— Достаточно, — сказал я.

На мои слова парочка не обратила ни малейшего внимания, продолжив увлеченно мутузить друг друга и портить мое имущество. Разнимать их равносильно самоубийству — от ударов обоих на железных стенах оставались вмятины или глубокие царапины.

Нет, пусть хоть прикончат друг друга. Я подхватил с пола деревянный тубус со свитком и погрузился в чтение, пытаюсь понять содержимое по немногочисленным рисункам. Свитки с техниками очень дорогие, удивительно, как он оказался у отца Таи. Хотя у него и огнестрельное оружие водилось, чего уж тут.

— Техника черных меток? — Бак наклонился так близко, что мы чуть не столкнулись лбами.

Хм, они уже успокоились? Тая сидела в углу, злобно смотря в спину парня. Похоже, что победа осталась за ним. Так, подождите, он что смог прочесть, что написано на свитке!?

— Ты знаешь этот язык!?! — удивился я.

— Старый замарский, на нем пишутся священные книги детей пустыни, — кивнул Бак. — Я как-то работал в Замар-хадиже помощником жреца, вот и выучил.

Подумать только, а на вид тупой. Но если парнишка действительно может перевести свиток, то вскоре я смогу овладеть техникой. Хорошо, что я тогда согласился взять его в ученики.

— Читай, — я всучил свиток Баку.

Мы несколько часов разбирались с написанным, пытаюсь понять, что за техника здесь описана. Черные метки не требовали много энергии, но с точки зрения техники выполнения требовали серьезного уровня подготовки. И кроме того... Сосредоточие, меридианы, пальцевый замок??? Да что это такое?

— Хочу кушать, — в очередной раз начала ныть Тая.

— Что такое сосредоточие? — поинтересовался я.

— Место концентрации уплотненной жизненной энергии, — с готовностью ответил Бак. — А меридианы это узловые точки, по которым движется энергия. Всего в теле двести пятьдесят шесть меридиан. Чем выше уровень кай, тем больше меридиан можно открыть и большим числом техник пользоваться.

— И как открыть меридианы и сосредоточие?

— Мастер, вы задаете такие банальные вопросы, — нахмурил лоб Бак. — Воистину говорят, что живущим на небе не дела до земной грязи. Чтобы открыть сосредоточие, надо сформировать циркулирующую в теле энергию в максимально плотную сферу, чтобы произошел скачок качества кай. А затем с помощью уплотненной кай связать сосредоточие с ближайшим скоплением нервов, создав меридиан. Для самых слабых техник обычно достаточно одного-двух меридиан.

— Что ты имел ввиду под скачком качества? — в очередной раз удивился я. — разве жизненная энергия может улучшаться? Это же бред!

— Естественно! — Бак в возбуждение вскочил. — Иначе, как великие мастера могли бы победить гениев сект, обладающих невероятным запасом нечеловеческой кай? Серая, желтая, зеленая, красная, золотая и фаримкхаа! Вот сколько есть уровней кай! Ценой невероятного трудолюбия, вроде Стального кулака Вана, пробившего своими руками путь через стокилометровую скальную гряду, или звезды Ичхона Ли, ударами ноги осушившего озеро Саньди, они превратили свои слабости в могучую силу!

Я не совсем уловил значение слова, описывающего последний уровень. Ни в памяти Криса, ни в моей, не существовало аналогов данному понятию. Но меня больше заинтересовало другое... Сколько нужно махать ногами, чтобы осушить ебаное озеро!? Нет у меня желания заниматься подобным. Тут и сотни лет не хватит.

— А что там было про невероятный запас нечеловеческой кай? — ухмыльнулся я.

— Это полный мрак, учитель, — покачал головой Бак. — Путем принесения людей в жертву с помощью ритуалов, сектанты поглощают чужую Кай. Говорят, что они умеют поглощать души. Я не особо много знаю про них, за любую болтовню про них можно и языка лишиться.

— Еда! — закричала Тая, запрыгнув в комнату с...

— Дерьмо! Сука! — закричали мы с Баком.

Девушка держала в руках обглоданный до неузнаваемости человеческий торс, от которого невероятно несло тухлятиной. Она пожалала плечами и вгрызлась в боковину, в хрустом разгрызая ребра, чтобы после достать одно и с причмокиванием высосать костный мозг. Стоит ли говорить об волне смердящей, почти осязаемой вони, прокатившейся по комнате.

— Буэээ! — стошнило Бака.

Я едва успел отвернуть его голову от себя, но в итоге рвота попала на Габса, тихонько нежившегося в обнимку с раковиной. Кошак с перепугу завопил, парня снова прополоскало, Тая захохотала и выставив палец, принялась повторять, выплевывая кусочки падали:

— Тупица, тупица!

— Убери эту дрянь отсюда, дура! — теперь закричал я, швыряя в девушку все, что попадется под руку.

— Но Крис, я же просто хотела покушать, а вы не обращали на меня внимания! — Тая выронила ношу, с чавканьем упавшую на пол. От удара из фрагмента трупа вытекла лужа гнили, поднявшая тошнотворность запаха до новых высот. — И вдруг я учуяла прекрасный аромат, будто жареная курочка с чесночным соусом, только в сто раз слаще!

— Учитель, вас зовут Крис? Красивое имя... — пробулькал ученик и снова оросил стену фонтаном блевотины.

— Я могу и поделиться, только немного, — девушка подхватила разлагающийся кусок и направилась к нам. — Вот можете взять по два ребрышка. Нет, по полтора. Хотя этому тупице и одного хватит.

— Сделаешь еще шаг и я лично отправлю тебя туда, откуда выгацил, — я выставил кинжал. — Вали отсюда и не приходи, пока не помоешься!

— Я же просто хотела покушать, зачем ты говоришь мне такие злые слова... — Тая сделала два шага назад. Кусок падали снова выпал из ее рук. Девушка опустила лицо в пол и тихо прошептала. — Я не просила меня вытаскивать. Ты дурак, Крис. Ненавижу тебя.

Тая развернулась и выпрыгнула из комнаты. Затем раздался ее крик и скрежет сминаемого металла. Похоже, пробежала прямо сквозь створку ворот.

— Да постой ты, — запоздало сказал я.

— Эх, мастер, не мастак вы обращаться с женщинами, — развел руками Бак. — Если это чудовище можно назвать женщиной.

— Да завались ты, — сказал я, указывая на кусок трупа. — Лучше выбрось эту дрянь отсюда.

— Не-не! = сразу позеленел парень.

В конце концов нам пришлось покинуть убежище, вместе с вещами перебравшись в узкую, как пенал комнатку на первом этаже. Единственным ее достоинством был люк, ведущий в заводской подвал. Будет куда сбежать. Я уныло помешивал кашу, кутаясь под тонким одеялом, предназначенным для обогрева пострадавших.

— Вот, учитель, — Бак протянул мне маленькую чашечку, до краев наполненную прозрачной, пахнущей спиртом жидкостью.

— Соджу? — я краем ладони отодвинул посуду. — Какой смысл затуманивать свое сознание? Что в этом веселого?

— Правда? — прокряхтел Бак. — Тогда может отпустите мою руку?

Я кашлянул и убрал пальцы с предплечья парня, пытавшегося поставить напиток на пол. Все же, мне интересно. В прошлой жизни не доводилось пробовать алкоголь, а здесь это важный аспект культурной жизни. Что может плохого случиться от маленькой чашечки?

Спустя три часа

— Эй, Бак, хочешь покажу тебе, как оживить крысу? — я чокнулся с учеником, кидая взгляд в угол, где лежала почти мумифицировавшаяся тушка животного.

— Это... — парень посмотрел на меня осоловелыми глазами. — Это весьма оригинальная задумка, учитель!

— Так, тогда нам нужен тот вонючий трупак, немного твоей крови и безлунная ночь, — я начал загибать пальцы. — Соджу еще остался?

— Обижаете, мастер, еще три бутылки.

В обнимку мы сходили за трупом, у которого я отчекрыжил немного костей, кусочки внутренних органов, пару волосинок и выдавил на тряпочку загустевшую кровь. Вернувшись обратно, поместил добытое в пустую консервную банку. Теперь нужно хорошенько встряхнуть и попросить помощи у Матери ночи. Никакой магии, простенький, безобидный ритуал.

Я наспех пробормотал парочку стихов на древнем наречии, и выдавил из надрезанного пальца Бака кровь. Если все сделано правильно, то сейчас из банки повалит черный дым. Ого, да тут целый фонтан!

— Тащи крысу! — скомандовал я.

Парень кончиками пальцев подцепил тушку за хвост, а я капнул несколько капель черной жижи из банки. Иссохшее тельце задрожало, рассыпаясь клоками кожи и мышц, похожими на крупную коричневую перхоть. Но основной костяк остался. Крыса клацнула желтыми зубами, испугав Бака, бросившего его на пол. Зомби на мгновение застыл, а затем принялся медленно ходить по кругу, оставляя за собой частички рассыпающегося тела.

— Круто! — воскликнул Бак. — А можно я попробую?

— Дерзай, — я великодушно махнул рукой.

Ученик умело повторил стихи для Матери ночи, с первого раза запомнив правильное произношение, и щедро полил фрагмент трупа. Через несколько минут гниющий торс запрыгал по полу, разбрызгивая вонючее содержимое в попытках описать круг. В течении следующего часа, мы в молчании распили еще бутылку, созерцая медленные размеренные движения крысы и резкие, дерганные прыжки трупа.

— А что они еще могут? — спросил Бак.

— Ничего, просто двигаются по кругу без цели, пока не наступит утро, — усмехнулся я. — Есть легенда, что пройдя вслед за ними сто кругов, можно спросить у Матери ночи, почему они так кружатся.

— И кто-нибудь прошел сто кругов? — сглотнул Бак, зачарованно смотря на оживленных.

— Лично я не знаю настолько отчаянных дураков, — я долил себе соджу.

— Мастер, у меня есть вопрос, — лицо парня неожиданно стало жестким, похожим на вырезанную резкими ударами деревянную маску. — Почему вы так легко взяли меня в ученики и так безрассудно показываете свои умения? Расскажи я про увиденное, вас бы привязали к машине тайной полиции и тянули до самой столицы, пока ваше лицо не стерлось до черепа, а кожа не почернела от трения.

— А ты собрался рассказать? — хмыкнул я, подливая парню.

— Нет! — парень так резко плюхнулся лбом об пол, что разбил физиономией чашечку. Кровь смешалась с вытекшим соджу, растекаясь по неровному выщербленному полу. — Клянусь кровью своих предков!

На краткий миг мокрый пол блеснул, отражая зеленый свет из глаз парня. Бак поднял голову, сверля меня взглядом. Парень словно ожидал чего-то. Не знаю, что только что произошло, но серьезность его намерений я прочувствовал.

— Я верю тебе, ученик. Выпьем?

— Позвольте налить вам, мастер!

Спустя два часа

— Мой учитель попирает небеса, у него в штанах такая здоровенная елда-а-а! — затянул Бак очередную идиотскую песенку. Последний час он только и горланил тупые куплеты, восхваляющие меня.

Мы топали по заводу, намереваясь выйти на улицу, чтобы немного провериться. Все же зря мы приволокли трупак в новую комнату. Теперь там воняет еще хуже, чем в прошлой.

Я вышел наружу, подставив лицо бледным лучам утреннего солнца и легкому ветерку, пахнущему влажной землей, кровью и кишками. Да, приятный аромат. Так, какого хера!?

Площадка перед воротами выглядела так, будто ее перепахал огромный зверь. Между канавами, холмиками и рытвинами, в беспорядке лежали десятки тел — разрубленных, с разможенными в лепешку головами, обгоревших до черных угольков, с вывернутыми наизнанку грудными клетками, рваными ранами и выпущенными кишками. Один мертвец посинел и набух, готовый разорваться и обдать все вокруг своей требухой. Второй с виду невредимый, но между посиневшими губами торчит чей-то откушенный язык.

— Мастер? — Бак смотрел на меня так, будто я в курсе произошедшего.

Только вот — я никуя не в курсе! Да тут сраное сражение произошло, пока мы лакали соджу, как последние забулдыги. Четырнадцать тел, если не брать в расчет куски мяса, не поддающиеся определению. Может одного человека так размотало, а может и трех. Если по пальцам считать, то на одного не хватает, но ступней уже три.

— Мастер? — Бак дотронулся до моего плеча, отвлекая от ребуса с остатками.

Через стены перескакивали десятки человек в черной униформе и шлемах, держащими наготове огнестрельное оружие со спаренными дулами. На груди у каждого красовалась эмблема...

— Вы арестованы! Не двигаться!

Здравствуйте, дорогие читатели. Прощу простить за редкие обновления, но с моей нынешней работой не всегда удается часто писать, пытаюсь хоть как-то выкраивать время. Хочу выразить благодарность каждому, кто ждал моего возвращения, вы самые

лучшие! Я вернулся только благодарю тому, что вы у меня были.

— Ты, малой, говоришь, что не вы грохнули тех людей? — рослый детина в кожаном фартуке на голом торсе щелкнул щипцами.

Стражи забрали нас с завода, точнее уложили мордой в грязь, отходили резиновыми дубинками, связали и забросили в гроыхающее корыто, где я харкал кровью на каждой кочке и ямке. Баку досталось сильнее — он не пришел в сознание после жесткого ареста. Затем мне накинули на голову мешок, заставили сесть на корточки и погнали по ступенькам. Мы спускались вниз. Очень долго спускались. Когда ноги онемели и пинки в спину перестали работать, меня просто поволокли по бетонному полу. Левая сторона лица и плечо превратились в сплошную ссадину, вспыхивающую огнем даже от собственного дыхания.

В себя пришел в тесной камере, где даже с моим небольшим телом не удалось встать в полный рост или лечь с вытянутыми ногами. Несколько часов я сидел, обняв колени и вздрагивая от бьющих по макушке холодных капель, просачивающихся с потолка. Я пытался приноровиться и вовремя убирать голову, но вода капала через абсолютно непредсказуемые промежутки. Бесит.

После полудня меня первый раз повели на допрос. В круглой комнате с низким потолком, железным креслом и очагом в стене, пахнувшей горящим жиром, свежей кровью, застарелой мочой и потом, я познакомился с Бартом. Ублюдок был похож на помесь белой свиньи и помойной крысы. Его бледная складчатая кожа сплошь покрытая жестким, но редким черным волосом, явно досталось от матери, хрюкающей у корыта, а кривые зубы и торчащие усы от отца, роющегося в помоях.

Но в своем деле он разбирался. Не обычный садист, упивающийся страданием своей жертвы, а настоящий мастер, филигранно играющий на человеческих телах, извлекая стоны, проклятия и крики. Сколько раз я отрубался от боли в его кресле? Семь? Десять? Никакие мысленные техники или притупление боли не работало — пыточный мастер всегда приносил с собой медный чайник и пакетики с травами. От обжигающего напитка одновременно клонило в сон, хотелось откусить себе язык и признаться истязателю в любви.

— Я приехал из столицы, малой, — Барт оперся об стол, заставленный блестящим инструментом для пыток. — И я хочу поскорее убраться из этой дыры. Тут даже борделя приличного нет, сечешь? Не всем нравится трахать девок, прикиньте!?! Да не бойсь за свою тощую сраку, я не смешиваю работу и отдых. Щипцы или снова зубик вырвем?

Я быстренько пораскинул мозгами, пока Барт не выбрал чего похуже. Судя по заплывшей роже и учащенному зловонному дыханию, он вчера крепко напился. Так, зубов я лишился всего двух, а ногтей трех.

— Щипцы, — решил я.

— Вот тебе не надоело, малой? — мужчина придвинул табуретку и сел напротив меня. — Подпиши бумаги, покайся и проведешь остаток дней во вполне недурной тюрьме с трехразовым питанием и без сношений в задницу. Ну если сам не захочешь, конечно. Я похлопочу за тебя, парниша, обещаю.

— Кто-нибудь повелся на это? — я встретился взглядом с качающим головой Бартом. — Сука!

Быстрым движением он вырвал щипцами ноготь на указательном пальце. Все произошло за доли секунды. Барт покрутил инструмент в руках, со всех сторон осматривая

трофей.

— Могу сказать, что в твоём питании не хватает свежих овощей и молока. Цвет ногтевой пластины слишком тусклый, — сообщил жирдяй.

— Я в сотый раз повторяю, что не знаю ни одного из убитых, — от боли я слегка шипел и присвистывал.

— Как хочешь, — пожал плечами Барт и громко свистнул. — Парни, заходите!

Железная дверь со скрежетом распахнулась и вошли двое рослых парней. Их будто отлили под копирку — невыразительные туповатые лица с переломанными носами и раздутые мышцы, грозящие порвать одежду при малейшем напряжении. Меня будут просто избивать?

— Я сейчас выйду покурить, а вы мальчики потолкуйте с ним, — Барт хлопнул левого здоровяка по плечу. — Можете не сдерживаться.

— Принято! — парни топнули левой ногой и скрестили ладони на груди.

Дверь раздражающе медленно закрылась, царапая нижним краем бетонный пол. Стоило раздаться щелчку замка, как подручные Барта чеканным шагом направились ко мне. Кулак, размером с половину моей головы, влетел мне в переносицу, с хрустом ломая хрящи. Не успел моргнуть, как второй удар прилетел в челюсть, лишь чудом оставшуюся на месте. Сплюнув месивом из крови, соплей и зубов на колени, я попытался вдохнуть, но тычок двумя пальцами в солнечное сплетение вышиб оставшийся воздух. Парни не замедлялись, словно у них имелся выверенный алгоритм избиения, который они приводили в исполнение множество раз.

Каблук сапога ударил меня по пальцам левой ноги — не сильно, но жутко больно. Сразу же прилетела оплеуха. В ушах зазвенело, а комната резко накренилась. В отличии от изящного метода Барта, эти дуболомы действовали резко и грубо, внушая животный страх. Думаю, что многие сломались на подобном контрасте.

— Готов сознаться? — прозвучал сиплый голос. Я не понял, кто из парочки заговорил, ведь оба плотно сомкнули губы. Чревовещатели ебаные.

— В чем? — я глубоко вдохнул, запасаясь воздухом во время заминки.

Вместо ответа парни одновременно полезли снимать ремни с отливающей золотом квадратной бляшкой. Дерьмо, плотная кожа и на металл не поскупились. Ремень щелкнул, как кнут, вскрывая мне левое плечо. Боль пришла секундой позже, но не успел я ее осознать, как вторая пряжка рассекла бицепс, оставляя глубокую рану.

Они истязали меня больше минуты, практически не останавливаясь, пока все тело не превратилось в кровоточащую рану. Во множестве мест порезы пересекались, образуя крестовидные отметины. Такие болели сильнее всего. Я не видел даже крохотного участка кожи — кровь все закрыла.

— Обед? — прозвучал безразличный голос.

Разом отложив ремни, парни достали из карманов на штанах несколько прозрачных упаковок, содержащих коричневые прямоугольные пластинки. Судя по запаху — сушеное мясо. Они уселись на полу и принялись откусывать небольшие кусочки, тщательно их пережевывая. Я не ел несколько дней, пил лишь воду и отвар, что давал Барт. От запаха живот заныл, громко урча. Отрешившись от чувства голода, провел быстрый анализ состояния тела. С такими ранами мне не грозит неминуемая смерть, но слабость гарантирована. Еще и невылеченная болезнь Криса может подкинуть сюрприз, давно она не давала о себе знать.

— Отрежем соски? — вопрос прозвучал так буднично, будто ублюдки решали с каким вареньем пить утренний чай.

Достав из ботинок длинные тонкие ножи, уроды придирчиво их осмотрели, чуть ли не облизав лезвия. Удовлетворившись остротой парни приступили к пытке — указательным и большим пальцев оттянули соски и начала медленно, почти нежно, пилящими движениями углубляться в плоть. Ублюдки не торопились, стараясь вырезать идеальную окружность. Поддев отставшую с краев кожу, они одним движением отделили соски, чтобы безразлично выкинуть их в тлеющий очаг. Почти сразу же запахло горелым мясом.

— Теперь яйца? — в голосе одного из мучителей проскользнули нотки интереса.

— Или срежем кожу с лица? — второй поддержал энтузиазм напарника.

Я сжал зубы так, что челюсть затрещала, выстрелив острой болью из-за недавних побоев. Когда с меня начали стаскивать трусы, задергался в кресле, как припадочный, хотя прочные ремни практически не давали пошевелиться. Еще пара минут и должно получиться. Не уверен, что смогу справиться сразу с двумя, но попытаться все равно стоит.

— Надо накалить ножи, чтобы крови много не вылилось, вдруг откинется, — палачи вдруг озаботились сохранением моей жизни.

— Тебе просто хочется услышать, как он вопит, — в речи второго послышался укор.

Сраные выродки, чем дольше они меня пытаются, тем более живыми становятся. Настоящие садисты. Скоро слюни пускать начнут.

— Может спор, уроды? — я сплюнул кровью на ремень, удерживающий правую руку. — Заставите меня закричать, скажем, за две минуты, я расскажу вам, где спрятан свиток с могущественной техникой. Если не сможете, то просто убейте меня. Быстро и безболезненно.

Тот, что стоял у огня, заинтересованно дернул головой. Всего на полсантиметра повернул, но отреагировал ведь. Второй, сидящий на корточках, и пристально вглядывающийся в мой пах, остался безучастным. Даже глаз не поднял.

— Не верите, да? — сглотнул я. — Техника называется Черная метка. Для использования нужны точка золотого храма в левой ладони и кипящей крови в левом предплечье. Позволяет отмечать противника особой духовной меткой, делающей его более уязвимым к любым атакам. Самое то, чтобы сражаться с более сильным соперником.

Треугольное острие ножа прочертило линию от пупка к основанию моего прибора. Легкая царапина, но ответ одного очевиден. Второй же задумчиво цокнул и посмотрел на напарника нехорошим взглядом.

— Брешет же, — тот явно уловил появившееся напряжение.

— И ежели не врет? — не согласился другой. — Он много народа почикал, даже если половину отбавить, то изрядное количество выйдет. Без техники такого не выйдет. Да и...

Ублюдки переглянулись, а я сделала вида, что не заметил этого, сосредоточившись на созерцании ран. Планируют обмануть меня? Ясен хер! Думаю, что подобные предложения они слышали чаще, чем облизывали друг другу задницы.

— По рукам? — с надеждой спросил я.

— Время пошло, — коротко сказал парень, сидящий на корточках.

Свое ремесло они знали на отлично. Спор начался с пробития мочки уха толстой раскаленной иглой, что я перенес довольно спокойно. Затем довольно чувствительное рассечение кожи под коленом — не знал, что будет настолько больно. Парни не слишком усердствовали, перебирая ножом наиболее чувствительные точки на теле. Но стоило минуте

пройти, как ставки резко поднялись.

Взяв со стола щипцы, несговорчивый истязатель разгреб угли и подцепил самый горячий, ярко-алый кусочек. Второй пальцами раскрыл мне веки на правом глазе. Жар я почувствовал еще на расстоянии пальца. Чем ближе оказывался уголек, тем нестерпимее зудел и чесался высыхающий глаз. Когда расстояния осталось чуть больше фаланги, резко вспыхнула нестерпимая, пробирающая до черепа боль. Острая, как погружаемый в глазницу гвоздь.

— Сдаюсь! — выкрикнул я. Боль еще можно перетерпеть, но лишиться зрения не хотелось. — Вы выиграли.

— Где свиток? — уголек почти ткнулся в ресницы, заставив меня вжать голову в железное изголовье.

Суки, не дают даже время потянуть. Мне бы еще немного с ними поболтать, чтобы кровь успела размягчить ремни. Все время, пока меня пытали, я тратил остатки жизненных сил, чтобы придать собственной крови свойства кислотности. По сути, перегонял разбавленный желудочный сок по собственным сосудам, строго контролируя путь измененной крови. Чтобы повернуть такое во время пыток и под действия особого чая, мне пришлось изрядно напрячь мозг.

— Пошли в жопу, сраные глиномесы, — я метко плюнул в глаз палача едкой слюной.

Для рывка я привел мышцы в полную готовность — сухожилие затрещали, вены мгновенно вздулись, колени хрустнули, как сухое дерево, от упора в пол. Ремни натянулись, размягченные кровью. Напряжение оказалось настолько сильным, что я чувствовал натяжение каждого волокна. Края разошлись, кожа натянулась, как резина. Еще одно мгновение и мне удалось бы выдернуть руки из зажимов но... Первым не выдержал болт на крепление. Резьба стерлась об металл подлокотника и моя рука выстрелила вверх, едва не совершив полный оборот.

Парни вытаращили глаза. Один потянулся ножом к моему горлу, но я столько раз прокручивал план действий в голове, что даже досадная случайность с болтом не могла помешать. Пальцы ловко зацепили со стола небольшой ножик, похожий на скальпель. От испуга ублюдок с угольком ткнул им меня, попав в бровь. Я заорал всадил острие ему в глаз, низом ладони подбив рукоятку. Оружие полностью проскользнуло внутрь черепа, а из уголка глаза ублюдка юркнула струйка крови.

До предела скрутив спину, мне удалось дотянуться до ножен с кинжалом. Двумя пальцами ухватив нож, я резко поднял плечо, подставляя его под удар. Лезвие вошло глубоко, процарапав кость и выскочив наружу. От подобной раны меня мгновенно бросило в холодный пот. Сердце сжалось в крохотный комок, но вновь заработало с сиплым вдохом череп плотно сжатые зубы. Я действительно на пределе.

Перехватив кинжал, я вонзил его в бок противника, резко дернув на себя. Глубокая рана — точно достал печень, вскрыв ее почти на треть длины. Кулак истязателя врезался в подбородок, едва не выбросив меня из кресла с вывороченным плечом. Его оружие дернулось вниз, почти распластав мне мышцы до локтя. Теперь отсчет пошел на секунды — или я прикончу его одним ударом или мы подохнем вместе.

Я оперся об подлокотник, подставляя спину — ребра крепкие, должны выдержать слабый удар. А он должен быть именно таким. Двумя пальцами ухватив кончик рукоятки, я метнул нож. Выжал из руки все, до предела, так что мышцы переломали тонкие кости. Предплечье пронзила острая боль, а затем я просто перестал чувствовать руку ниже локтя.

Будто ее отрубили. Даже фантомной боли не осталось.

Бросок вышел одновременно удачным и нет. Лезвие на две трети вошло в щеку и уперлось в небо, заставив бедолагу растопырить пасть. Для него это стало последней каплей, ведь из развороченного бока до сих пор побрызгивала кровь, а и пол и стена покрылись широкой лентой рубиновых капель. Тут уже почти ведро натекло. Ублюдок рухнул на меня, так и не выпустив кинжал из руки. Острие пропороло кожу и съехало вдоль грудных позвонков, напоследок оставив царапину под лопаткой.

Я придержал сползающий труп, уцепившись зубами в одежду. Все же у паренька знатная оснастка во рту — треугольные, острые зубки, будто созданная для того, чтобы вырывать куски мяса. Может совпадение, но я не поставил бы на такую вероятность даже яблочный огрызок. Но не время думать о загадочных совпадениях. Тело работает лишь чудом. Из меня крови вытекло не меньше, чем из здоровяка, кожа исполосована ремнем, обожженный глаз посылает чудовищные импульсы боли, вырубившие обычного человека почти сразу.

Я сжал челюсти, откусывая плоть вместе с куском майки. Мясо жевать не стал, почти сразу выплюнул, немного повозив во рту, чтобы вытекла кровь. В ней больше жизненной силы, чем в мышцах, но меньше, чем в сердце, печени и костном мозге. Разворошив клыками рану, я надолго к ней присосался. Остановившееся сердце перестало гонять кровь по сосудам, поэтому удалось сделать всего десяток небольших глотков.

Свободная рука до сих пор не чувствовалась, хотя после вливания жизненной силы появилось слабое покалывание. Пришлось жрать мясо. Когда зубы начали стучать об ребра, а запах из подмышки убитого чуть не заставил меня выbleвать съеденное, сбросил ублюдка с себя.

В голове немного прояснилось. Поднапрягшись, я попытался освободить левую руку, но из рассеченного плеча сразу полилась кровь. Правда, она и раньше текла, но сейчас тонкий ручеек превратился в широкую ленту. Дерьмо. Скоро Барт должен вернуться. Задницей чувствую, что в ближайшие пять минут он будет здесь.

Закрыв глаза, я погрузился в процесс восстановления конечности, вкладываясь лишь в наиболее важные для работы аспекты. Кое-как срастить кости, буквально поставив тоненькие перемычки между сломов, ставших под разными углами. Загнать побольше крови, начавшей сочиться из ран. После всех манипуляций получилось пошевелить двумя пальцами.

Пока удалось дотянуться до стола с пыточным инструментом и схватить зубчатый нож, с меня сошло столько пота, что он потек по сиденью, частыми каплями срываясь в лужу крови подо мной. Левый глаз пришлось держать плотно закрытым, но даже так я сходил с ума от жжения.

Когда удалось ослабить ремень и вытащить руку, я пребывал в настолько чудовищном состоянии, что начал слышать шепот Белой госпожи. Ласковый шепот за спиной уговаривал сдаться, чтобы прекратить мучения. Всего лишь нужно немного расслабиться.

— Это богохульство, моя госпожа, но пока что, идите в задницу, — пробормотал я, вставая с кресла.

Тремя движениями вскрыв живота ближайшего трупа, я вырезал печень и погрузил зубы в еще теплое, отдающее железом мясо. Проглотив ее за три укуса, я так же поступил с сердцем и несколькими железами. Когда приступил к второму парню, то дверь открылась. Я медленно повернул голову, не выпуская печень из зубов. В проеме стоял Барт, а за ним

девушка в странном черном платье с открытым животом, покрытое золотое вышивкой. Ее лицо закрывала плотная вуаль, оставляя на виду пухлые розовые губки.

— Что за ебанный пиздец!? — хором произнесли они.

Теплая ладонь гладила меня по голове, лежащей на мягкой, упругой подушке. Я потянулся, на что мышцы ответили резкой болью. Многочисленные раны напомнили о себе, выдав залп неприятных ощущений. Открыв глаза, я увидел девушку. Из-за следов крови, синяков и темных, почти черных, кругов под глазами, не сразу признал в ней Эстер. А ее за что притащили в такое место?

— Крис? — девушка слегка покраснела, заметив, что я проснулся. — Ты как?

— Терпимо, — я попробовал привстать. Правую руку так прострелило, будто я оперся на заточенный стальной штырь. — Дерьмо!

Мы находились в большом, овальном помещении, разделенном массивными четырехугольными колоннами. Дальний конец терялся в темноте, едва разбавляемой чадящими светильниками, стрелявшими искрами. Воняло горелым жиром. В некоторых местах блестели лужи, шириной в несколько шагов. Сырой, холодный пол сплошь усыпан камешками, сыпавшимися с потрескавшихся стен и потолка.

Возле колонн, на сухих участках сбились в кучки люди. Тут были как подозрительные татуированные мужчины, на рожах которых словно написано — бандит, так и женщины с детьми, старики, несколько рабочих в синей униформе, группа подростков с яркими волосами и лохматая рыжая собака. Большинство подстелило под ноги верхнюю одежду, чтобы не замерзнуть. Одна из женщин осталась в тонкой майке на бретельках, через которую просвечивала тяжелая грудь и темные пятнышки сосков. На нее время от времени косилась пятерка бандитов, гревшая руки у снятого со стены светильника.

— Давно ты здесь? — спросил я у Эстер.

— Может неделю? — девушка сжала губы и посмотрела в сторону. — Или чуть больше. Кто-то украл важные документы, неожиданно приехала проверка. Меня сразу забрали сюда, даже не дав сообщить отцу.

Вот же срань. Неужели она здесь из-за бумаг и книг, что я украл тогда? Они ведь так и остались в моих вещах. Несомненно, только вопрос времени, когда Эстер свяжут со мной. И ничем хорошим для нее такое знакомство не закончится.

— Это я взял книги из шкафчика. И еще там был блокнот, спрятанный в стене за шкафчиком, — я сел напротив знакомой. — Залез в те дни, когда в городе был туман. Не хотел, чтобы так получилось

— Ворюга! — худенькая ладонь слабо ударила меня по щеке. — Как ты мог! Впрочем неважно, не одно, так другое. Там столько накопили, что мне уже не выйти отсюда. Отец точно не переживет этого...

— Неужели из-за пропажи пары книг тебя так сурово накажут? — удивился я.

— Крис, да плевать на книги, хотя ты тоже очень нехорошо поступил, — покачала головой Эстер. — Пропали данные обследования горожан за двадцать лет. Кто-то выкрал накопители. Есть резервные копии, но сам факт пропажи... Они обвиняет меня в пособничестве им.

— Им? — не понял я.

— Тэс, — шепнула девушка на пределе слышимости.

— Мне не стало понятней...

— Темные секты, — на грани слышимости сказала девушка. — Меньшее, что мне

грозит это отсечение конечностей и вырывание языка.

Несмотря на страшные слова, Эстер выглядела довольно спокойной. Но немного поджатая нижняя губа и трясущиеся руки выдавали ее. Меня отвлек грузный мужчина, несколько секунд смотревший в нашу сторону. Он тяжело поднялся, опираясь об плечо товарища. Гнусная рожа. Его морду словно отбили булыжником, дали ранам зарости, и снова переломали. Еще больше отвращения добавляла бородавка над левой бровью. Размером с фалангу большого пальца, на тонкой ножке, она покачивалась при ходьбе, ударяя мужчину по веку, отчего он часто моргал.

— Только не это, — неожиданно Эстер схватила меня за руку.

Я напрягся, оценивая готовность к битве. Правая кисть практически бесполезна, левое плечо не в лучшем состоянии, раны на теле могут раскрыться от любого движения. Мне бы отлежать несколько дней. А с этим боровом так просто не справиться. Одна его жирная рука толще моего туловища.

Но урод остановился возле женщины с ребенком, не дойдя до нас пару шагов. Белокурый пацан лет семи прижался к матери, обхватив ее колени и спрятав голову. Бандит опустил пятерню на плечо вздрогнувшей женщины и наклонившись, что-то прошептал ей на ухо. Та замотала головой и тогда волосатая рука ухватила мальчика за волосы и оторвала от матери, приподняв над землей. Пацан молчал и не трепыхался, повиснув, словно дохлая рыба.

— Хорошо, хорошо! — голос женщины сорвался на крик. Остальные узники бросали взгляды украдкой, а стайка подростков откровенно пялилась и хихикала.

Ублюдок отпустил пацан, на коленях подползшего к матери и обхватившего ее ногу. Самое странное, что он до сих пор не издал ни звука. Чудной малый. Да и сама женщина не похожа на местных. Здесь сплошь брюнетки с узким разрезом глаз, небольшой грудью и крепким тазом, а у незнакомки белые волосы, тяжелая грудь и хрупкое телосложение.

Бандит остался стоять, облокотившись об колонну и ухмыляясь, а женщина с ребенком подошла к нам.

— Эсти, можешь присмотреть за Келом, — она говорила тихо, но даже так, голос срывался и дрожал.

— Хорошо, Никола, — кивнула подруга, беря мальчишку за руку. Тот замотал головой, еще крепче прижимаясь к матери, но она быстро отстранилась. — Иди сюда, Кел, с мамой все будет хорошо.

Женщина подошла к бандиту, ухватившему ее за талию. Его рука сползла вниз и легла на круглую задницу Николы. Урод оскалили зубы, смотря прямо на нас и поволок несчастную девушку, едва стоящую на ногах, в темный участок темницы. Через минуту стали доноситься звуки — едва слышные женские стоны, срывающиеся в плач, и довольные мужские похрюкивания. Еще отчетливее слышались шлепки голых тел.

— Эй, малыш, иди сюда, — Эстер обвила голову пацана руками, прикрывая его уши.

— Что происходит? — я тронул вздрогнувшую подругу за плечо.

— Это Фэнь, он один из главных у местных бандитов, — ответила Эстер. — Он с друзьями шантажирует Николу ее сыном. Сам видел. И не только ее, просто две девочки не выдержали.

Звуки совокупления стихли. Первым под светильником появился Фэнь, поправлявший штаны и отсалютовавший загоготовавшим друзьям. Никола вышла спустя пять минут. На дрожащих ногах она подошла к нам, опустив глаза в пол. От группы подростков разошлось

улюлюканье и свист.

— Кел, солнце, — женщина обняла парня, сразу бросившегося в ее объятия.

Я отвел взгляд от белых капель, стекавших с бедер присевшей Николы, и падающих на пол. Меня мало волновали ее проблемы, но вот другой вопрос стоял чрезвычайно остро:

— Нас кормить будут?

— Крис! — Эстер возмущенно толкнула в плечо.

— У меня немного хлеба осталось, не хотите? — Никола посмотрела прямо на меня. В ее глазах явно читалась благодарность. Рада, что я не стал заострять внимание на случившемся?

Вскоре она принесла кусок булки размером с ладошку. Я моментально проглотил угощение, и живот требовательно заурчал, требуя продолжения. Никола вздохнула и протянула мне еще один кусок. Хлеб не самая лучшая еда для восстановления сил и регенерации, хорошо, что успел сожрать печень подонков.

— Что здесь с охраной? — я подергал за волосы Эстер, играющую в гляделки с Николой. Женщины о чем-то безмолвно разговаривали, обходясь глазами и мимолетной, неуловимой для меня мимикой.

— Здесь никого нет, обычно десяток стражей с винтовками приходит во время обеда, иногда с ними одаренный или жрица, — ответила Никола, ласково глядящая сына. — Два выхода закрыты стальными дверями, открывающимися только с внешней стороны. Как видите, отсюда не убежать.

— Ему можно доверять, — бросила Эстер, но Никола лишь покачала головой.

Похоже, что девушки скрывают слабое место в охране темницы. Планируют сбежать? Я осмотрел их фигуры — слабые тела, никаких мышц, незначительная скорость. Вряд ли собираются прорываться боем. Значит, есть другая лазейка.

Послышался скрежет и стук, отвлекая нас от беседы. Люди начали вставать, направляясь в сторону железной двери.

— Обед, — сказала Эстер.

Девушки вышли вперед, но постоянно останавливались и притормаживали, не желая приближаться к многочисленным компаниям. В зал быстро вошли несколько человек в черной защитной униформе — встав на одно колено, они направили дула в нашу сторону. Следом вкатился большой котелок на гроыхающей тележке.

Я вырвался вперед, став одним из первых в очереди. Понятное дело, что лучше затаиться в хвосте, не привлекая лишнего внимания, но жрать хотелось просто безумно. Спину закололо от недоброжелательных взглядов. Меня даже попытались оттащить, ухватив за плечо, но одного взгляда хватило, чтобы плешивый мужичок убрал руку. Первыми стояли Фэнь с его бандой и еще три парня с покрытыми шрамами рожами. Особенно выделялся высокий старик с длинными, свисающими почти до пола руками, закутанный в множество тряпок. Жуткий тип. Эстер с Николой заняли места в самом конце.

Фэнь первым подошел к котлу и щедро налил себе в чашку бурого дымящегося варева, так что оно начало выливаться через края. Его дружки так же неаккуратно обращались с едой — один даже вывернул полную миску. Из первой корзины с хлебом они выгребли все подчистую, разом уполовинив пайку остальных узников.

Один из бандитов громко шмыгнул носом и наклонился над котлом, желая добавить остальным немного соплей в суп. Его щеки раздулись — я не успевал ничего сделать, но вмешался старик. Огромная ладонь обхватила затрепавшую голову, легко отрывая

заверешавшего мужика от земли. Стражи бездействовали. Рука старика напряглась, под кожей вырисовались твердые мышцы. Бандит побагровел, его глаза налились кровью, а язык валился, болтаясь ниже подбородка. В следующее мгновение череп хрустнул. Охрана разом дала залп — резиновые пули ударили по закричавшей и бросившейся в разные стороны очереди.

Больше всего досталось Фэню с его парнями. Они попадали, выронив миски и быстро поползли, достигнув завидного темпа. В старика тоже прилетело, но пули его совершенно не волновали. Отбросив бездыханное тело на несколько метров, он спокойно подошел к котлу за порцией. Я встал сразу за ним.

— По одной в руки! — раздался окрик, когда я попытался наполнить вторую миску. Резиновая пуля срикошетила от каменного пола и ударила в загудевший котелок. — Следующий выстрел будет боевыми.

— Эстер, быстро сюда! — крикнул я.

Винтовка коротко рявкнула. Я успел уклониться только чудом, загодя почувствовав намерение убить, исходящее от стража. Позади послышался крик — не доставшая мне пуля прикончила кого-то другого.

— Не кричи больше, полудурок, — покачал головой стоявший рядом старик.

Все люди попрятались за колоннами, не желая высовываться после случившегося. На вид остался лишь один — тот самый мужик, что хотел вытащить меня из очереди, теперь лежал с простреленной головой. Не повезло бедолаге.

— Обед заканчивается через минуту! — прокричал стрелявший в меня страж.

Взяв побольше хлеба, я собирался уйти, но меня остановил голос стража. Боги, как кон уже заебал меня.

— Вы двое, пойдете на прогулку. И возьмете труп.

Вот же срань. Я одним залпом выпил чашку супа, обжигая горло и принялся запихивать в рот хлеб. Из заключенных только Никола осмелилась выйти. Она налила половник варева и принялась кормить Кела, обмакивая кусочки хлеба в бульон. Себе же женщина взяла несколько кусочков булки. Увидев, что ничего не происходит, стали подтягиваться люди посмелее, но никто не успел дойти до котелка — обед закончился.

Старик подхватил труп, мне досталась тележка. Я не сразу справился с управлением, ведь левой колесо вихляло и не вписался в дверь. Котелок закачался и опрокинулся, выплеснув все еще горячее содержимое на штаны заголосившего, как десятилетняя девчонка, стража. Остальная охрана не выдержала — сквозь непроницаемые черные забрала послышались приглушенные смешки. Главный страж, раздававший указания, навел на меня винтовку и негромко сказал:

— Стоять на месте, заключенный. Дернешься, убью.

Спустя минуту я узнал, что в обойме винтовки двадцать патронов. Страж методично расстрелял меня резиновыми пулями, с близкого расстояния уходившими глубоко в мясо. Последняя попала точно в центр лба, заставив меня покачнуться. В голове сразу все поплыло. Если бы не ручки тележки, я бы точно упал.

Пока мы шли по длинным, слабо освещенным коридорам, несколько пуль выпали, оставляя конические, почти не кровоточащие раны. Полное дерьмо. Такими темпами мне никогда не удастся вылечиться. Идти пришлось долго. Особенно трудно приходилось на лестницах — приходилась держать тележку на весу, следя, чтобы не вылетели миски и котелок. К концу пути я едва стоял на ногах.

— Выливай сюда, — один из стражей раскрыл люк в полу, обрывавшийся в бездонную черноту.

Тусклый свет проникал в него на глубину пяти-семи метров, мягко отражаясь от круглых, отполированных стенок. Я наклонил котелок, выплескивая остатки. От дыры веяло холодом, а темнота внизу будто растекалась, превращаясь в настоящий океан тьмы. Невольно пришлось сделать шагок назад, чтобы успокоить задрожавшее тело. Но кроме подземного холода из распахнутого люка вырывались невесомые частички... магической энергии.

Не густой, остекленевшей, местной маны, а вполне текучей, покорной моему разуму. Но здесь ее жалкие крохи. Она словно утренняя роса на пустынных камнях — ей невозможно утолить жажду, лишь еще больше раздражишь иссохший рот. Такого количества хватит на простенькое заклинание, если просидеть возле люка пару минут. Но толку с него...

Я все же старался выливать суп помедленнее, а затем принялся усердно трясти котелком, пока не заляпал начищенные сапоги стоявшего рядом стража. В ответ прилетел удар прикладом по ребрам. Упав на колени, я закашлялся, склонив голову над люком. Слабый ветерок коснулся лба, остужая испарину. Он не дул постоянным потоком, а размеренно поднимался и стихал, словно дыхание исполинского существа.

Долго ломать спектакль не стал, рискуя нарваться на очередные побои. Мизерное количество маны не окупит серьезные раны.

Через два поворота отряд стражи разделился — большая часть воинов пошла по винтовой лестнице наверх, а мы с оставшимися начали спускаться. Теперь мы со стариком шли впереди, под прицелами винтовок, снаряженных боевыми патронами. Таков был приказ главного. Я спиной чувствовал возросшее напряжение, опасаясь двигать руками при ходьбе. Старику все нипочем — идет и насвистывает с мертвяком на плече.

Полученную энергию сразу же направил на лечение самых серьезных ранений. По моим прикидкам это позволило выиграть несколько часов до полного выздоровления.

— Руки за спину! На колени!

Страж обошел нас и отпер дверь, почти незаметную в стене. Солнце? Я проследил взглядом размытую полоску желтоватого света, вклинившуюся в грязно-коричневый, выщербленный пол. Казалось, что мы глубоко под землей.

Мы вошли внутрь, оказавшись в квадратном колодце, наверху которого виднелось голубое небо, размером с монетку. Сколько же здесь метров? Сорок? Не удивлюсь, если еще больше. Солнце находилось прямо над нами, но жаркие полуденные лучи давали лишь свет, не донося ни капельки тепла. Под ногами скользкая сырая земля, покрытая плевками желто-зеленого мха.

— Зароете тело на глубину его роста, — последовал приказ. — Времени до ночи.

— А чем копать? — я осмотрел небольшое пространство.

Страж выстрелил после небольшой заминки. Я убрал ногу, пропуская пулю, взорвавшую землю небольшим фонтанчиком грязи. Мне не удалось стать быстрее, просто если следить не за снарядом, а за движениями стреляющего, то можно предсказать примерную траекторию. Страж хмыкнул и дверь закрылась.

— И что делать будем? — я повернулся к старику.

Огромная ладонь врезалась мне в лицо, словно железный молот. Череп сдавило с такой силой, что казалось, будто начинают вытекать мозги и глаза. Я схватился за грубые, похожие на старую кору, пальцы, пытаюсь ослабить хватку. Бесполезно.

— И это все, сопляк? — захохотал старик. — Тогда мне придется вырыть две могилы.

Закинув ноги на конечность мужчины, я попытался вывернуть локтевой сустав, но проще сломать бетонный столб. От сжатия перед глазами заплясали белые точки, постепенно сливаясь в яркие ритмичные вспышки. Заелозив зубами по шершавой ладони, попытался впиться в жесткую кожу. Дерьмо, будто подошву пробуешь перекусить.

— Слабак! — рыкнул старик, отшвыривая меня.

Я покатился, отскакивая от земли, как мячик, пока не врезался в стену. Из легких вышибло воздух. Мешанина цветных пятен и тонкий писк в ушах полностью дезориентировали меня. Но старик не нападал. Он просто сидел, обхватив колени руками и ежась от холода. Сквозняк и правда гулял по колодцу, но мне ветерок пришелся по вкусу — сырой и прохладный. Закашлявшись, я сплюнул кровь из прокушенной губы.

— Ты же сердце сожрал у стража? — пробурчал мужчина. — Я пытался найти тебя, но там возле завода такая заварушка началась... И когда успел насолить кланам и бандитам? Эх, молодость, молодость.

Старик замолчал, беззвучно шевеля губами. То ли вспоминал что-то, то ли выковыривал остатки обеда из зубов. Я не двигался с места. Он бесспорно самый опасный противник из всех, с кем приходилось сталкиваться. Скорость, сила, длина конечностей — все на его стороне. Но пока дедуля не спешит драться.

— Зачем ты пытался найти меня? — спросил я.

— Да ты мне особо и не нужен, — пожал плечами старик. — Но дельце твое уж больно быстро замяли. А у меня есть парочка вопросов для твоих покровителей. Но что-то я сомневаюсь, что такой дохляк зятя моего уложил. Он хоть и мудака, но две войны прошел.

— Ничем не могу помочь, — покачал я головой, на что мужчина ответил понимающей усмешкой.

— Этого жрать будешь? — он кивнул на тело.

Я поднялся. Мне терять особо нечего, а надеяться на спасение не стоит. Старик с интересом следил за мной, но едва заметно напрягся. Когда я зубами сорвал клочок кожи и мяса со спины мертвеца, его лицо оставалось спокойным. Мужчина не пронял даже процесс выковыривая кусков печени отросшими ногтями. Зато меня чуть не вывернуло. Неа редкость гадкий вкус — самая паршивая человечина из всей, что мне довелось попробовать.

Питательной ценности никакой. Мужик был редкостным слабаком, не удивлюсь, если его уровень кай один из самых низких в городе. Вот свезло. В ход пошли не только сердце и печень, но и части почек, железы и немного мышц. Но я добросовестно набил брюхо, а затем последовало несколько десятков муторных минут работы с энергией.

— Буэ! — вставив два пальца в рот, я изверг полупереваренное мясо.

Нет смысла держать в желудке такой мусор. Все же большое количество сырого мяса после длительной голодовки грозит жутким несварением. Перемолоть бы его в жидкий фарш.

— Почему труп не закопан!? — дверь резко распахнулась и по колодцу пронесся душераздирающий визг несмазанных петель. В проеме торчало дуло винтовки.

От выстрела я увернулся, откинувшись спиной на землю — прямо на распотрошенный труп. Не горю желанием, чтобы еще несколько людей узнали о моем необычном обеде.

— Чем закапывать, служивый? — старик поднялся и встал передо мной.

— Руками, тупоголовые кретины! — за резкой репликой последовал новый выстрел. Мужчина принял его, не вздрогнув.

Дверь захлопнулась. Я сгреб отросшие волосы рукой и протянул от основания до кончиков, выжимая кровь.

— Ты ел, ты и копай, — рассудил старик. — А заодно и поболтаем.

С сомнением покосившись на землю, я со вздохом принялся за работу. Благо почва оказалась влажной и рыхлой — за десять минут удалось вырыть почти полтораметровую яму. Когда расширял края, то пальцы ткнулись во влажную субстанцию, похожую на холодец. В ноздри ударил запах гнили.

— Странный ты парень, вроде сопля соплей, а взгляд, как у древнего деда, — начал мужчина. — И рожа у тебя странная для этих мест. Не из златокровых случаем?

— Каких? — с запозданием ответил я. Сердце прежнего хозяина сжалось при упоминании златокровых и пришлось потратить несколько секунд, чтобы успокоиться.

— Ничему вас не учат! — мужчина рассердился и шумно выпустил воздух через нос, будто взбешенный бык. — Хотя немногие помнят те времена, а нынешние учебники переписаны в угоду властям. Еще до Войны ста и Артрии, существовала Империя солнца, а императорский клан и его ближайшие ветви называли себя золотой кровью. Мол, нет в первом кольце людей с более чистой кровью, чем мы. Дошло до того, что браки стали заключаться только между императорской семьей — отец и дочь, мать и сын, ты понял.

— Плохая идея, — я покачал головой, вспоминая Небесные колыбели со своей настоящей родины.

— Говорят, что последний император был трехглазым, — сообщил старик. — Брехня! Он был трехлетним сопляком, которого зарезали в кроватке. Обычный пацан. Но раньше всех уродцев называли златокровыми и всячески старались избавиться — народу жутко не понравились последние годы правления Империи солнца. Но это же просто расхожая шуточка, для таких ископаемых, как я, но ты знатно напрягся. Или на самом деле считаешь себя потомком императора?

Старик громко расхохотался, брызжа слюной во все стороны и молотя руками по земле. Его огромные ладони с такой силой били почву, что я подскакивал при каждом ударе. Все же старикан феноменально силен. Подозреваю, что он здесь исключительно по собственным причинам — горстке стражи с автоматами его точно не удержит.

Но больше меня удивила реакция тела на разговор про златокровых, в памяти Криса не было ничего похожего. Похоже, что воспоминания лежат очень глубоко в детстве.

Зарыв труп, я уселся и принялся распределять энергию жизни на самые поврежденные участки. Важнее всего вылечить руки. Затем стоит попробовать то, о чем рассказывал Бак. Накопить излишек энергии, сформировать ядро и открыть точки для техники Черных меток. Благо, что все содержание свитка я помнил наизусть. В идеале еще продолжить тренировку Десять восходов, но Небесной раковины я лишился.

— Эй, старик, — я позвал мужчину, уставившегося на пятнышко неба над головой.

— Меня Варлам звать, невоспитанный щенок, — зевнул тот.

— Варлам, у меня есть предложение, — сказал я. — Ты помогаешь мне стать сильнее, а я отвечаю на любые твои вопросы.

— Что, блять, значит сильнее? — снова завелся старик. — Сильнее в сношении собак? Вот вы, сопляки, вообще думаете, перед тем, как ляпнуть что-нибудь?

— Ты слишком дотошный, дедуль, — меня позабавила реакция Варлама. — Ты самый

сильный, кого я видел, естественно, что мне хочется научиться чему-нибудь.

— Сделка твоя дерьмом пахнет, — отмахнулся Варлам. — Что мне мешает просто выбить из тебя ответы?

— Попробуй, — хмыкнул я, вставая в стойку для рукопашного боя.

— Ты слишком нахален, сопляк, — рыкнул старик. — Вместо клыков у тебя во рту торчит мамкина сиська, а уже скалишься.

В прямом столкновении я не соперник массивному Варламу. Нет надежды и на скорость, остаются только хитрости и уловки. Но старик предугадал ход моих мыслей. Варлам больше не пытался меня схватить. Мужчина двигался быстро, нанося короткие удары открытой ладонью, в его исполнении похожие на выпад копьем. Уверен, что он использует какую-то технику, и касание кончиков пальцев будет не менее острым, чем лезвие настоящего оружия.

Меня спасала медлительность Варлама при поворотах — ему приходилось разворачивать весь корпус целиком, что давало спасительные мгновения. Будь он на десяток лет моложе, лежать мне в могиле рядом с обедом.

Стопа немного просела на взрыхленной земле могилы, заставив чуть наклонить корпус. Варлам отреагировал моментально. Край ладони зацепил мою щеку, оставляя неглубокий порез. Хорошо, что я гораздо ниже мужчины, иначе удар прошел бы по шее, вскрывая сонную артерию. Но расслабляться еще рано. Я точно знал, что Варлам нанесет добивающий удар, вопрос лишь в его исполнении. Техник существует великое множество и если ему известны дистанционные, то я крупно просчитался.

Удар ногой! Стремительный и резкий, словно стрела выпущенная из баллисты. Стопа мужчины оставила в воздухе серую полосу, похожую на молниеносный удар меча. Меня закачало от порыва ветра. Страшно представить, чем грозило прямое попадание. В лучшем случае огромной раной от бедра до плеча, в худшем я бы распался на две половинки.

Но ловушка сработала как надо. Нога мужчины провалилась в полый участок земли, который я подрыл, когда хоронил труп. Варлам ушел по колено и громко выругался. Я вытащил спрятанный в волосах острый обломок кости. Двумя прыжками оказавшись за его спиной, нацелился в ухо, собираясь закончить все одним ударом. Затем мир вокруг погас.

— Эй, пацан, просыпайся, — Варлам хлопал меня по щекам.

Голова раскалывалась. Середина лба пульсировала, посылая волны боли. Я нащупал огромную шишку, напоминавшую натуральный рог. Выходит, что в загашнике у старика были дистанционные техники.

— А ты неплох, как для умственно неполноценного, — выдал скупую похвалу Варлам. — Будь я слепым и наполовину парализованным, может чего и вышло бы.

— Ох ты ж блять, — я кое-как сел, пытаюсь удержать плывущую картинку перед глазами. Возле правой ладони лежал окровавленный камешек, размером с ноготь большого пальца. — Ты меня им так? Это техника?

— Иногда развитое умение ничем не уступает технике, — буркнул Варлам. — Это вы все за техниками гонитесь, думаете, что в них настоящая сила. Знал я одного мастера. Он всю жизнь тренировал один удар мечом, хотя имел золотой уровень, это примерно шестьдесят-семьдесят на нынешние показатели. К тридцати годам он мог разрезать лист стали метровой толщины, а к пятидесяти рассекал человека надвое на расстояние километра. Многих именитых мастеров он погубил, но закончил плохо.

— Встретил кого-то с очень сильной техникой? — предположил я.

— Нет, какая-то шлюха в корчме отравила его, позарившись на клинок, — фыркнул старик. — Поэтому важна золотая середина. Вот какой у тебя уровень Кай?

— Семь или восемь? — пожал я плечами.

— Не брешешь? — Сощурил глаза мужчина. — Дай-ка поглядеть.

Огромная ладонь легла мне на голову, а спустя секунду в макушку стало проникать тепло. Похоже, что Варлам выпустил немного своей кай, чтобы исследовать мое тело.

— Не соврал! — ошарашенно сказал старик и резко отдернул руку. — Да чтоб тебя черти драли!

Я ухмыльнулся. Поглотив проникающую энергию и зачерпнув немного из конечности побледневшего мужчины, мне удалось получить больше пользы, чем от кровавого обеда. Но судя по насупленным кустистым бровям и сжатым кулакам кража грозила большой взбучкой.

— Виноват, — я склонил голову. — Больше не буду.

— Подумать только, — Варлам легко поднял меня на вытянутые руки и принялся вертеть. — Я был совершенно уверен, что ты одаренный. Кто ты такой, пацан?

— Я есть длань смерти и гибели, владыка мертвых и пожиратель жизни, — карусель мне надоела, заставив собраться. — Отпусти меня!

Старик уронил меня и упал на задницу, забавно отползая. Похоже, что я немного переборщил с серьезностью взгляда.

— Да просто шучу, — улыбнулся я.

— Чтоб б тебе ушат дерьма сожрать, — сплюнул Варлам. — Клянусь, что видел, как меня заживо черви жрали в могиле. Будь я чутка моложе, в штаны насрал бы тот самый ушат с говном.

— Так что со сделкой, дедуль? — начал я, но дверь снова распахнулась и нам велели выметаться.

— Потом поболтаем, — шепнул Варлам.

Обратно мы возвращались другой дорогой, что заняло немного больше времени, чем первый путь. Стражи явно не хотят, чтобы узники запоминали строение тюрьмы. Только идеальная память и мельком увиденный краешек люка, легко справились с уловкой, позволив мне выстроить примерный маршрут.

— Сидеть тихо! — вместе с приказом мне достался болезненный пинок.

Ничего не говоря, Варлам кивнул мне и пошел в одиночку. Я направился к Эстер и Николе, сидевшим на прежнем месте.

— Что с тобой, Крис!? — девушки одновременно вскочили. — Ты весь в крови!

— Она не моя, — отмахнулся я. — Случилось чего, пока меня не было?

— Давай я вытру, — Никола с треском оторвала от ночнушки край, почти полностью обнажив левое бедро. — Не дергайся.

Я совершенно обалдел от ее поступка, покорно позволив стереть кровь и грязь. Правда, они скорее размазались равномерным слоем, но доброта и забота, с которой женщина ухаживала, напомнила мне детство в колыбели. Какое же приятное чувство.

— Он стал еще грязнее, — почему-то в голосе Эстер сквозило раздражение. Неожиданно она вцепилась в край свободной рубахи, также отрывая лоскут.

Теперь девушки вдвоем терли меня, буквально заставив размякнуть. Даже не знал, что могу испытывать подобные чувства. Это будет лучше, чем открыть новую ветвь магии.

— А не жирно тебе будет сразу двух кралей забрать? — из пелены блаженства ко мне

просочился тошнотворный голос бородавочника Фэня.

Я приоткрыл глаза, и спокойно осмотрев нависшего надо мной борова, тихо, но четко сказал:

— Свалил. Даю три секунды.

Два бандита за спиной Фэня выпучили глаза, перестав дышать. Сам жирдяй захлопал ртом, принявшись быстро багроветь, словно его рожу засунули в плавильную печь.

— Раз, — я с сожалением отметил, что девушки перестали обтирать меня. Никола вцепилась мне в плечо, пытаясь отодвинуть. — Два.

— Простите, он не хотел... — начала она.

— Три.

Я запустил руку в волосы, доставая обломок кости и нанес хлесткий удар, вбивая оружие в шею мужчины. Идеальное попадание. Предплечье сразу заныло, когда я резко дернул осколок, вспарывая артерию. Брызнувшая кровь окатила нас, сведя на нет старания девушек. Отшвырнув пискнувшую Николу, я врезался плечом в начавшего оседать Фэня, толкая его на дружков. Те толком не понимали, что происходит, превратившись в легкие мишени.

— Буэкс! — первый напоследок что-то пробулькал перебитой гортанью.

Второй оказался чутка поживее, успев выставить предплечье и остановив острый осколок в миллиметре от шеи. Я вбил два пальца в основание челюсти, попав в миндалину. Из рта бандита брызнула кровь и слюна. Третьего удара он не пережил, упав с вбитой в ухо костью. Я нагнулся, пытаясь ее вытащить, но безуспешно, застряла накрепко.

В азарте битвы я не заметил, как ор поднялся вокруг. Ко мне уже бежали остальные бандиты. Битву еще с четырьмя я не выведу. Здесь на помощь пришла стража — дверь распахнулась и в помещение влетели бойцы, сразу открыв огонь. Я сгреб Эстер и Кела, падая на пол. Шестое чувство кричало, что стреляет не только резиновыми пулями. Поднялся совершенно адский грохот, усиливаемый эхо и криками людей.

— Не вставай! — рявкнул я, прижимая девушку к полу.

Лягнув по яйцам подбежавшего бандита, я откатился к колонне. Выстрелы прекратились, но я задницей чуял, что специально для меня пуля найдется. Один из противников валялся на земле, держась руками за простреленные насквозь щеки. Вот свезло ему.

Глаза зацепились за блеск металла в руке тощего бандита в кожаной жилетке, выскочившего из-за согнувшегося товарища, которому я отбил шары. В руке противника заточка, сделанная из обломанной ложки. Годится только для колющих ударов.

— Сдохни, падаль! — прошипел он, прыгая на меня.

Бил он с широким замахом, отведя руку далеко назад, отчего заблокировать удар не составило труда. Проехавшись локтем по скуластой роже, я вцепился в руку с заточкой, пытаясь отобрать оружие. В ответ прилетела оплеуха. В ушах зазвенело. Вырвав заточку из потных лап, вбил ее в горло захрипевшего мужчины. Из приоткрывшегося рта на меня полилась кровь, падая прямо на лицо.

— Огонь! — раздалась команда.

В дверях стояла небольшая пушка на колесиках с вытянутым сужающимся дулом, похожим на телескопическую дубинку. Это что еще за хрень? Вокруг царил настоящий бедлам — часть людей забились по углам, остальные последовали нашему примеру, вступив драку. Группка подростков мутузила работяг, две женщины катались по полу, вцепившись

друг в другу в волосы, собака истошно выла, задрав голову к потолку. Не пойму, какого хера они арестовали собаку?

Определив во мне зачинщика, отряд стражей двинулся короткими перебежками, отстреливая по пути драчунов.

— Сдаюсь, — крикнул я, поднимая руки.

Жест был воспринят неверно. Я завертелся ужом, чудом не словил ни одну из пуль, застучавших по бетонному полу. Бьют на поражение. Терпение стражей кончилось. Одновременно загудела пушка, выстреливая мощной струей воды, врезавшейся в дерущихся и расшвыривая их в стороны. Я ошарашенно уставился на водомет, генерировавший водяной поток с помощью магии. На автомате перехватив управление, двинул струю, покорно следовавшую за моими командами. Ни черта не понимаю!

Плечо обожгла острая боль и меня развернуло. В грудь прилетел пинок, швыряя меня на землю. Восемь винтовок смотрели прямым на меня, в любое мгновение готовые исполнить смертельный приговор.

— За нарушение правил вы приговариваетесь к немедленной казни, — раздался приглушенный голос. — Огонь!

Друзья, извиняюсь за задержку, но выкраивал время на писанину, как только мог. В результате начал вставать на час раньше перед работой, чтобы поработать над книгой. Надеюсь, что ценой таких жертв получится значительно ускорить скорость выкладки.

Я был абсолютно спокоен. Сердце билось четко и равномерно, тело расслабленно, глаза полуприкрыты, чтобы больше внимания уделить контролю магии. Водяная пушка каким-то образом перерабатывала твердую ману этого мира в гибкий, текучий поток. Ухватив струю воды, я максимально сузил ее, превращая в нить толщиной с сапожную иглу. В висках сразу заломило — главное не перейти свой предел.

Водяное лезвие атаковало подобно серпу, срезавшему стражей, как спелые колосья. Верхние половинки тел мягко съехали, обнажая идеально ровные срезы, брызнувшие кровью. Не повезло самому крайнему стражу. Сжатая вода в конце движения вышла из-под контроля, стремительно расширяясь, и выела в грудь мужчину ровную полусферу.

Затылок будто сжали стальные клещи. Помню... На краю сознания на секунду вспыхнула мысль об заклинании с похожим эффектом. Слеза принца. Точно, оно действительно так называется! Озарение мелькнуло, как солнечный блик и пропало, оставив меня с раскалывающейся головой.

Водяная пушка рванула с глухим хлопком: медные бока вздулись двумя пузырями, колесики отстрельнули, из дула вырвалась струя пара, накрывшая облаком двух бедолаг, прятавшихся за колонной. Их кожа мгновенно обварилась, покраснев, как панцирь приготовленного рака. Руки несчастных елозили по телам, пытаюсь стряхнуть обжигающие капельки, но пальцы лишь стягивали полоски разлезающей кожи и жира.

Не знаю, кем были убитые мной стражи в местной иерархии силы, но влетевшие спустя минуту люди отличались от них в корне. Их было всего трое. Три быстрых тени в серой облегающей униформе, сливавшейся со стенами и словно ускользающей от взгляда. Они пронеслись мимо обожженных бедолаг, прерывая их страдания. Один удар и вскрытые глотки толчками выплевывают кровь.

Варлам примиряюще поднял руки, но одна из теней все равно отделилась от группы, помчавшись к нему. Старик зачем-то встал на колени и склонил голову. Страж ударил его по затылку и мужчина обмяк. Тени, словно рассыпавшийся бисер, скакали по темнице, оглушая людей. Иногда они использовали черные иглы, метая их сразу десятками. Не прошло и пяти секунд, как все в помещении были оглушены или усыплены.

Мне досталась игла в плечо. Я уловил движение рукой, но скорость полета снаряда оказалась за пределами моего восприятия. Сонный яд подействовал почти мгновенно, наливая веки свинцом. Некоторое время сознание пребывало в полубреду, мешая реальность с воспоминаниями и причудливыми образами. Затем все погрузилось в темноту.

Проснулся резко, будто в исподнее закинули ведро льда. Голова ныла, во рту поселился горький травяной привкус. Сколько я не сплевывал, он становился только сильнее, пока не начал жечь язык.

Где я? Меня окружала полная темнота и узкие каменные стены, не позволяющие расправить плечи. По ощущениям прошло не так много времени, но спину уже ломало от неправильного положения. Впереди дверь — металлическая и очень холодная, покрытая капельками конденсата — каждое прикосновение обжигает голую кожу. Я оказался нагим. Судя по неприятным ощущениям в заднице, тюремщики удостоверились, что ничего спрятать не удастся.

Я попытался выпрямиться, подняв руки кверху. Стало немного полегче, но вскоре

затекли плечи. Несколько часов я провел, пытаюсь разместиться в каменном гробу, пока не осознал тщетность попыток. Но если не двигаться, то кости начинают выворачивать от кривого расположения тела.

В итоге пришлось максимально снизить болевые ощущения и волевым усилием проталкивать кровь в зажатые участки. Не у всех есть похожие умения, поэтому вскоре раздался первый стон. Он шел откуда-то сверху, сначала слабый и тихий, но вскоре вернулся многократным эхом, перемежаясь новыми звуками, пока не превратился в низкое гудение, заставляющее вибрировать стены. Многие не выдержали и закричали, добавляя мощности зубодробительному басу.

Все стихло спустя десять минут. Все поняли, что лучше молчать, чем снова пройти через пытку звуком. Сначала слышался шепот, но даже он многократно усиливался, подарив узникам новую порцию вибрации.

Трудно судить о том, сколько прошло времени. Еду мне не приносили, воду приходилось добывать слизывая капли с двери и стен. От стоячей позы ноги начали отекавать, особенно набухли стопы, став на несколько размеров больше. Манипуляции с телом не особо помогали, трудно представить, что станет с обычным человеком. Мне начало казаться, что я останусь здесь навсегда.

Иногда слышался скрежет дверей, проносившийся резкой волной по темнице. Только это давало надежду, что меня выпустят. Бывало, что открывалось несколько дверей сразу, но чаще их отпирали по одной.

От голода давно перестало сводить желудок, я впал в оцепенение, перебирая и перекладывая воспоминания и знания, полученные за время пребывания в теле Криса. Время считал по количеству образовавшихся на стенах капель — больше всего их было в условное утро, что совпадало с внутренними часами.

Я не сидел сложа руки, отдавшись на волю судьбы. Несколько раз в день предпринимал попытки создать ядро энергии, о котором говорил Бак. Если не могу положиться на магию, то придется жить по законам нового мира.

Но все попытки оказывались безуспешны. Мне приходилось использовать собственный мышцы, кости и жир, чтобы извлекать крохи кай и пытаться соединить их в ядро. Я с легкостью управлял энергией, создавая крохотный шарик, постепенно начинавший пульсировать и посылать волны тепла. Но когда казалось, что ядро кай зародиться, как оно взрывалось, посылая волны адского холода в живот и промежность.

Я бился над решением проблемы десятки раз перерывая доступную мне информацию. Когда время жизни сократилось до двадцати дней, а само ядро стало размером с кончик иглы, пришлось оставить попытки.

На пятый день двери прекратились открываться. Стало так тихо, что биение сердца оглушало. Я замедлили все процессы до предела, погрузившись в сон. В таком состоянии у меня есть три недели до наступления необратимых изменений из-за отсутствия еды.

Сон прервал резкий истошный крик. Все же я не один остался в застенках. Человек долго вопил, нагнетая вибрации, натурально бившие по ушам, словно два каменных диска. Спустя время завывания стихли, превратившись в непонятное бормотание. Самое ужасное, что акустика усиливала безумный шепот до оглушающей речи, насильно продирающей в уши.

— Здесь. Там. Потом. Синие птицы кружат над черным морем, — шепот длился несколько часов, сменяясь тонким воем, затем все начиналось заново.

Десять дней хватило, чтобы превратить человека в безумца. На пятнадцатый его речь потеряла всякую осмысленность, став подобной мычанию коровы. Не сказать, что я привык, но из сна меня вырывало редко, лишь когда звук достигал силы, достаточной чтобы тряслись стены.

— Ты же там, да? — на семнадцатый день я услышал спокойный голос. — Ничего не говори, я все равно не услышу. Внутри ушей у меня плещется море, оно грохочет так громко, что я потерял собственные мысли.

Безумец говорил, но его не сопровождала усиленная волна звука. Приспособился? Если прислушаться и отсесть лишние басы, то слышно, как высоко поднят голос.

— Семнадцатая улица, дом торговца книгами, там живет девушка по имени Эстер, — я не поверил услышанному. Неужели спятивший мужчина это отец Эстер?

— Нет! Молчи! — голос буквально ударил меня. — Защити ее, мальчик, в глазах которого живет смерть. Я заплачу, заплачу... Синие птицы кружатся... Молот гнева... В подвале есть тайный люк, ключ книга Тайлицэань, внутри деньги и свиток. Там все ответы и твоя награда. Синие птицы кружатся над черным морем...

Через несколько минут старик затих. Я почувствовал, что жизнь покинула его. Дыхание Белой госпожи так отчетливо слышно в кромешной тьме, что смерть отца Эстер принесла ледяные мурашки, побежавшие по сердцу.

— Я помогу тебе, дитя, — ее голос был наполнен теплотой. — Принеси в жертву двадцать жизней и поклянись служить мне.

— Прошу простить меня, но я служу лишь себе, — я потряс головой, пытаясь избавиться от гипнотического, завораживающего шепота.

— Твое упрямство будет дорого стоить, — смех Белой госпожи взорвался в сознании ледяными бомбами. — Но не тебе, а тем, кого ты полюбишь. Но пусть будет так. Принеси мне двадцать жизней.

Когда ее присутствие улетучилось, заскрипела дверь, впуская свет факела, больно ударившего по глазам. Я вывалился на наружу. Ноги не слушались, став деревянными чурбаками. Стражи громко расхохотались.

— Не сдох все-таки, — надо мной возвышался Барт, пахнувший кислым пивом и свиным жиром. В его руках находилась толстая книга и перо. — Так, найдем мертвым на третьей неделе в поющем карцере. Тащите эту падаль в камеру к смертникам. Вроде всех забрали?

— Он последний, господин, — почесал голову один из бойцов. — Только ему впаяли две с половиной недели, остальных еще десять назад выпустили.

— Старик еще был, — я сплюнул кровью из разбитой губы. — Умер пару минут назад.

— Да не должно быть никого, — мне достался пинок в лицо. — Причудилось засранцу.

— Хм, — Барт лизнул палец и перевернул страницу. — А мальчишка не сбрендил. Проверьте тридцать пятую камеру.

Вскоре стражи вытащили из камеры тело страшно худого бородатого старика. Я заметил, что его уши покрыты черной запекшейся кровью. Тело отца Эстер покрывало множество шрамов — один пересекал все туловище от ключицы до колена. Боевитый был мужик.

— Ты что конченный? — Барт ответил забывчивому стражу такую мощную затрещину, что тот распластался на полу. Каждое следующее слово палач сопровождал ударом сапога. — У нас! Блять! Серьезная организация! Двадцать дежурств вне очереди! Полгода без премии! Выродок тупоголовый!

Пятка Барта опустилась на руку стража, с хрустом ломая несколько пальцев. Остальные стражи замерли, как статуи, боясь дышать. Палач еще долго сыпал проклятиями, сетуя на кретинов неспособных грамотно вести отчетность. Следующему, кто слажает, он пообещал засунуть в задницу двухметровую шипастую булаву. Барта не огорчила смерть старика, он пришел в ярость из-за записей в журнале.

— Молодец, что заметил ошибку этих кретинов, — палач ухмыльнулся по-отечески похлопал меня по голове и помог встать. — Так, доставить в целости и сохранности.

Тупая жирная скотина. Он подставил меня по полной. Стража меня гарантировано с дерьмом смешает... Ноги наполнило неприятное покалывание и зуд от крови, обильно прилившей к затекшим бедрам и голеникам. Но когда меня втолкнули в камеру, они еще не успели отойти. Я не удержался и проехался рожей по грубому каменному полу.

Помещение точно такое же, как и первое, но народу здесь поменьше. Поначалу я не увидел знакомых лиц, но уловил ласковый убаюкивающий голос Николы, говоривший с Келом. Я побрел через центр зала, спиной ощущая оценивающие взгляды. Никто не лез на рожон, лишь лысый здоровяк со шрамами на блестящей голове что-то буркнул себе под нос и ухмыльнулся.

— Привет, — я поздоровался с девушками и упал на колени.

— Крис! — Эстер обернулась и ее глаза удивленно расширились. — Бог ты мой, сколько ты просидел в карцере?

— Бедный мальчик, — Никола коснулась моей руки. Кел прижался к ее ноге, заинтересованно смотря на меня.

Если они здесь, то осуждены на смерть. Паршиво. Пока у меня нет никаких вариантов, чтобы выбраться из тюрьмы. Еще нужно как-то сказать Эстер про ее отца. Из темноты возле самой дальней колонны вышел Варлам — весь его живот был покрыт пожелтевшими бинтами с пятнами крови. Лицо старика нездорово поблескивало в свете факелов.

— Выжил таки, — суровое лицо прорезала улыбка, сделав его по-настоящему пугающим.

— Тебе не идет улыбка, дедуль, — я оскалился в ответ.

— Вам нельзя вставать, дедушка! — Никола с Келом подбежали к мужчине, пытаюсь поддержать его под руки.

Когда они успели так сблизиться? Хотя за две недели могло многое произойти. Возможно, что мои чувства обострились после двух недель в карцере и встречи с Белой госпожой, но в дыхании старика ощущался холод смерти.

— Все не так паршиво, сопляк, — Варлам перехватил мой взгляд и заворчал. — Вы отстанете от меня или нет?

— Кто тебя так? — я оперся на плечо Эстер.

— Скоро узнаешь, парень, — кашлянул Варлам. — Быть может, тебе попадет тот же самый ублюдок, что и мне. Тебя в смертники записали?

— Я умер сегодня в карцере, так записал Барт, — мне не понравилось состояние мужчины. Кто его так отделал?

Вскоре принесли обед — по две чашки теплого риса с мясной подливкой, мягкий хлеб и кислый молочный напиток. Я не поверил глазам. Откуда такая щедрость? Есть приходилось очень медленно, но даже так желудок не справлялся и пришлось скатать из риса липкий шарик, оставив его про запас.

— Ты хоть знаешь, где мы находимся? — старик вытер жирные губы и громко рыгнул,

испугав Кела. — Вижу, что вообще без понятия. В тридцати километрах от города есть заброшенная шахта, оставшаяся со времен Артрии. Сорок лет назад на ее базе была построена тюрьма для особо опасных неударенных преступников — сюда свозили головорезов со всей страны. Основные помещения находятся на двенадцатом этаже, большая часть верхних завалена и есть только один выход наружу. Лифт.

— Откуда вы все это знаете? — с сомнением в голосе спросила Эстер, чересчур плотно жавшаяся ко мне.

— Не встречай в разговор старших, соплячка, — нахмурился мужчина. — Мне эта тюрьма знакома, как пальцы на руках. Помощник главного инженера, как-никак. Сколько денег мы тогда попилили, тебе такие суммы даже не снились. Видишь на каждой колонне есть круглая выемка на самом верху? Там могли быть автоматические турели.

— Что за турели? — поинтересовалась Эстер.

— Железные палки, которые очень быстро делают бабах, — ядовито ответил старик. — Но суть не в этом. Отсюда почти невозможно сбежать.

— Почти? — я уцепился за возможность побега.

— Нижние этажи выходят в пещеры, ведущие наружу, — вместо мужчины ответила Никола. — Я чувствую, как снизу идет воздух.

— Да, ты права, — кивнул Варлам. — Но шахты законсервировали еще в лучшие времена Артрии, хотя здесь добывали ценнейшие воздушные кристаллы. Вопрос — что такого могло произойти, чтобы закрыли источник добычи очень важного ресурса?

— Что-то очень нехорошее, — пискнул Кел.

— Правильно, пацан, — оскалился Варлам. — Слыхали про эпидемию черной гнили?

Женщины напряглись. По их лицам было видно, что с болезнью они знакомы.

— Черная гниль впервые появилась именно здесь, — продолжил старик. — Ее принесли шахтеры с нижних пробоев. Один старый знакомый рассказал, что парни нашли огромный кусок воздушного кристалла, такого большого, что превышал рост человека в три раза. Еще и идеальной круглой формы. В честь находки все работники шахты отправились на гулянку в город. А через неделю он опустел. От людей остались только кучки черной слизи.

— Мой дедушка рассказывал, что черная гниль смертоносна даже для одаренных, — кивнула Никола. — Чем больше у человека кай, тем быстрее он сгорает от болезни.

— Именно. Поэтому город сожгли так, что не найти даже одного кирпичика, — продолжил рассказ мужчина. — И постарались быстро замять случившееся. Неудивительно, что чиновники, решившие строить тюрьму были не в курсе. Это после новой эпидемии в стране восхода история вылезла наружу. Нам приказали срочно закрыть проходы на нижние этажи. Так пересрали, что начальник тюрьмы лично таскал мешки с цементом.

— Так выходит, что прохода нет? — разочаровался я.

— Есть лазейка, — ухмыльнулся Варлам. — Цемент выдали не так много, вкалывать нам надоело очень быстро, поэтому часть проходов мы просто заложили кирпичом и замаскировали под бетон. Выбить такую стенку не составит труда. Но вопрос в другом...

— Черная гниль убьет нас, — вздохнула Эстер и ее пальцы сжались на моем предплечье. — Но это лучше, чем пойти на виселицу. Я готова рискнуть, чтобы увидеть отца.

Я вздрогнул. Сейчас подходящий момент или нет? Узнав про смерть родного человека, девушка может впасть в уныние и потерять волю к жизни. Тогда никакой помощи от нее не дождешься. Лучше отложить разговор до того момента, когда мы выберемся.

— Так откуда рана? — я вернулся к первоначальному вопросу.

Старик не ответил, но посмотрел в начало зала, где возле входа сидела знакомая по прежней камере заметно поредевшая стайка подростков. Из шести человек осталось трое. Высокий брюнет с прической горшок и мускулистыми руками, пухлая девушка с сонным выражением лица и черными кругами под глазами и ее подруга с короткими синими волосами и суровым выражением лица. Она словила мой взгляд и нахмурилась.

Так, только драки мне не хватает. Если она так отделала Варлама, то мне сейчас не справиться.

— Синеволоска? — предположил я и мужчина скрипнул зубами.

— Дай глянуть на рану, — я требовательно показал пальцем на бинты. — Ты мне нужен, дедуля. Не хочу долбить все стены подряд в надежде наткнуться на нужную.

Стоит отдать должное, Варлам без вопросов принялся разматывать бинты, пока не открылся живот с четырьмя продольными глубокими ранениями, похожими на удар когтей. Еще бы чуть-чуть и кишки посыпались наружу. Я до крови прикусил подушечку указательного пальца и вложил в порез, заставив старика вздрогнуть.

— Понемногу направляй кай в область солнечного сплетения. — приказал я.

Я не ожидал, что все пройдет легко, но жизненная энергия старика упорно сопротивлялась манипуляциям. Словно пытаешься согнуть толстый железный прут — если не дожать, то он возвращается в прежнее положение. Девушки вытирали пот с моего лба, но он все равно заливал глаза. После пяти минут лечения, я был настолько выжат, что заснул, как только голова коснулась пола.

— Крис, проснись, — меня разбудил болезненный щипок.

Открыв глаза, я увидел тройку стражей и девушек, заслонивших меня. Щипнул меня Кел. Судя по дубинкам в руках, пробуждение могло быть еще болезненней.

— Встать на корточки, смертник, и за мной, — рявкнул страж.

Гусиным шагом я проследовал за стражами, услышав несколько презрительных смешков. Шли мы долго. Казалось, что еще одна лестница на сотню ступенек и колени лопнут. Мы поднимались вверх. Если судить по пройденному расстоянию, то прошли три-четыре этажа, затем последовала короткая поездка на лифте.

Стражи остановились перед тяжелой деревянной дверью со свисающим на криво прибитом гвозде золотым амулетом дракона. Мужчины некоторое время перешептывались, затем одного толкнули в плечо, и тот бурча под нос робко постучал. Дверь распахнулась почти сразу. Стражи отпрянули, словно на них бросились ядовитые змеи.

— Привели, значит, — промурлыкала Магнолия. Она была в откровенном золотистом платье из тонкого шелка, оголявшем живот и бедра. Тяжелую грудь закрывали две тоненькие ниточки.

— На колени, сволочь! — резко крикнул один из стражей.

На меня посыпались удары дубинкой, бросая под ноги девушки. Магнолия безразлично смотрела на избиение, остановив стражей лишь спустя минуту. Удары воспринимались болезненней обычного, ведь кости не покрывал даже малюсенький слой жира и мышц.

— Свободны, — махнула рукой Магнолия, вместе с движением ладони посылая волны ароматов мира и фруктов. — А ты за мной, мальчишка.

Ее комната мне сразу не понравилась. Я воспринимал ее как адепта религиозного культа, но стены вытянутой прямоугольной комнаты были сплошь завешены хирургическим инструментом, на массивных деревянных столешницах громоздились колбы и реторты, а два шкафа под потолок сплошь забиты толстыми томами. Покои ученого, а не жрицы.

— Ложись на дальний стол, — скомандовала девушка.

Я сглотнул. От вида толстой столешницы с выемкой для головы, кровостоком и стальными фиксаторами, по спине пробежал холодок.

— Тебе нужно особое приглашение? — Хотя лицо Магнолии закрывала вуаль, я задницей почуял, как его исказила гримасы злобы. — Слишком упрямым подопытным крысам я отрезаю ненужные органы. Не гневи судьбу, парень. Обещая, что будет очень больно...

В ее руках появился большой стеклянный шприц с медной окантовкой и украшенным витиеватой резьбой поршнем. Длинная игла сверкнула и погрузилась в живот охнувшей Магнолии. Шприц начал наполняться, но не кровью, а густой золотистой жидкостью, похожей на ртуть. С каждым заполненным миллиметром объема пальцы девушки заострились и бледнели, словно она очень быстро теряла вес.

— Надо отдохнуть, — Жрица положила заполненный наполовину шприц на подставку и рухнула в кресло. Подрагивающими руками она взяла бокал с теплым вином и сделала несколько долгих глотков. — Вино с остров просто чудесно, если не знать из чего оно сделано.

— Что в шприце? — я с неудовольствием отметил, что мой голос колебался.

— Значит, ты их категории любопытных, ну хоть не мочишься от страха, — вздохнула Магнолия. — Как ты знаешь, мальчишка, после определенного возраста врожденный уровень кай нельзя повысить, а после развить его в более чем двукратном размере. И я занимаюсь частичным решением этой проблемы. Если нельзя развить врожденный дар, то как насчет полученного? Если говорить просто, то я ищу способы усиления альтернативные развитию кай. Я стала довольно известной в данной области и на меня вышли люди, заинтересованные в создании большого количества бойцов из отребья.

— Почему нельзя просто использовать технику Десяти восходов, она же неплохо показала себя? — я решил блеснуть знаниями, чтобы увеличить свою ценность в глазах жрицы.

— Удивлена, удивлена, — вяло похлопала в ладоши Магнолия. — Во-первых слишком долго, во-вторых — не твоего ума дело. Начнем эксперимент.

Девушка взяла шприц и до середины иглы ввела мне в живот. Больно? Скорее чертовски неприятно. Но когда золотистая жидкость начала вытекать, то показалось, будто в животе разливается расплавленный металл. Ебанутая сука. У меня не было времени, чтобы спокойно анализировать жидкость, но она несомненно жутко ядовита и опасна.

Температура тела сразу взлетела почти на шесть градусов и продолжала нарастать. Горячая кровь обжигала сорвавшееся в галопе сердце. Но в отраве действительно присутствовало большое количество энергии, которую я принялся жадно поглощать. Магнолия положила руку мне на живот и попыталась манипулировать растекшейся жидкостью, собирая ее в сферу. Я даже позволили ей делать это. А потом...

— Что!?! — успела воскликнуть девушка и рухнула на пол.

Я провернул тот же трюк, что и с Варламом. А не нужно в меня лезть со своей энергией. Полученного хватило, чтобы нейтрализовать введенную дрянь и немного восстановиться. Но пришлось напрудить прямо на стол — надо же как-то вывести из организма яд.

Жрица оклемалась спустя пять минут. Я принялся корчить из себя страдающую от адских мук жертву.

— Слишком много крови отдала, — пробормотала она, на четвереньках ползя к креслу, в котором и затихла еще на полчаса.

В дверь постучали. Покачиваюсь и проклиная все на свете, Магнолия пошла открывать. На пороге стоял Барт.

— Как успехи? — он привстал на цыпочки, заглядывая в комнату через плечо

девушки. — Святая, вы же обещали оставить мальчишку мне!

— Не нуди, палач, — отмахнулась Магнолия. — Ты и так забрал себе того парнишку с аномально высоким уровнем кай. Они же вроде знакомые?

— Да, их вместе повязали, — Барт протиснулся в помещении и подошел ко мне. — Гляди, живой, не подох. Святая, отдай его мне. С меня пять бутылок твоего любимого жучинового вина.

— Не зли меня, — предупредила Магнолия, отстегивая наручи на мне.

— Говорят на соревнованиях будет длань дракона, — заговорщицким голосом зашептал мужчина. — Откормим сопляка и выберем ему противников послабее, представив дело так, будто он стал сильнее после ваших экспериментов. Дела ведь идут не ахти, я прав?

Магнолия, как разъяренная фурия, подлетела к Барту. Вспыхнувший в ее руке кинжал света остановился в миллиметре от глаза струхнувшего палача.

— Из твоего рта несет членами, Бартоломей, захлопни пасть и проваливай, — прошипела жрица. — Мне не нужны твои жалкие уловки, чтобы доказать успешность опытов. Первые бои уже начались?

— Спокойней, святая, — Барт мягко отодвинул девушку. — Мы пока только отбираем кандидатов. Скоро должна вернуться капитан с отличным уловом из Пристанища воронов. В этом году даже участвуют несколько кандидатов из кланов.

— Людям всегда было интереснее наблюдать за побоищем, чем заниматься наукой, — Магнолия скривилась.

— Наш доход за прошлый год превысил пятьсот миллионов ван, — пожал плечами Барт. — Говорят, что в качестве тайного гостя присутствовал заместитель премьер-министра. Всем интересно наблюдать, как отъявленные негодяи, приговоренные к смерти, сражаются за свои жизни.

— Ставлю десять миллионов на победу своего подопытного, — громко произнесла Магнолия.

— Он едва ли пройдет местный отбор, — удивился палач.

— Ты принимаешь ставку? — нахмурилась девушка.

— Твой подопечный станет чемпионом? — глаза Барта загорелись от жадности. — По рукам, святая.

Магнолия презрительно посмотрела на протянутую ладонь и мужчина суетливо спрятал конечность за спиной. Барт подошел ко мне и похлопал по плечу.

— Держись парнишка.

Когда палач ушел, жрица освободила меня и вручила серебряный поднос с остатками жареной птицы. Куски жирной кожи, косточки, хрящи и пятно острого оранжевого соуса.

— Жри.

Я с удовольствием пообедал остатками, едва ли не вылизывая посуду. Магнолия взяла пыльную пузатую колбу и щедро плеснув вина, протянула мне. Терпкий, но сладкий вкус мне понравился.

Барт потер руки, выходя из комнаты святой. Из рукава его растянутой хлопковой рубашки высунула головку полупрозрачная змейка, ощупавшая сырой воздух темницы раздвоенным языком. В тусклом свете ламп в закопченных абажурах рептилия была абсолютно невидима.

— Тише, тише, — палач направил немного кай в змею, и она почти сразу уснула, обвив предплечье мужчины.

Бартоломей был уроженцем трущоб промышленных районов, похожих на зловонную клоаку из сгнивших деревянных бараков, заброшенных корпусов артрийских заводов, вшивых ночлежек и подпольных баров, накрытых токсичным желто-зеленым смогом. Его выловили из сточной канавы бездомные, с которыми он жил до четырех лет. За плошку риса и ядовитую рыбу из каналов приходилось вымаливать милостыню, получая побои в случае недостатка.

В семь его продали в бордель. Барт не любил вспоминать те времена, хотя его достаточно быстро выкупил постоянный клиент. Следующие пять лет он ненавидел, хотя хозяин, преуспевающий фармацевт, многому успел его научить. Но был законченным садистом. Барт научился писать и читать на четырех языках, смешивать травы и фехтовать. Самый большой его талант обнаружился в бухгалтерии — погружаясь в вычисление и расчеты, он отрешался от реальности. Когда Барт стал прыщавым подростком, хозяин охладил к его телу, перепоручив работу в лавке.

С возрастом наклонности фармацевта становились все жестче. Когда Барту исполнилось восемнадцать, хозяину не хватало одного мальчишки на месяц. Парню приходилось расчленять истерзанные тела и прятать их в закоулках трущоб, рискуя нарваться на кинжал бандита. Но Барт постоянно учился, покупая книги на деньги, полученные в результате махинаций с бухгалтерией лавки. Он выучился на вечерних курсах юриспруденции, а у дельцов трущоб умению подделывать документы.

В двадцать Барт стал владельцем лавки, а его бывший хозяин болтался в петле за растление. Парень понимал, что без связей бывшего хозяина его быстро сожрут, продал дело и пустился в бега. Его словили спустя два дня. Хоть не убили. Дальше много чего было. Помощник капитана на пиратском судне, работоторговля, контрабанда артефактов... Барт везде учился, что позволило ему скопить немаленькую сумму для обычного человека.

— Капитан? — Барт трижды постучал в дверь.

— Войди, — раздался мелодичный голос.

Палач видел в своей жизни много жуткого дерьма. Щупальца гигантского кракена толщиной с вековое дерево, промелькнувшие под их пиратской шхуной; кровавые ритуалы островных шаманов, принадлежащие им бесчисленные деревянные клетки с рабами, уходящие к небесам; силуэт пустынного демона, за ночь сожравшего лагерь их конкурентов-работоторговцев; плавающие железные гробы с живыми мертвецами в Соленом озере. Много дерьма... И капитан занимал верхушку пирамиды.

Барт зашел и встал у стенки, как нашкодивший ученик. Над широким простым столом склонилась девушка с кудрявыми голубовато-белыми волосами. Ее тонкие пальцы скользили над торговой картой, передвигая разноцветные фишки. Синий мундир свободно болтался на хрупких плечах, но форменные штаны едва не лопались от непомерно мощных бедер и икр.

— Святая мертва? — капитан подняла льдистые безразличные глаза.

— После укуса Небесной гадюки не выжить, — уклончиво ответил Барт, до усрачки боявшийся дать твердый ответ. — Если рядом не окажется целителя. Вдобавок, там остался тот заключенный, каннибал, если вы помните. Через полчаса их обнаружат.

— Крис Савой, — капитан подошла к угловому столу и взяла в руки черную фишку.

— Ваша память поражает, — Барт отвесил учтивый поклон.

— Плохой розыгрыш, Бартоломью, — капитан исковеркала имя палача на свой манер, но он скорее сожрал бы свой язык, чем поправил ее. — Но Магнолия была плохой картой. Ее покровители были недовольны, скоро пришлют другую жрицу. Крис же темная лошадка.

Почему он?

— Случайность, — прохрипел палач, покрываясь потом. Его глаза впились в рукоять шпаги, висевшей на поясе девушки.

— Тот забытый старик тоже случайность? — девушка поправила локон, скользнувший на лоб. — Пришел отчет по нему. Бывший воин из Черных теней. Помнишь, был такой отряд в Стране тростника? Ценная карта.

— Я исправлюсь, — склонил голову мужчина. С его лба закапал пот. — Я заметил в поведении святой странность, капитан. Она предложила сделку на победу своего подопытного в чемпионате. Может прорыв в исследованиях?

— Не дури, не дури, не дури, — капитан быстро замотала головой, будто ее лицо облепила туча насекомых. — Проклятая болезнь... Лучше выберем будущего чемпиона турнира. Кого предложишь?

— Хм, однозначно зверь из Падмы! — оживился Барт. — А еще можно устроить шоу с подставным побегом. Представьте, как это чудовище рвет сразу десяток стражей! Все равно это отребье больше ни на что не годится.

Поглощенный пищей, я упустил момент, когда Магнолия рухнула на пол. Повернулся, а бледная, как мел женщина, уже лежит, широко раскинув руки. Барт, тварь! Я швырнул в стену тонкую полоску стали, незаметно переданную палачом.

На белой коже Магнолии начали проступать красные пятна — мелкие капилляры начали лопаться. Боюсь, представить, что там внутри творится. Если святая здесь подохнет, то ее смерть повесят на меня. Кровь стучала в висках, перед глазами проплывали разноцветные искры. Пришлось на время зажмуриться и сосредоточить внимание на одной мысли — мне задница, если не придумаю выход. Я застонал, прижав руки к голове.

Скальпель! Не церемонясь, резко провел по животу женщины, но острое лезвие оставило лишь тонкий красный след, не прорезав кожу. Скальпель тоже полетел в стену. Мне нужен близкий контакт, чтобы помочь ей. Точно!

Я с треском порвал платье, открывая лобок жрицы, покрытый треугольником рыжих волос. Плюнув на пальцы, попробовал ввести их во влагалище, но уперся в упругую преграду. Девственница!?! Пришлось сместиться ниже, проникнув в дырочку, у приличных девушек не предназначенную для сношения. Пальцы вошли легко, но святая глухо застонала.

— Ты охуел? — тихонько прошептала она. На большее ее сил не хватило.

Пальцы плотно сжали горячие стенки, но я протолкнул их еще глубже и сконцентрировался. Скользить внутренним взором по жрице оказалось чудовищно сложно. Поток бурлящей плотной золотой воды подхватывали меня, как щепку, швыряя во все стороны и сжигая направленную энергию. Но понемногу ее странная кай успокаивалась, что означало близкое наступление смерти.

— Драконьи яйца! — в сознании всплыло странное ругательство. Я прикусил указательный палец на левой руке и ногтем процарапал губу девушки, смешивая нашу кровь.

Оперируя энергией сразу из двух точек, я грубо вмешался в процессы организма. Судя по скорости действия яда, Магнолия вообще не жилец. Я остановил слабое биение сердца, не давая крови разносить отраву. Хорошо, что золотая дрянь в ее венах гораздо гуще и плотнее, чем обычная кровь. Теперь надо выцепить циркулирующий яд. Место проникновения я нашел — змеиный укус на левом предплечье.

На время убрав руку от лица жрицы, я перехватил ее кисть и вгрызся в плотную, как

молодое дерево, кожу. Ее кай перестала защищать внешние покровы, но мне с огромным трудом удалось оторвать клочок мяса.

Некоторая часть дрянь успела впитаться со слюной и через пару минут я почувствовал слабость и головокружение. Но очистка шла. Я будто ловил крохотных черных рыбок в золотом ручье. Более быстрого способа не существовало, только кропотливая, но в то же время невероятно быстрая работа. Сознание вошло в поток, все точнее и глубже настраиваясь на работу. В какой-то момент пришло озарение, сходное с тем, что возникло при взаимодействии с водной пушкой.

— Чтоб мне сдохнуть, — я повалился на жрицу. Слабое биение энергии запустило ее сердце.

Все. Предельное истощение. Дали бы мне возможность насытиться чистой маной, я бы и шагу не сделал, настолько меня вымотало лечение жрицы. Та слабо мазнула ладонью по моей голове, пытаясь сбросить. Лбом я уперся в восхитительно мягкое снование ее пышной груди. От жрицы слабо пахло потом. Магнолия пришла в себе очень быстро. Она привстала и пальцы выскользнули из ее задницы. Я стек на прохладный пол.

— Ты покойник, — прошипела она, подбирая остатки платья.

— Помолчи, женщина, — звук ее голоса неприятно дребезжал в гудящей голове. — Я тебе жизнь спас.

— Это был твой долг, — высокомерно заявила Магнолия.

— Ты реально такая сука? — спокойно спросил я склонившуюся с ножом для бумаги женщину.

— Еще хуже, чем ты думаешь, — ухмыльнулась она.

Лезвие не успело коснуться моей кожи, как девушка отшатнулась, хватаясь за сердце. Недавно порозовевшая кожа снова вернулась к мертвенно-бледному оттенку. Озарение пришлось очень кстати. Я не вспомнил новое заклинание, бесполезное в этом мире, зато освоил хитрый трюк.

— Я украд твоё сердце, — у меня вышло отличное мерзкое хихиканье.

На деле все было не так поэтично. Небольшой клочок моей плоти обосновался в сердце Магнолии, частично захватит контроль над нервами. Когда мы находимся достаточно близко, хотя желателен тесный контакт, я могу сбивать ей сердцебиение. Максимальное расстояние полшага.

— Что ты сделал!?! — жрица в ярости ударила ногой, разбивая его в щепки.

— Закрой пасть, неблагодарная дрянь, — я с трудом встал и покачиваясь, подошел к замершей жрице. Мои пальцы грубо впились в мягкую грудь девушки. — Умру я, сдохнешь и ты, уяснила?

Блеф я подкрепил жутким взглядом и сильным импульсом. Судя по слезам, скользнувшим из-под вуали, Магнолия все уяснила. Оттолкнув ее, уселся в кресло и отпил из бокала вина.

— Иди сюда, — я поманил Магнолия. — Наклонись. Еще ближе.

У меня было тело подростка. И оно диктовала условия, которые я находил забавными. Я сдвинул тонкую шлейку платья, освобождая тяжелую грудь. Следующим движением сжал между пальцев сосок яростно выдохнувшей жрицы. В голове застучало от волнения, а повязка на мое паху оттопырилась.

— Покажи лицо, — потребовал я.

Жрица издала смешок и приподняла вуаль. Я грустно вздохнул и отпустил мягкую

грудь, лежавшую в левой руке. Лицо Магнолии пересекала золотая черта, деля его на две половины: гладкий и нежный девичий подбородок и розовые спелые губы перетекали в аккуратный носик, но кожа вокруг глаз изрезана глубокими морщинами и цветом похожа на гнилую грушу, лоб же покрыт пигментными пятнами и шишками.

— Ты потрогай, — осклабилась она, соблазнительно приподнимая груди.

— Отцепись, старая целка, — я с отвращением поморщился. — Лучше скажи, что теперь делать?

Но отвечать не пришлось. В дверь с грохотом забарабанили, а потом не церемонясь снесли с петель. В комнату влетели стражи с винтовками, но увиденная ими картина настолько шокировала вояк, что они застыли. Им в спины влетели товарищи, кто-то пополз через нагромождение тел, да так и замирал от удивления на хребтах соратников.

Я сижу в кресле, аристократически болтая вино в бокале, а Магнолия прикрывает руками обнаженную грудь и лобок.

— Простите, святая, — глухо сказал командир, заваленный телами подчиненных. — Вышло недоразумение.

Тая прижала Габса к груди, высокими прыжками преодолевая разваленные заборы, обвалившееся дома и пристройки. Ее новое тело демонстрировало чудеса силы и ловкости. Зря она тогда сорвалась на Криса. Просто все было так непривычно. Будто в груди застыл колючий осколок льда вместо живого трепещущего сердца. А еще постоянный голод. Он преследовал будто назойливое насекомое, доводящее своим жужжанием до бешенства.

Когда девушка вернулась после небольшой прогулки, успокоившись и решив извиниться перед парнями, то увидела, как их забирает отряд стражи. Первой мыслью было рвануть на помощь, но отец часто рассказывал ей о мощи огнестрельного оружия. Пистолет значительно уравнивает шансы обычного человека и одаренного. Пришлось схватить кота и дать деру.

— Она там! — слева раздался рев мотора и крик.

Луч фонаря пробил серые предрассветные сумерки, мазнув по девушке. Страж резко остановился и открыл огонь, уперев винтовку на рулевое зеркало мотоцикла. Пули вспахали землю, выбили крошку из кирпича и перебили несколько сухих веток. Тая скрылась за углом здания.

Девушка судорожно дышала. По привычке ей казалось, будто стремительный бег выжиг кислород в легких. Стражи вели ее от завода. Габс, как назло, разорался, выдав ее. Пуля в бедре несколько не мешала двигаться, но кольцо сжималось — ревели машины, голоса становились все ближе, а вибрация от шагов проникала через ботинки. Бежать, сваливать как можно быстрее!

Впереди затих мотор. Девушка задержала дыхание, чтобы сильнее сосредоточиться на звуках. Хрустнула ветка. В семи метрах левее, за старым колодцем! Тая сделала мощный прыжок, проламывая плечом гнилое дощатое перекрытие. Доски посыпались на стража, нашедшего место для укрытия на пути девушки. Винтовка в руках струхнувшего бойца дернулась, посылая очередь в верхушку засохшей яблони.

— С дороги! — рявкнула Тая.

Свободной рукой она ударила по шее противника. Когти прорезали черную униформу и разрубили гортань. От удара стража закрутило, и прыскающая кровь покрыла лицо девушки мелкими каплями. Помимо воли она слизала языком горячие рубиновые брызги.

Тая рванула прочь от убитого, но спустя пару шагов замедлилась и обернулась. Странное чувство в глубине живота тянуло ее к труп. Будто ее привязали к нему резиновыми лентами, чем дальше она отходила, тем большее ее тянуло к мертвецу. Это ее законная добыча!

Впившийся в ее руку Габс отрезвил девушку. Боли она почти не чувствовала, но животный страх кота, всеми силами пытавшегося выбраться из рук, пугал до тошноты. Тая почувствовала себя мерзким чудовищем. Но сейчас вместо гнева девушка почувствовала отчаяние.

Крепче сжав шипящего питомца, она преодолела последний участки с домишками, петляя, как пустынный заяц. Одна из пуль зацепила плечо, но Тая лишь слегка покачнулась. Такие раны ей теперь не страшны.

Впереди начиналась полоса открытого пространства с сыпучим песком и ползучими растениями, цепляющимися за ноги. Пологие холмы не могли закрыть ее от все более

точных выстрелов стражей. Натужно заревели моторы — два мотоцикла и небольшая машина с открытым верхом пустились в погоню, пробуксовывая и вихляя. Но техника постепенно нагоняла беглянку.

— Заходи слева! — приложил руку ко рту один из стражей, пытаясь перекричать поднявшийся ветер.

Винтовки легли на приваренные к борту гнезда. Стражи выцеливали силуэт девушки, двигавшейся резкими зигзагами.

— Попал!

— Есть попадание!

— Цель обездвижена! — отрапортовал боец, метким выстрелом перебивший девушке колено. — Вот же тварь!

Тая не остановилась после ранения, прыгая на одной ноге. Секунда и она ласточкой ныряет в черный провал дома на границе заброшенного города. Два мотоцикла опаздывают всего на мгновение — они разворачиваются боком, поднимая волну песка, и ездоки посылают в проход длинные очереди. Догнавшая их машина не справляется с крутым поворотом и заваливается на правый борт. Колеса буксуют, зарываясь в песок, водитель вцепился в руль до упора нажав педаль газа.

— Бля! — успевает выкрикнуть он и машина переворачивается.

Находящиеся на борту стражи успевают ловко выпрыгнуть, только один приземлился на прятанный в песке обломок. Его голень выгибается, и парень падает на колено, громко визжа.

— Ебало завали! — цыкает старший, укрывшийся за перевернувшимся автомобилем.

— Что с Лю? — к ним подбегает один из мотоциклистов.

— Отъездил свое, — командир открыл заслонку шлема, показывая смуглое, почти черное лицо и аккуратную седую бородку.

— Да жив я! — пропыхтел водитель, пытаясь снять смявшийся от удара шлем. — Драконьи яйца, застрял! Подсобите, парни.

— Еще раз оскорбишь Отца-дракона, я тебе язык вырежу, — один из стражей вышел вперед, но старший придержал его за плечо. — Я его предупреждал уже!

— Всем рассредоточиться, — махнул рукой командир и бойцы тут же заткнулись. Взяв автоматы наизготовку, они начали обходить здание широким кругом.

Первый вбежавший в здание страж умер мгновенно — полутораметровый штырь удачно вошел в сочленение брони, перебивая позвоночник. Влетевший следом командир взял в прицел скользнувшую вдоль стены фигуру и нажал на пуск, выдавая непрерывную очередь. Если бы кто-то смог в этот момент заглянуть под черное забрала его шлема, то увидел, как левый глаз мужчины ярко светит зеленым. Страж видел в полумраке так же ясно, как и днем, а быстрые движения цели замедлились почти до полной остановки. Вся обойма вошла в цель. Девушка споткнулась и упала.

— Куда, блять! — рявкнул старший, когда двое из бойцов, подбежали к распластавшемуся телу. Интуиция опытного воина кричала, что здесь что-то нечисто. Тишину прорезало мяуканье.

Бойцы вскинули винтовки. Один так испугался, что отпрыгнул назад и плюхнулся на задницу. Второй громко заржал. Опростоволосившийся страж поднял за шкуру животное, яростно шипевшее и махавшее обрубками лап. Размахнувшись, он швырнул кота в стену.

— Месяц дежурств в отстойнике за порочащее честь стража поведение, — спокойно

сказал командир.

— Старший, ты чего? — вскинулся боец, но тотчас почувствовав настроение капитана, что-то буркнул и пошел к выходу.

Подождали обходившие здание стражи и выстроились вокруг убитой девушки. Все с удивлением смотрели на вяло сочащуюся из ран черную жидкость. Также их удивили острые зубы, выглядывающие из приоткрытого рта. Кто-то с сожалением посмотрел на подрагивающее тело кота.

— Командир, рация! — вбежал водитель с подранным лицом и наполовину снятым шлемом. В его руке лежал большой черный прямоугольник с антенной, издававший адское шипение.

— На связи.

— Кэп, тут что-то неладное творится с нашим убитым, — чтобы что-то расслышать сквозь помехи требовались годы тренировок. Старший поморщился и вжал динамик прямо в ухо. — Медик диагностировал смерть, но он ожил, сука!

— Вы там нажрались?

— Клянусь честью стража! — раздался возмущенный голос. — Глотка к чертям расхреначена, дыхание нет, пульса нет! Он как с носилок встал, тут все чуть штаны не обосрали. Еле удержали, силы в нем, как в одаренном.

— Разберемся, — командир отдал рацию и знаком руки приказал всем замолчать. — Спина к спине, максимальная готовность,

Никто не стал задавать вопросов. Бойцы встали в построение и ощерились винтовками. Интуиция старшего буквально ревела, выгоняя бешеные порции адреналина в кровь. Остальным передался настрой. Каждому шороху уделялось пристальное внимание.

Мотоциклисты оседлали свои аппараты, но моторы не заводили. Старший взял рацию и нажал кнопку связи. Сквозь треск и шипение доносились обрывки слов, перемежаемые непонятными щелчками. Не работает, сука.

— «Продолжаем движением» — командир сжал кулак и быстро распрямил пальцы. Мотоциклы унеслись первыми.

Заброшенный город. Командир кое-что знал об этом месте. Давным-давно, когда он был еще ребенком, то приезжал погостить к своему кузену. Взрослые запрещали им сюда лазить. Но дети есть дети. Они собирались большими группами и исследовали покинутые здания. Часто удавалось находить что-то ценное.

Забытые воспоминания накатили в самый неподходящий момент, добавляя к тревоге чувство неясного, потустороннего страха. Тогда им удалось найти по-настоящему ценную добычу — десятки уцелевших артрийских генераторов. За такие вещи платили круглую сумму, ее бы хватило, чтобы обеспечить образование всем нашедшим. Но технику надо сначала достать — пролезть через узкий вентиляционный проход.

Командир не помнил лица смельчака, нашедшего генераторы, а потом и вызвавшегося достать их. Остальных ребят до жути пугал темный зал. Но техника лежала у самой стены. Чтобы не возникло вопросов и обид, решили лазить по очереди. Самый храбрый полез первый и вернулся с ценной находкой, широко улыбаясь. Двух передних зубов у него не было.

Было так страшно, что один из парней обмочил штаны. Но все обошлось. Все стояли, держа в руках новенькие, неиспользованные генераторы. Кто-то предложил раскурить украденную у отца самокрутку. Подвал наполнился кашлем и тонким детским смехом.

Какой-то пацан сказал, что видел у дальней стены целый поддон таких же генераторов. Решили лезть во второй раз.

Первым вызвался тот самый беззубый смельчак. Он ловко забрался в проход и исчез там, насвистывая песенку. И не вернулся. Они прождали две минуты, а затем кто-то бросился бежать. Все побросали генераторы и ломанулись на выход. Всыпали до кровавых полос на заднице. Взрослые ходили искать того парня, но никого не нашли. Техника осталась лежать там, где бросили. С ее продажи командиру и удалось поступить в военную академию.

— Бля, старшой, очнись! — командира толкнули в плечо.

Мертвую тишину города прорезали выстрелы винтовок, эхом разлетавшиеся по пустынным улицам. Вдоль стен бежали крупные, размером с теленка, твари, напоминавшие облезлых собак. Под голой красноватой кожей перекачивались крепкие мышцы, а удлинённые, волчьи челюсти, изобиловали длинными треугольными зубами.

Мотоциклисты попытались прорваться, выжимая всю скорость, но псы шли широкой цепью и со стороны холмов. Резкий разворот и ездки несутся обратно.

Передняя тройка присела на колено, открывая шквальный огонь, пока остальные укрывались в одном из зданий. Уродливые псы двигались гораздо быстрее обычного человека, но не быстрее пули. Самые шустрые особи уже дергали лапами в лужах собственной крови. Но осталось еще больше двух десятков.

— Пустой! — прикрывавший отход боец залетел в комнату.

Командир бросил ему последнюю из запасных обойм. Когда Артрия рухнула, пули стали цениться на вес золота. Когда первый пес ворвался в помещение, патроны остались только у троих. Монстра разорвала слаженная очередь, но следующий успел прорваться и вцепиться в стража. Твари хватило сил, чтобы оторвать человека от земли. Меткий выстрел в глаз мгновенно убил ее, но стальные челюсти не разжались.

— «Тихо» — поднял два пальца старший.

Он ожидал, что сейчас сюда ворвется вся стая, но атака неожиданно прекратилась. Хотя твари остались неподалеку. Он слышал порывание и тяжелое дыхание. Действуя по отлаженной схеме, бойцы распредели оставшиеся боеприпасы. У каждого по четыре патрона. Только застрелиться. Двое пошли на разведку к заднему входу.

— Эй, смотрите, — страж указал на острое ухо твари, в мясистом основании которого поблескивала сережка.

— И татуха у него, — другой указал на мутный расплывшийся узор на загривке.

Раненый, зажатый в зубах глухо застонал. Между посиневших губ показалась пузырящаяся кровь. Пробито легкое. Но сейчас умирающий товарищ отошел на второй план. Стало слышно, как у кого-то стучат зубы. Звук пробивался даже через плотный шлем.

— Сектанты, — водитель упал на колени. — Храни нас Отец-дракон, дай нам свои силы, чтобы сохранить свои души...

Время шло. Ужасных псов не было слышно. Два бойца, отправившихся на разведку, так и не вернулись. Все что удалось найти это крохотное пятнышко крови и странные трехпалые следы, похожие на отпечаток лапы гигантской птицы.

— Попробуете прорваться? — командир подошел к мотоциклистам, старавшимися держаться рядом со своими железными друзьями. — Надо доложить о появлении сектантов.

— Быстрые суки, даже с минутной форой не прорвемся.

— Ясно, — кивнул командир. — Уходим все. Кто-то любой ценой должен выбраться. Мы вас прикроем.

— Подыхать так подыхать, — водитель нахлобучил шлем обратно и достал пачку сигарет. — Угощайтесь, парни. С жучиным дерьмом. Ногу оторвет и не почувствуете.

Отряд вышел из здания. Самая крохотная надежда, что до сих пор теплилась в их сердцах, погасла. Их окружили. Псы осторожно выглядывали из-за угла улицы, а пустошь опоясывала настоящая орда тварей — больше сотни особей. Среди монстров можно было различить человеческие силуэты, но стоило присмотреться, как становились видны уродливые бугристые черепа, покрытые пятнами шерсти или волос, острые собачьи уши и вытянутые морды. На плече одного из уродцев висела Тая.

— Приоритетный огонь по слугам сектанта, — капитан поднял щиток, чтобы лучше прицелиться. Его глаз замерцал зеленым.

Командир словил в прицел долговязую фигуру в плаще с капюшон. Несмотря на высокий рост, сектант имел солидный размах плеч. По такому не промажешь. Старший задержал дыхание и выстрелил. Расстояние сто метров. Сектант наклонился в последний момент — его спина выгнулась параллельно земле, и пуля просвистела сверху. Выпрямившись, он одобрительно показал большой палец.

Стая сорвалась в атаку. После жучиной сигареты все были спокойны. Каждая пуля нашла свою жертву. Мотоциклы зарычали и разогнавшись, на полном ходу врезались в лавину живой плоти, расшибив парочку тварей и одного двуногого. Даже когда упавших парней жрали живьем, они стоически молчали.

Стражи достали длинные прямые ножи. Горячий воздух остро пах кровью и горючим из баков мотоциклов. Слитное рычание пронеслось по рядам псов, живыми копьями прыгнувшими на кучку людей, стоявших на расстоянии вытянутой руки.

Одному сходу откусили голову. Особенно крупная тварь вырвала ее из туловища вместе с куском хребта и сразу же проглотила. Ни один из стражей не смог сладить с монстрами в ближнем бою. Их порвали на куски за считанные секунды. Остался только командир.

Он быстро сделал несколько шагов назад. Ноги солдата будто размылись в воздухе, унося его подальше от острых клыков. Летевший в него пес пузом ударился об песок и забил лабами, разбрызгивая кровь из разошедшейся глотки. Второй пес схватил зубами винтовку, но получив молниеносный удар кинжалом в ухо, упал замертво.

Командир выскользнул из щелкающих пастей в последний момент, юркая между тушами, пытающимися навалиться скопом. Пот застил глаза стража, и он сорвал шлем, отправляя его прямо в голову двуногого уродца, стоявшего вдали от бойни. Его опрокинуло от удара, но тварь выжила, очумело мотая башкой.

Страж исчерпал доступную кай и глаз потух. Ему только и оставалось, что бешено размахивать ножом, полосую мерзкие морды. Собаки боялись его. Несмотря на численное превосходство, они переминались на месте, делая осторожные выпады. Долго так продолжать не могло. Командир устал. Хитрый пес, внимательно следивший за движениями человека, подгадал момент и прыгнул за уходящей после удара рукой. Раздался хруст кости.

— Сдохни! — заорал капитан.

Его левый кулак врезался в череп твари, проламывая его. Но сдохший пес вцепился мертвой хваткой, а весил он немало. Сразу три осмелевших твари пошли в атаку. Страж закрыл глаза, моля, чтобы его смерть оказалась быстрой.

По пустоши пронесся оглушительный свист. Он был такой силы, что проникал в уши острой иглой, углубляясь в мозг. Его мощь нарастала, парализуя волю, стирая мысли и отбирая контроль над телом. Свист проникал в самую душу, разнося ее на множество

вопящих от страха клочков.

— Открой глаза, — потребовал о командира мягкий голос.

Сектант. Он стоял прямо перед стражем. Тот не мог поверить своим глазам. Холеное, аристократическое лицо, обрамленное золотистыми кудрями, смотрело на него с улыбкой матери, увидевшей ребенка после долгой разлуки.

— Пойдем со мной, — сектант протянул руку.

— Пошел нахуй, — сплюнул страж.

— Какой злой песик, — залиvisto рассмеялся сектант. — Из тебя выйдет отличная гончая. Даже менять ничего не надо, слегка удлиним лапы и хватит. И лишние части отрежем, разумеется. В убежище его, вместе с той мертвой-немертвой девчонкой. И кота не забудьте. Малыш заслужил новое тело.

Господа, маленькое объявление. Книга дописана, обновления будут через день. Очень надеюсь на вашу поддержку. Если наберем 250 лайков, вас ждет небольшой, но горячий сюрприз)

С Магнолией мы попрощались под пожирающие взгляды стражей, в глазах которых буквально горел вопрос — что здесь происходит!? Жрица быстро пришла в себя и велела всем выметаться. Чтобы закрепить урок, я на прощание легонько коснулся ее раненого предплечья. Судя по сжавшимся кулакам, остановка сердца пошла на пользу.

Я шел в приподнятом настроении в окружении десятка стражей, хранивших почтительное молчание. Только у самого входа в темницу кто-то спросил:

— Если ты ее трахнул, малой, то с меня причитается.

Ничего не отвечая, я зашел в тюремный зал. Никто не удостоил меня даже быстрым взглядом. Не гордый, перебыюсь.

— Крис! — слишком радостно вскрикнула Эстер, бросаясь навстречу.

А вот сейчас я спиной почувствовал нарастающее внимание. Кому-то явно не понравилось, что меня поприветствовала девушка. Я резко обернулся. Эстер влетела в меня, крепко сжав в объятьях. Девушка с ежиком синих волос пыталась пришить меня взглядом, ее сердито нахмуренные брови стали чуть ли не вертикально. Ух, сколько злобы.

— Не смотри туда, — Эстер увлекла меня к нашим.

Никола баюкала Кела, уснувшего у нее на коленях, а старик задумчиво вертел в руках камешек. Заметив меня, он буркнул:

— С каждым разом ты выглядишь все паршивее.

— Что насчет турнира? — в лоб спросил я.

— Загребли, значит, — вздохнул Варлам. — Не представляю, как они проворачивают такое при нынешнем правительстве. Но чем крупнее взятка, тем больше возможностей. Скажу так, малой, шансов у нас с тобой почти нет. Гляди.

Старик обвел рукой зал и шепотом подозвал меня сесть поближе. Рядом тут е пристроилась Эстер, усадив свою мягкую задницу мне на ногу. Шикнув, я согнал девушку на пол.

— Та тройка разматает нас без шансов, — Варлам кивнул на компанию синеволоски. — Как я смеаю, они из клановой прислуги. Вроде попались на незаконном сбыте печатей, а клан из бросил. Те три мужика бывшие военные...

Варлам по очереди рассказал про каждого из заключенных, примерно описывая их навыки и силу. Без внимания осталось только двое. Смазливый парень в потрепанной рубаше с кружевным воротником — старик только отметил, что он не двигается уже третий день. И собака. Тут было нечего сказать по понятным причинам.

— Мне надо стать сильнее, — я твердо посмотрел на поморщившегося старика. — Как быстро развить умение?

— Пацан, под быстро ты же имеешь в виду десять лет? — ухмыльнулся мужчина. — Иначе ты просишь от меня чуда.

— Ты десять лет потратил, чтобы научиться бросать камни? — парировал я.

Варлам поместил камешек на подушечку большого пальца и ударил указательным, словно пробивая щелбан. Снаряд просвистел мимо моего уха и ударился в потолок, оставив небольшую вмятину.

— Сорок лет учился бросать, — с улыбкой поправил меня старик. — И не только камни. Полагая, ты от меня не отстанешь. Сосредоточься и выбери умение, в котором ты

хорош, на порядок лучше остальных. Относительно боевое разумеется.

Я задумался. Потом впал в отрешенное сосредоточение. Далее погрузился в самые дебри личной памяти, отслеживая свои умения с самого раннего возраста. В магии, бесспорно, гениален. В практическом владении телом дела обстояли куда хуже. Сколько я не силился, так и не смог отыскать что-то более-менее подходящее.

— Нечем срать не мучай жопу, — дал совет Варлам, растолкав меня во время позднего ужина.

Срать я хотел, потому пошел в дальний «мужской угол», где стояло ведро. Справив нужду, снова погрузился в размышления. Все давно легли спать. Когда мышцы затекли, встал на небольшую прогулку, меряя темницу тихими шагами. Почти все узники спали чутко. Когда меня во второй раз пообещали придушить, я вновь уселся в позу для концентрации.

— Блять, да нихера я не умею, — я подытожил во время обеда.

— Тогда удар открытой ладонью, — пожал плечами Варлам. — Самое простое для бездаря. Лет за двадцать управишься.

— Или в задницу, — я был не в настроении слушать его колкости.

Но пришлось воспользоваться идеей старика. В боевых искусствах я болтался на среднем уровне, но стоило взять в руки что-то длиннее кинжала, то сноровка сразу терялась. Хотя обычного одаренного порежу на лоскуты благодаря опыту.

Но развивать умение обычной оплеухи? Я же не охранником иду наниматься в бар.

— Может вот так? — я нанес удар костяшками пальцев, потом кулаком, указательным пальцем, ребром и наконец открытой ладонью. Последний вариант больше всего пришелся по вкусу. — Решено! Что дальше?

— Дальше самое сложное, — сказал Варлам. — Нужно достичь идеала. Мир сам подскажет тому, кто стремится постичь суть вещей.

— Очень интересно, — с сарказмом сказал я.

Встав в стойку, я несколько десятков раз ударил раскрытой. И почувствовал себя совершенно по-дурацки. Будто я не только не приближаюсь к цели, а отдаюсь от нее семимильными шагами. Похожие ощущения я испытывал в юности, когда мастер по оружию выдал мне боевой цеп. Мне довелось орудовать им несколько часов, прежде чем меня выгнали с тренировочной площадки.

— Мир не подсказывает, — я сел на пол и тихо застонал. — Как же не хватает магии...

— Мой муж был сильным воином, — ладонь подошедшей Николы успокаивающе легла мне на волосы. — Я не особо разбираюсь в таком, но кое-чему довелось научиться. Это не боевое умение, к сожалению, но может помочь тебе понять куда двигаться. Сядь поудобнее.

Руки женщины начали медленно скользить по моему телу. Пальцы иногда останавливались на отдельных мышцах, легко сжимая их. Тепло. Оно растекалось от кожи Николы, через кожу передавая мне ощущение спокойствия и умиротворения. Это не просто движение, не просто физическое действие! От озарения по телу прошли мурашки. Никола наполняет его, обогащает, выводя на новый уровень.

— Фахи ла таэре, — от удовольствия я проурчал парочку слов на родном языке.

— Вижу ты уловил суть, — женщина растрепала мне волосы и встала.

— Крис Савой, Ленни Марш, Си Лунь Цзы, Тай Лань, на выход! — прокричал вошедший страж.

Дерьмо. Похоже, что придется учиться прямо в бою. В дверях мы столкнулись плечами с синеволосой. Точнее, та нарочно двинула плечом, врезаясь в меня. Ее предвкушающая

улыбка сияла на грубоватом лице, обещая мне не просто избиение, а тотальное уничтожение. Ну что я сделал этой маньячке?

На выходе нам все нацепили на голову тканевые мешки, воняющие старым сеном и мышами.

В раздевалке, куда нас привели пахло потом, кровью и обеззараживающим средством. Вдоль стен стояли железные шкафчики, в некоторых лежали грязные обноски, перчатки, пожелтевшие бинты и просто мусор. На потолке моргала грязная лампочка, дававшая неприятный белый свет. Я заметил отрубленный почерневший палец в большом деревянном ящике возле выхода.

— Руки, — рявкнул страж.

На запястья и лодыжки нацепили тяжелые железные наручи, соединенные цепью. Передвигаться приходилось сгорбившись и мелкими шажками. Мы вышли в длинный коридор, сплошь покрытый пятнами крови. Стражи разделили нас — меня с одним мужчиной повели направо, синеволоску со вторым подтолкнули прямо. Краем глаза я успел заметить за их дверью круглую арену с высокими металлическими бортиками, над которыми мерцала полупрозрачная синеватая пленка.

— Тебе сюда, — меня грубо втокнули в боковую дверь.

— Оставьте нас, — меня встретила Магнолия и взмахом руки велела стражу выметаться. Тот потоптался на месте, но не решившись возразить, вышел из комнаты.

— Сними свое чертово проклятье! — вместо приветствие руки девушки больно вцепились мне в плечи. — Ты же сдохнешь на арене!

— Вполне возможно, — я здраво оценивал силы соперников. — Поэтому думай, ведьма!

Я послал импульс к сердцу жрицы и оттолкнул ее. Положение не самое хорошее. Шансов победить у меня немного, учитывая навыки и силу соперников. Магнолия сдавленно прошипела и протянула мне граненый флакон с рубиновой жидкостью. Даже через толстое стекло от жидкости смердело болью и смертью.

— Эссенция жизни, — пояснила она. — На него ушло шесть человек. Выпей.

Я откупорил флакон и залпом выпил густую, сладкую жидкость. Эссенция содержала в себе огромное количество кай, живительным потоком побежавшую по моему измученному телу. По качеству оно намного превосходило травяную пилюлю, что мне когда-то принесла Тая.

— Сколько у меня есть времени? — я сдавленно прошептал, боясь потерять контроль.

— Клановая быстро размажет вояку, — пожалала плечами магнолия. — Минут десять не больше.

Укрепить тело не получится за такой короткий срок, поэтому я распределил кай по всему телу, насытив мышцы и кости. Абсолютно бездарная растрата такого ценного препарата. Но я на время стал сильнее и быстрее.

— У тебя есть еще такие? — мой голос буквально сочился жадностью.

— Чтобы его сделать, мне пришлось спрессовать шесть живых людей в куб величиной с твою голову, ты думаешь это так просто? — жрица отвела взгляд. — Если кто-то узнает, меня ждет судьба похуже смерти.

— Жду эссенцию после боя, — я сделал вывод, что некий запас все же имеется. — Не забывай, жрица, что твоя жизнь зависит от моей.

— Святая, время, — за дверью раздался жалобный голос стражника.

Свет огромных прожекторов висевших на потолке арене заставил меня зажмуриться. Я

макушкой чувствовал тепло, исходящее от сияющих белых линз. К сожалению, от них исходило ничтожно мало магии. Двое стражей тащили мертвое тело, похожее на освежеванную грудку мяса. Мне не удалось рассмотреть всего, но с него будто срезали тонкие ломтики плоти.

Прищурившись, я оглядел два десятка зрителей, сидевших в удобных креслах, обитых красной тканью. Возле каждого стоял столик с несколькими бутылками. Лица присутствующих закрывали цветные маски животных. Красная лиса подняла руку, приветствуя меня. Черт, физиономию не разглядеть, но я похоже знаю его. Страж, что словил меня и отпустил.

Синеволооска потягивала вино в компании трех котов. Ее окровавленные руки запачкали белые салфетки. Девушка заметила меня и кровожадно улыбнувшись, отсалютовала бокалом.

Защитная пленка мигнула и стала непрозрачной. Вот от нее расходилась густая волна маны, но ее трогать слишком опасно. Я только потянулся к энергии, как внутри стального бортика что-то опасно затрещало. Явно стоит сильная защитная конструкция.

— Все будет быстро, малец, — пообещал мужчина стоявший на противоположной стороне площадки.

На две головы выше меня, широкоплечий, с крупными руками и взглядом бывалого убийцы. Я бы такого стороной обошел.

— Господа! — я услышал голос Барта. — Попрошу минутку внимания. Сейчас состоится последний бой на сегодня, но он определенно станет достойным завершением дня. Насильник и убийца Альбус Блэк против обезумевшего людоеда Криса Савоя. Прошу не обманываться его внешностью. Этот мальчишка расчленил и съел, как минимум десятерых людей. Даже находясь под строгим надзором, он умудрился убить двух надзирателей и полакомиться их печенью. Прошу делать ставки, господа.

Послышались презрительные выкрики. На арену упал брошенный кем-то бокал и обглоданная куриная ножка. Хм, значит защита действует только с внутренней стороны.

— Похоже, что вы недооцениваете этого парнишку, — с притворным вздохом сказал Барт. — Дело ваше, но лично я поставлю на него три миллиона из личных сбережений. Коэффициент один к семи, нужно ловить удачу за яйцу! Теперь, насчет оружия. Полагаю, что кинжалов будет достаточно.

Возле моих ног упал прямой короткий кинжал с затупленным лезвием и обломанным кончиком. Альбусу достался экземпляр попроще — изогнутый нож с широким лезвием, опасно поблескивающий превосходной заточкой. Тот, кто распределял оружие, явно не питает ко мне симпатий.

— До того, как стать отъявленным мерзавцем, Альбус служил в пограничных войсках, где несколько раз отличился, заслужив три медали почета! — палач продолжил говорить. — Но за маской храброго солдата скрывался зверь. Он успел изнасиловать и убить трех юных девочек, прежде чем его обнаружили. Тогда Альбус пустился в бега и нанялся на службу к бандитам. Но его звериная сущность требовала кровь. Жертвами преступника стали еще семеро детей. Как по мне, господа, лучше честный людоед, чем грязный растлитель!

В зале послышались смешки. Я подобрал кинжал, наблюдая за противником. Он улыбнулся и показал указательный палец зрителям, ответившим свистом и залпом объедков. Нож в его пальцах прокрутился и исчез, чтобы появиться в другой руке. Вот дерьмо. Альбус направился ко мне ленивой походкой, на ходу выделявая финты.

— Они наговаривают на меня, — доверительным тоном сообщил мне мужчина. — Я

просто игрался с девочками. Ничего такого, правда. Как по мне, жрать людей гораздо хуже.

Он полоснул клинком крест-накрест, метя мне в лицо. Альбус двигался с явной неохотой, всем видом показывая, что я ему не соперник. Но за дурашливыми ударами скрывался умелый боец, сила и скорость на высоком уровне. Я отшагнул, уходя от укола. Все время в рожу метит.

— Глазенки твои раздражают. — пожаловался он. — Хочу выколоть их.

Поднырнув под удар, я попытался резануть по животу мужчины, но он быстро отпрыгнул, оставив мне на плече неглубокий порез. Откуда такая прыть!? Я даже не заметил, когда он атаковал.

— Первая кровь! — восторженно закричал Барт.

Мы снова сошлись. Лезвия ножей лязгнули, отводя удары в сторону. Противник резко ускорился, обрушиваясь град уколов. Он наступал длинными шагами, ничуть не боясь попасть под встречный удар. Я с огромным удовольствием оставил глубокий разрез между костяшками пальцев врага. Думаешь, я не знаю, что ты идешь на размен? С силой отбив выброшенную в лицо руку, я всадил нож в предплечье, вспарывая его от локтя до запястья.

— Сука! — мужчина отпрыгнул и в ярости затопал ногой.

Он не ожидал, что в моем худощавом теле найдется сила, чтобы противостоять прямому удару. Судя по размеру кулака и круглым, твердым мышцам плеча, его рука бьет сильнее молота. Капельки крови быстро застучали по бетону арены. Левая рука Альбуса так напряглась, что я смог разглядеть все вены и жилки. Он двумя пальцами постучал по раненому предплечью и сжал кулак. Кровотечение остановились. Забавный трюк.

— Теперь жалеете, что не сделали ставку на людоеда? — Разглагольствовал Барт.

Альбус криво ухмыльнулся. Его походка стала вкрадчивой, а нож он завел за спину. Противник начал обходить меня, прижимая к бортику арены, усилившему жужжание защитной пленки. Спину обдало жаром, а волосы на голове вздыбились. Мощная штука, если дотронусь, то меня прожарит до угольков.

Я метнулся влево, но мужчина рванул наперерез. Мне почти удалось вырвать перекатом, но ублюдок обладал завидно длинными ногами. Пинок в бок попал прямо в печень. Несмотря на приглушенные болевые рецепторы, я ощутил острый укол боли. Альбус не упустил момент.

Нож вонзился мне в заднюю поверхность бедра, прочерчивая рану от задницы до колена. Казалось, что лезвие чиркнуло по кости. Мужчина тут же прыгнул на меня, прижимая к полу. Попался. Во мне сейчас достаточно кай, чтобы заставить мышцы работать на полную. Плечевая кость не просто вышла из сустава, я буквально выломал себе руку и порвал связки, чтобы достать противника.

На спину и затылок брызнула горячая кровь, а затем рухнуло тяжело тело. Я выполз из-под мертвого Альбуса. Кинжал с такой силой вошел ему в горло, что рукоятка зашла под кожу.

— Твоя жертва, Белая госпожа, — прошептал я.

Лицо мертвеца дернулось, исказившись в жуткой улыбке. Подарок принят.

— Людоед победил! — восторженно заорал Барт. — Какой чудовищный прием! Я уже сомневаюсь, что мы выпустили на арену человека, а не настоящее чудовище!

Остальные зрители не разделили его восторга. Я похромал к выходу. Плечо раздулось и побагровело, с распоротого бедра текла кровь, оставляя за мной дорожку. Победа далась слишком большой ценой. Снова.

— Руки! — за дверью на меня сразу нацепили кандалы. Следом прилетела затрещина, бросившая меня на землю. — Я месячное жалованье проебал, сученьш.

От избиение меня спасла Магнолия, показавшая в коридоре. Ничего не говоря, она выстрелила золотой стрелкой, угодившей в пах согнувшемуся стражу. На его синих брюках расплылось темное пятно.

— Я чуть не поседела, когда он тебе на спину прыгнул, — прошипела жрица мне на ухо. Она легко подняла меня. — Ты хоть не сдохнешь? Есть разговор.

Сил, чтобы болтать у меня не осталось. В кабинет жрицы меня тащили два стража, пока та бурчала насчет заляпанного кровью наряда. Остатки эссенции ушли на небольшое лечение и латание сосудов. Стражи сгрузили меня на стол и ретировались.

— Драконье дерьмо! — Магнолия заметалась по кабинету, дав волю чувствам. — Я не хочу сдыхать, слышишь, мальчишка?! У меня, мать твою, матка сжалась до размеров сливы, когда он в тебя нож вогнал.

Я взялся за раненое плечо и с тошнотворным хрустом вернул его на место. От накатившей боли помутнело в глазах. Но у живого тела есть определенные преимущества — в своем старом я бы давно рассыпался от количества полученных травм.

— Эссенцию, — прохрипел я, с трудом восстанавливая дыхание.

Магнолия отдала мне флакон с таким взглядом, будто я отбирал у нее последнюю крошку хлеба. Вырвав сосуд из плотно сжатых пальцев, пригубил треть. Подлечиться хватит.

— Слушай, жрица, меня давно волнует вопрос, — я в блаженстве растекся по жесткой поверхности стола. — Что у тебя за хрень вместо крови?

— Ты в сказки веришь? — успокоившись, девушка упала в кресло. — В демонов, оборотней, живых мертвецов?

— У всего есть объяснение. — ответил я после небольшой паузы. — Но в мире есть существа, неподвластные нашей логике. И в каждом из миров действуют свои законы. Но демонов и оборотней я никогда не видел.

— Я родом из далекого города на краю Внутреннего моря, — Магнолия налила себе вина.

— Оно правда делается из жуков? — я бесцеремонно прервал ее, жутко заинтересовавшись новым вопросом. Эссенция жизни дала по мозгам посильнее алкоголя.

— Как же ты меня бесишь, — простонала Магнолия. — Это вино из медовой тли, доволен? А теперь заткни свой рот и слушай. В нашем городе есть легенда, что в море живут полулюди-полурыбы. И если словить такое существо и съесть его, то якобы обретешь бессмертия. Жуткая сказочка, правда? Но они правда существуют. Но живут не в море, а среди нас. Я же сирота, мать вроде была шлюхой, а отец моряк откуда-то с...

— Да хорош занудствовать, — не выдержал я. — Давай ближе к делу.

— Матушка из нашего приюта, она была морской тварью, — с наслаждением сделала глоток Магнолия. — У меня же врожденная бессонница, поэтому я заметила, как она по ночам ходит к морю. Она умоляла не выдавать ее секрет, ведь за ее народом тогда начнется настоящая охота. Зла она не делала, научила меня множеству чудесных вещей...

— Ты ее сожрала? — подытожил я.

— Я что изверг какой-то? — возмутилась жрица. — Она жива-здорова. Более того, вы

сейчас с ней в одной комнате.

Проследив за взглядом девушки, я увидел большой сундук, обитый широкими бронзовыми лентами. Магнолия испытующе на меня смотрела. Встав со стола, я подошел к сундуку и взялся за гладкую откидную ручку. Тяжелая крышка шла с натугой, будто ее удерживали пружины.

Внутри находилась... мумия? Обтянутый серой кожей скелет с впавшими глазами и беззубым ртом вздрогнул. Оно живое, черт подери! Ноги существа были ампутированы чуть выше колена, чтобы оно помещалось в сундук. К запястьям приклеены иглы с гибкими трубками, идущими к вытянутым пробиркам, спрятанным в углублениях стенок.

Только внимательно присмотревшись можно отличить несчастную от человека. В провалах глазниц мерцали ярко-голубые глаза, с переливающимся аквамаринным оттенком. На черепе, покрытом жидкими остатками волос, проглядывались серебристые чешуйки.

— ... - существо беззвучно разинуло рот. Язык был вырезан.

Оно умоляло о смерти. Сколько бедной матушке из приюта пришлось провести времени в сундуке? Не удивлюсь, если больше нескольких лет. Я с сожалением покачал головой и осторожно прикрыл крышку сундука, откуда успело вырваться жалобное мычанье. Отчаянный звук заточенного во тьме существа пробрал меня до костей.

— Бессмертной ты не стала? — спокойно спросил я, хотя внутри пообещал даровать несчастной смерть при первой возможности.

— Ее кровь слишком слаба, чтобы сделать человека бессмертным, — девушка внимательно наблюдала за моим лицом, пытаясь прочесть эмоции. — Но зато какой чудесный омолаживающий эффект! Меня будут превозносить, как богиню, когда удастся изготовить зелье!

Магнолия соблазнительно перекинула ноги, демонстрируя влажно поблескивающие прелести. Она точно возбуждена. Потекла от мыслей о собственном величии. Я брезгливо поморщился, вспомнив часть лица старухи под маской.

— Мне пора, вызови стражу, — залпом допив эссенцию, я пошел к выходу.

— Сопроводите моего чемпиона! — звонко выкрикнула девушка и бросила мне небольшую книгу в кожаном переплете. — Держи, может пригодится.

— Что это? — я раскрыл томик и пробежался по ровному четкому почерку.

— Записи моего любовника, — подмигнула Магнолия.

В темнице все оставалось по-прежнему. Люди сидели или спали, маленькая часть тренировалась. Рыжий пес громко гавкнул завидев меня и замахал хвостом.

— Никак не могу понять, за что посадили собаку? — я сел рядом с дремлющим Варламом.

— Живой все-таки, — он приоткрыл один. — И снова покалеченный. Если в каждой схватке ходить по грани, то однажды перешагнешь ее, малец.

Девушки с ребенком спали, прижавшись друг к другу и опершись на колонну. Я открыл книгу и погрузился в чтение, время от времени просматривая на пса, подбиравшегося все ближе и ближе к одному из спящих мужчин. Пес обнюхал волосатую лодыжку, выглядывающую из потрепанных штанов, а затем куснул ее и бросился наутек.

— Что за херня?! — вскочил укушенный и запрыгал на одной ноге. С голени текла кровь. — Я убью этого сраного пса!

Пес уже свернулся калачиком в темном углу, будто был не при делах. Я усмехнулся, но Варлам сердито засопел. На его правой ноге тоже красовалась отметина от зубов. Не

выдержав, я заржал уже в голос и получил затрепину.

— Что ты там читаешь? — сердито спросил старик.

— Не поверишь, но мне это дала жрица, — я передал книгу мужчине и тот быстро пролистал несколько страниц. С каждым прочитанным словом его лицо все больше хмурилось.

— Абсолютная мерзость, — выдал он вердикт. — Будь осторожнее, Крис. Жрица точно не та, за кого себя выдает. Золотой дракон никогда не свяжется с методами темных сект.

Я согласно кивнул. Но записи были настоящей жемчужиной. Попадись они мне раньше... Тщательный скрупулезное описание уровней кай, простые и понятные техники развития, десятки страниц про развитие умений. У меня в руках находилось настоящее сокровище. Брезгливость у старика вызвали небольшие пометки на полях — описание жертвоприношений и изготовления пилюль из людей.

— Знания это знания, — я перехватил руку старика.

Варлам вздрогнул и его глаза остекленели. Очнувшись он так быстро вырвал ладонь, словно ее обвили ядовитая змея. Отреагировал не только он — Никола проснулась и встревоженно оглядывалась. Кел сжался во сне. В углу тоскливо завыл пес, а вслед послышалась отборная ругань.

— За один час я узнал больше, чем за всю жизнь, — спокойно сказал я.

— Ничего хорошего не выйдет из этого, — покачал головой старик. — Маленькое зло всегда притягивает к себе большее зло. Хотя я читаю нотации гребаному людоеду.

Я не ответил, погрузившись в концентрацию. Книга помогла понять, какое умение мне необходимо. Осталось только по максимуму отточить его, пока не пришло время для новой схватки.

Зарья резко проснулась от кошмара, где медленно погружалась на темное дно океана, сдавливаемая толщей темно-зеленой воды. Рик положил прохладную ладонь на ее вспотевшее плечо. Парень украдкой показал на их цель.

— Крысеныш что-то сделал, — прошипел он.

Зарья несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь подавить вспыхнувшую ярость. Как бы она хотела прямо сейчас распотрошить бледнолицую крысу на куски. Вырвать ему конечности, разломать ребра и раздавить сердце, как переспелое яблоко. Но ей приходится ждать и участвовать в мерзком балагане, устроенном ублюдками из столицы.

Еще месяц назад ее жизнь была ясной и прямой. Все началось с побега предательницы. Потом ее жениха убили в захудалом мусорном городишке, а любимая тень погибла на задании. В низу живота девушке сладко заныло от воспоминаний о беззубом рте любимицы, часами вылизывавшей все ее сокровенные места.

Старейшины клана были в бешенстве.

Зарью послали лично разобраться, но когда она уже выследила цель, скрывавшуюся на заводе, все снова пошло по наклонной. Налетели бандиты, непонятный старик с огромными саблями, какие-то уродливые собаки. Не вовремя прибыл отряд столичной стражи...

— Бой завтра? — спросил Рик. — Мне это место осточертело уже.

— Нет, — с сожалением сказала девушка. — Через неделю придут старейшины, чтобы лично увидеть, как мы убьем тварь.

— Почему бы его просто не прикончить? — простонал парень и напруг руки. — Я бы мог одним ударом пробить в нем дыру.

Зарья предупреждающе глянула на него и тот сразу заткнулся. Девушка не считала нужным сообщать, что старейшины оказались не в восторге от их поимки и помогать отказались. Будет уроком. Участие молодежи в подпольном турнире показалось им отличной идеей, особенно после того, как они узнали об участии претендента из враждебного клана Падающей звезды. Зарья надеялась вернуть часть расположения, зверски покарвав парня, умудрившегося несколько раз досадить клану.

— Лучше сформируй ядро, балбес, — она ударила ребром ладони по голове Рика.

Всю неделю она тайком наблюдала за Крисом. Цель либо сидела, уставившись в пустоту, либо выполняла непонятные упражнения. Бледная крыса зря старается. Зарья даже не чувствовала в нем кай. Обычный мусор.

Когда пришло время боя, то оказалось, что драться будет не она, а Рик. Парень сиял, как начищенная медь, и в красках описывал, как будет медленно убивать цель.

Народу прибыло гораздо больше, чем на первые схватки. Больше десяти человек из их клана, хотя и не самые важные в иерархии. Но учитель троицы был здесь. И находился явно не в духе. Его длинные белые усы повисли, а на лбу пролегла глубокая морщина.

— Вы попались в руки этих неумех, — начал он, поджав губы.

— У стражей были винтовки! — попытался оправдаться Рик.

С пальца учителя сорвалась искра, ударившая парня в живот. Тот согнулся и выблевал на пол обед.

— Почему драться будет Рик? — спросила Зарья.

— Падающая звезда, — еще больше нахмурился учитель. — Ты будешь сражаться с их претендентом. Не смотри так, он очень силен. Любая рана может оказаться соломинкой, что переломит спину верблюду.

— Он ничтожество! — воскликнула Зарья, показывая на Криса, в сопровождении двух стражей вышедшего на арену.

— Так и есть, — кивнул учитель, внимательно рассматривая вышедшего парня.

Старый мастер скользнул внутренним взором по бледному, неестественному худому заключенному. Ничтожное количество кай. С таким слабым запасом жизненной энергии можно слечь от легкого сквозняка и больше не подняться. И движения — скованные, чуждые телу. Будто хозяину неудобно управляться со своим собственным руками и ногами.

В противовес его ученик. Не самый лучший, но крепкий середнячок. Мощное гибкое тело с ранних лет закаленное тренировками, почти овладевшее умением рукопашного боя, с почти сформированным ядром, и почти законченной техникой Каменного доспеха. Мастер нахмурился. Слишком много почти. Но даже так, разница в силе колоссальна. Нечего волноваться.

— Распорядитель Барт, — мастер подозвал палача, обменивавшегося любезностями со старейшиной. — Если вдруг что-то пойдет не так...

— Все улажено, — угодливо улыбнулся Барт. — Видите ошейник? Стоит мне захотеть, как он парализуют смертника. Вам не о чем волноваться.

Палач пребывал в отличном расположении духа. Сперва он хотел просто сплавить клановых детишек за выкуп, но старейшины заартачились. Мол, у ребят задание и они его должны выполнить. Но в ходе долгих разговоров обе стороны пришли к взаимовыгодному соглашению, в корне перевернувшему саму суть чемпионата. Оказалось, что молодняк в кланах плохо развивается без жестоких боев на грани жизни и смерти. А у палача в наличии имеется несколько десятков опасных головорезов, на которых клановым можно отлично

потренировать навыки. И впервые попробовать кровь.

У Барта уже было четыре предложения от других кланов. Только участие претендента из Падающей звезды превышало доход от ставок за десять боев. Но и от ставок палач не собирался отказываться.

Парализующие ошейники уменьшали риск почти до нуля, а если клановый совершит прорыв, то Барт получит щедрое вознаграждение. Пожалуй, по возвращению в столицу он сможет позволить себе выкупить того белокурого ангелочка.

— Начнем? — хищно улыбнулся палач.

Рик вышел на арену без верхней одежды, хвастаясь мышцами. Он надулся, как индюк, выкатил грудь и подпер кулаками внушительные бицепсы. На Крису он не обращал ни малейшего внимания. Рик планировал закончить бой одним ударом. Все, как он и обещал Зарье. Парень мечтательно взглянул на беседующую с учителем девушку, задержав взгляд на аппетитной заднице. Как бы он драл ее, будь у Зарьи нормальные взгляды на отношения мужчины и женщины.

— Бой без оружия, — объявил палач, обрадовав Рика.

— Один удар и тебе конец, — пообещал он бледнолицей крысе. — Не дергайся, если хочешь сдохнуть быстро.

Рик вразвалку пошел к спокойно стоящему противнику, не заметив, как учитель побагровел от гнева. Благодаря врожденной силе парень легко валял всех соперников в тренировочном зале. С гениями клана ему не сравниться в навыках, но юноша был сильнее быка. Рик действительно верил, что закончит все одним ударом.

Он не увидел, как рука Криси метнулась к его горлу, застыв в миллиметре от кадыка. Искривленное от гнева лицо противника привело Рика в чувство. На место испуга пришла ярость. Больше всего бесило, что крыса даже не смотрела на него, пялясь куда-то поверх плеча. Кулак врезался в ненавистную рожу, отбрасывая дохляка к стенке.

— Я же говорил, что все будет в порядке, — побледневший Барт убрал палец с кнопки.

— Мгновение и мой ученик был бы мертв, — не согласился учитель. — Дай-как сюда эту проклятую артрийскую штуковину.

Им обоим начинала все меньше нравиться эта идея. Остальные зрители тоже оказались не в восторге. Они платили немалые деньги и не хотели смотреть игру в поддавки. Палач с тоской подумал, что на двух членах сразу не усидишь и горько вздохнул.

Рик ритмично наносил тяжелые удары, гоня соперника по площадке. Казалось, что он мог часами поддерживать подобный темп. На гладкой слегка загорелой коже даже не выступил пот. Крис же слегка прихрамывал. Ему достался пинок прямо в левое колено.

Учитель напряженно следил за схваткой. Он легко признал, что недооценил заключенного. Тот сражался по-настоящему, каждым движением пытаясь убить соперника. Рик же по-прежнему думал, что находится в учебном бою. Его завибрировавшая кай снова успокоилась, не собираясь пробуждать ядро.

Зрители разом ахнули. Смертник играючи уклонился от ударов и резко выпрямив ногу, вбил пятку в подбородок качнувшегося здоровяка. Палец учителя лег на кнопку. Следующий удар пришелся в подмышку и взметнувшаяся рука Рика повисла. А теперь хватит.

Заключенный застыл, чтобы его смел неуклюжий, но мощный удар предплечьем. Рик напал на него, как дикарь, беспорядочно пиная изворачивающегося парня. Клановый впал в слепое безумие, порожденное страхом.

— Ничтожество! — старый мастер в ярости швырнул пульт на землю. — Такой мусор не достоин нашего клана!

Зрители взревели. Пунцовый старейшина одобрительно кивнул. Его уже тошнило от презрительных взглядов клана Падающей звезды, но еще больше тошнило от убудюдка на арене. Никто и глазом не моргнул, когда смертник с тошнотворным хрустом вывернул ступню Рика. Крис отскочил на пару шагов, полагая, что его снова парализует.

Рик лежал на земле и подвывал, как брошенный щенок. Послышался свист и смешки, заставившие весь клан закипеть от ярости. Каждый был готов заплатить половину жизни, чтобы заткнуть хнычущего выродка. Зарья с такой силой прикусила губу, что по подбородку побежала струйка крови.

— Смерть! — первой крикнула она. Вскоре весь зал присоединился к ней. — Смерть! Смерть!

Рик неверяще смотрел на защитную пленку, из-за которой доносились наполненные ненавистью голоса. Он не понимал, что от него требуют. Разве они не видят, в каком он состоянии? Почему не вытаскивают отсюда? Осознание пришло только с мягкими шагами приближающегося противника. В его жутких темных глазах Рик ясно увидел свой конец.

— Ты не посмее... — удар пришелся по рту кланового, превратившемся в месиво из порванных губ и осколков зубов.

Рик завыл и попытался уползти. В него градом летели оскорбления от тех, кого он считал самыми близкими.

— Малыш плачет? — непроницаемо черные глаза противника лишили Рика остатков воли. Клановец прикрыл глаза, смиренно ожидая скорую смерть. — Так легко сдаешься?

Мясистая щека парня затряслась от шлепка ладонью. Повисло гробовое молчание. Вторая пощечина прозвучала сильнее, чем удар грома. Никто не мог расслышать, что говорит смертник, но на седьмом шлепке Рик начал вырываться, а на пятнадцатом от него разошлась волна ветра, взметнувшая белые волосы отпрыгнувшего заключенного.

— Он пробудил ядро! — пораженно воскликнул учитель.

Рик зарычал, с трудом поднимаясь на ноги. Его левая ступня разбухла, а правая рука болталась, как веревка. Окровавленный рот парня раскрылся в немом крике, когда он сделал первый шаг. Смертник стоял в пяти метрах от него, не собираясь нападать.

— И каменная броня... — Зарья уставилась на брата по клану со смесью ужаса и восхищения.

Раненую ногу Рика покрыл бугристый слой камня с острыми выростами, похожий на грубый доспех. Постепенно техника распространялась на остальные участки тела, пока к Крису не подошел гигант, полностью закованный в каменную броню. Удар кулака был резким, как щелчок кнута. У старого мастера закололо сердце.

— Он постиг умение быстрого кулака? — Зарья не верила своим глазам. — Рик, прикончи его!

Острые выступы, покрывавшие каменный кулак, остановились в сантиметре от лица смертника. Затем каменная броня осыпалась и клановый покачнувшись, оперся на плечи Криса. Барт махнул рукой и на площадку выбежали стражи, попытавшиеся забрать раненого парня.

— Пошли прочь, ублюдки! — заорал он, отбивая протянутые руки.

Смертник быстро подошел к нему и что-то шепнул на ухо. Рик с раздражением мотнул головой, но все же сдался и позволил себя вывести.

Барт словил на себе взгляды старейшин двух кланов. Мозги палача работали на славу, и он сразу догадался чего они хотят. Мальчишку. Бледного, похожего на вчерашний труп парня, за один бой заставившего расцвести домашний цветок из клана. Бартоломей вознес хвалу Отцу-дракону, что он не убил пацана после происшествия с чудом ожившей жрицей. И тут же послал вслед проклятье.

Кланы примерно равны по силам. К кому первому следует подойти? От напряженных размышлений на лбу палача выступила жилка, а его шелковое исподнее напиталось потом. Теперь он жалел, что не прикончил людоеда.

— Мне давно не удастся закончить Водное копье, мастер, — Барта спасла синеволосая девчонка, быстрым шагом направившаяся к арене.

Зарья кипела от гнева. Этот кретин разрушил ее надежды на счастливый брак с женихом-слюнтяем, а теперь растоптал ее шаткую репутацию. Она была дочерью наложницы из пустыни в восточных землях, и унаследовала склонность к стихии воды. Мать скончалась при родах. Отец пропал в пустошах. В клане не было ни единой водной техники, над ней посмеивались из-за смуглой кожи и всегда ставили ниже остальных. Сколько крови и пота она пролила, чтобы заслужить одобрителный кивок старейшины, который сейчас взглядом облизывал бледную крысу.

Теперь шанс войти в основную ветвь представится не скоро. Не соблазнять же столетних старцев? Зарья умом понимала, что Крис не особо виноват в ее бедах. Но столь яркая победа в заведомо проигрышных условиях заставила ее сердце обливаться черной завистью. А зависть породила гнев.

— Ты готов? — девушка спросила для вида, а сама ринулась в атаку.

Смертник слегка хромал, и Зарья старалась атаковать с неудобной для него стороны. Она раз за разом пробовала его защиту, чтобы нанести коварный удар. Гибкая нога девушки выстрелила, будто стрела, пробивая защиту чуть выше колена. Крис отклонился назад, перенося вес на здоровую ногу.

На лицо парня посыпались капельки воды. На пол слетели клочки срезанных белых волос. Зарья отступила. В ее руке перетекало тонкое водяное копье с листовидным наконечником. Несколько мгновений оно держало форму, а затем неожиданно взорвалось. Лицо девушки покрылось сотней мелких порезов, быстро пустивших кровь. Следом прилетел тяжелый прямой удар от Криса, вложившего в него весь вес. Переносица Зарьи хрустнула, а нос своротило набок. Их глаз девушки брызнули слезы. Она вслепую прыгнула назад, но в полете ее ногу успели перехватить.

От удара спиной об жесткую поверхность из легких выбило дыхание. Крис перехватил ее правую руку и резко вывернул, ломая сустав. Зарья вцепилась в его плечо, ногтями сдирая кожу, но парень только усмехнулся.

— Ты же знаешь, что я не могу тебя убить? — он наклонился так близко, что девушка почувствовала теплое дыхание.

Зарья плюнула в него кровью и получила жесткую пощечину. Ее голова повернулась набок. Крис прижал ее рукой, вдавливая в пол и быстро зашептал на ухо:

— Если ты будешь выебываться, клановая сука, получишь еще. Просто играй свою роль.

Зарья не могла ему ответить. Едва ладонь смертника коснулась щеки, как ее накрыло

волной отчаяния и безысходности. Девушку пригвоздили толщи стальной воды, унося все глубже и глубже в бесконечный мрак. Каждый удар парня взрывался в голове, разнося тлен и смерть по каждому уголку ее тела.

— А ты слабее того парнишки, — удивился Крис. — Покорно сложила лапки и тонешь. Ничтожество.

Он поднялся и пнул девушку, словно мусор. Зарья сжалась в комочек и захлебывалась слезами. Пинки сыпались со всех сторон, приправленные оскорблениями. Потом все внезапно закончилось.

— Это твой выбор? — Смертник стоял над ней.

Зарья смотрела в его черные глаза, проваливаясь все глубже и глубже. На миг ей почудилось, что она видит гигантский заброшенный город, с черным ступенчатым храмом в центре. В глубине храма находился высокий мужчина с угольно-черными волосами и утонченным, печальным лицом. Покинутый город и его одинокий правитель.

— Эй, ты чего!?! — возмутился Крис, когда она встала и резко обняла его. Парень почувствовал, как по его исцарапанному плечу текут слезы.

— Я не знаю, — проревела девушка. — Мне так жалко тебя.

Пару на арене окружило танцующее кольцо воды, разорвавшееся спустя секунду с оглушительным грохотом. Защитная пленка замерцала, поглотив атаку, но в зрительский зал повалили клубы горячего пара.

— На сегодня все! — закричал Барт.

Я целиком заглотил жареную куриную ножку и зажмурил глаза. Сочное мясо таяло во рту, а глоток кислого напитка прекрасно дополнял вкус. За столом сидело четыре человека — я, два клановых старейшины и палач. Пока блюда исчезали в моем животе, троица нещадно торговалась.

— Десять духовных кристаллов, — не сдавался Барт. — По пять с каждого клана. Небольшая цена за такого умельца.

Признаться, я абсолютно не верил в свой план. Когда палач предупредил меня о битве с клановыми и нацепил парализующий ошейник, то казалось, что настал конец. Но мое новое умение — касание смерти — прекрасно подходило для прочистки неокрепших мозгов. Я не оттачивал движение миллионы раз, просто наполнил его своей сутью. Что-то похожее проделывала Никола, а книга жрица помогла ускорить получение умения.

С каждым ударом я передавал противнику свои концентрированные эмоции и чувства, затягивая их в пучину тлена и безысходности. Маленькая смерть. Околосмертные переживания подстегивали детишек, заставляя их переосмыслить всю свою жизнь. Но с девкой чуть не вышел косяк.

— Шесть духовных кристаллов, — в итоге спорящие пришли к согласию. Они наполнили маленькие чашечки и пригубили напиток.

— Мне нужны мои слуги, — сказал я, сразу оказавшись под прессом недовольных взглядов. — И собака.

— Что за они? — поинтересовался старейшина Падающей звезды, профилем похожий на хищную птицу.

— Старый воин с артритом, шлюха с чужим ребенком и предательница родины, — скучающим голосом ответил Барт. — Собака на редкость вредная, имеет склонность кусать спящих.

— Компания под стать, — издал смешок второй старейшина с крупным носом и выпученными глазами. — Не вижу проблем.

В самом начале беседы, я сообщил, что мой способ работает единожды и вряд ли подойдет для опытных воинов. Здесь же крылась и основная проблема умения. Оно очень плохо работает с закаленными бойцами, не раз рисковавшими шкурой. А достигнуть нужной силы в пылу бою у меня не выйдет.

— Господин Бартоломей, тревога! — в комнату влетел запыхавшийся страж. — Двойная тревога!

Я закатил глаза. Только мне улыбнулась удача, как случается дерьмо. Старейшины переглянулись и поднялись из-за стола.

— Вам лучше остаться здесь. — извиняющимся тоном сказал страж. — Снаружи не очень безопасно.

Палач выволок его из комнаты, а спустя минуту в коридоре раздался его горестный вопль:

— За что мне все это!?

Я вернулся за стол, принявшись набивать брюхо. За неделю мне удалось нарастить немного мышц и укрепить тело. Третий флакон с эссенцией жизни существенно помог в развитии. Сейчас я находился в лучшей форме за все время переселение в тело мальчика.

— У тебя необычные зубы, — заметил старейшина. — Давно мне не встречались люди с таким отличительным признаком.

— А есть похожие? — спросил я. Варлам тоже говорил о чем-то подобном.

— Уважаемые, у нас есть маленькая проблема, — вернувшийся Барт прервал наш разговор. — Боюсь, что вы не сможете сейчас покинуть тюрьму. Но мы скоро все уладим.

Судя по его напряженному лицу, маленькой проблемой даже не пахло. Сверху что-то рвануло, заставив все помещение задрожать. С потолка посыпались мелкие камешки и побелка. Следом раздался новый взрыв. Меня отбросило к стене вместе со стулом, а по стену и потолку побежали мелкие трещины.

— Что здесь происходит! — в гневе вскочил старейшины клана Лекс.

Взмахом руки он отшвырнул тяжелый стол, будто пушинку. Силен. С таким нет смысла меряться силами. Меня он раздавит, как муравья. Ему даже не придется двигаться. Комнату наполнила плотная кай, сжавшая мое тело стальными обручами.

— Все хорошо, — Барт продолжал гнуть свою линию.

Все здание загудело и застонало. Я кожей чувствовал, как воет металл, спрятанный в стенах, а бетонные перемычки крошатся и лопаются. Свет мигнул и погас. Мы оказались в полной темноте. Тряска прекратилась, но казалось, будто одно неловкое движение и нас похоронит под сотнями тонн камня.

— «Путеводный огонь». — на лунном языке произнес старейшина падающей звезды.

Комнату наполнил бледный зеленоватый свет, исходящий от пары светлячков, кружившихся возле головы мужчины. Я с ужасом посмотрел на потолок, разделенный глубокой черной трещиной.

— На нас напали, — сдался палач. — Сегодня должны были доставить партию заключенных из Пристанища воронов, но неизвестные захватили их и под видом охраны проникли в тюрьму. Оказавшись внутри, они отпустили головорезов и начали прорываться вниз.

— И что им надо? — поинтересовался старейшина.

— Без понятия, — пожал плечами Барт. — Уничтожить все мои накопления и шанс на счастливую старость в окружении внуков?

— Ты же по мальчикам, — уточнил я.

— Тогда чужих внуков, — усмехнулся мужчина. — Ладно, нужно объединится с остальными. У вторгшихся нет шансов добраться сюда, но состояние здание внушает опасения.

Коридор встретил нас полной темнотой, только вдалеке колыхался огонек факела. Светлячки старейшины устремились вперед, освещая куски бетона, отделившиеся от стен и потолка. Дорога прошла в молчании. Каждый думал о своем. Я планировал сбежать при первой возможности, прихватив побольше ценностей.

— Побудьте здесь. — Барт привел нас в круглый зал, заполненный людьми и стражами.

Все клановые и гости чемпионата находились здесь. Народ разделился по кучкам, каждая из которых громко выказывала несчастным тюремщикам свое неудовольствие. Здесь же стояли столы с провизией и вином. Пухлый мужчина в маске кота успел напиться и повалился прямо на столик, громогласным храпом пытаясь перебить гомон толпы. Я с грустью посмотрел на раздавленные пирожные, выглядывающие из-под его живота.

— Позвольте позаимствовать у вас этого очаровательного юношу, — к нам подошел человек в маске лиса.

— Прочь, — на старейшину Падающей звезды не подействовала вежливость.

— Я все же настаиваю.

— Я не в том настроении, чтобы шутить, — старик выглядел по-настоящему разъяренным, даже его крючковатый нос заострился.

— Что же нам тогда делать? — человек задумчиво поднес руку с перстнями к лицу и поскреб маску.

Старейшина Лекс сориентировался быстрее и посеменил к своим, но второй старикашка продолжил наседать, чуть ли не хватая собеседника за грудки. Он был из тех людей, что злятся, когда все идет не по плану. И наглый пристававал подходил, чтобы выместить на нем раздражение.

— Давно вас не учили, сыновья торговцев и захудалых баронов, — старейшина толкнул мужчину в грудь.

— Эй, будьте аккуратней, — тот мягко отодвинул рассвирепевшего старика. — Должно быть вы неверно поняли мой статус. Франс де Валье, инспектор первого ранга. Мне расценивать ваше поведение как нападение?

Я чуть не подавился со смеху, когда лиц старейшины застыло от шока. Секундой спустя от гордого орлиного профиля не осталось и следа. Коротко поклонившись, он быстро пошел к товарищам.

— К чему это цирк? — спросил я.

— Старые счеты, — мужчина стянул маску. Магическим образом жест привлек внимание нескольких женщин. — Нужно же немного пощипать старого петуха.

В руке Франса лежал вытянутый четырехгранный кристалл, излучавший едва уловимый белый свет. Я пристально взгляделся в него. Концентрированная кай? Нет, что-то очень похожее, но разное, будто снег и лед. Рука сама потянулась к кристаллу, но мужчина быстро спрятал его во внутренний карман пиджака.

— Укради себе сам, — улыбнулся он. — Дела складываются не самым лучшим образом. Если мне придется бежать, то духовные кристаллы берут даже дикари на самых отдаленных

островах.

— Все настолько дерьмово? — удивился я.

— Я вижу только краешек картины, но чутье подсказывает, что все может обернуться еще хуже, — Франс помахал рукой косившемуся на него старейшине.

То, что дела обстоят дерьмово, стало ясно спустя два часа ожидания. Вошедшая с палачом девушка в голубом мундире, велела всем заткнуться, парой рубленых предложений обрисовав ситуацию:

— Верхние этажи завалены. Над нами тридцать метров скальной породы. Преступники обосновались этажом выше. Скоро они спустятся сюда в поисках еды и воды. С ними неизвестный одаренный. По мои оценкам его уровень кай выше сотни. С ним странные существа, почти неуязвимые к холодному и огнестрельному оружию. Когда придет помощь — неизвестно.

В зале поднялся адский шум. Люди кричали и визжали, будто от громкости их воплей что-то может наладиться. Клановые заметно отличались от обывателей — они собрались в небольшие кружки. Судя по яростной жестикуляции они тоже яростно спорили, но голоса не повышали.

— Отсюда есть выход через заброшенные шахты, — сказал я инспектору. — Но сначала надо вытащить нескольких людей.

Наше предложение заинтересовала Барта и девушку, явно стоящую в иерархии выше палача. Она согласно кивнула, выслушав мои доводы и велела привести моих товарищей по заключению. И пса. Не знаю почему, но я чувствовал к нему странную симпатию.

— Про капитана Катрину ходят нехорошие слухи, — шепнул мне Франс. — Якобы она связана с демонами и темными сектами. Но ей просто завидуют.

Мы все собрались в тесной комнате со множеством столиков, заполненных картами, фишками и значками. Капитан наверняка помешана на планировании. Девушки с ребенком сжались в углу, заметно нервничая. Варлам быстро изложил свою историю и сделал пометки на карте тюрьмы. Я глянул на ее одним глазком, детально запоминая.

— Капитан, позвольте доложить, — в комнату вошел страж. — Наши запасы еды испорчены, вода тоже больше не поступает.

— Так и думала, — Катрин подошла к угловому столику и перевернула черную фишку. Обратная сторона оказалась багряно-красной. — Крис Савой, что ты можешь сказать о жрице? Будь предельно честен, никакого наказания не последует.

— Она воплощение безумного ученого, — кратко выразился я. — Готова на все. Можно мне обследовать ее комнату? Там есть парочка нужных вещей.

— Я сопровожу его, — вызвался Барт.

Войдя в комнату Магнолии, я первым делом пошел искать сундук с пленницей. Как и ожидалось, он исчез. Зато нашлись четыре флакона с эссенцией жизни, неплохие длинные кинжалы и слабый артефакт. Золотое кольцо с мутным оплывшим камнем, выглядевшим весьма уродливо в качестве украшения. Артефакт выполнял роль фонарика.

Барт прикарманил десяток золотых безделушек, отчего его карманы оттопырились и позвякивали при ходьбе.

— Мне нужны мои вещи, они здесь?

— Комната четыреста семь, ряд семнадцать, ящик сорок два, — после небольшой заминки ответил палач. — Свиток с техникой в комнате капитана. Сам доберешься?

— Я же заключенный? Разве нет? — мне не шибко хотелось рыскать в темных коридорах одному.

— Ты думаешь я сбрендил, чтобы соваться на этаж к спятившим смертникам ради твоих вшивых вещичек? — скривился мужчина. — Удачи, пацан. И не навись на стражу. Они будут открывать огонь по любому подозрительному типу.

Мне жутко хотелось облачиться в доспех, но шел я по другой причине. Нужно собрать жатву для Белой госпожи. Она обещала помочь, если принести ей в жертву десяток людишек. Кто знает, что скрывается в катакомбах, откуда пришла жуткая черная гниль?

Кольцо на пальце мягко засветилось, но я уменьшил яркость до минимума. Короткий путь оказался завален. Из-под обвалившейся плиты тонкой струйкой брызгала вода. Воздух

стал влажным, а от сырости обноски почти моментально отсырели. Мне удалось пройти четыреста шагов, прежде чем послышались голоса.

Я встал за поворотом, ожидая, когда они люди подойдут поближе. Два стража. Шаги осторожные, в руках бряцают винтовки. Первый слег от удара кинжалом в горло. Второй начал стрелять, но я швырнул в него тело напарника, следом всадив второй кинжал в лицо. Эхо разнеслось его крик по коридору. Ему бы оперы петь.

— Еще двое, Госпожа.

На единственной лестнице, ведущей наверх дежурил отряд из десяти человек. Нижние ступеньки забаррикадированы плотно сбитой мебелью и обмотаны колючей проволокой. Сразу четыре огнестрела смотрели в проход. Я лег на пол и тихо подполз поближе, держа добытую винтовку на вытянутой руке. Отсюда даже я не промажу.

Оружие дернулось в руках, посылая первую пулю в потолок. Мне удалось уложить четверых, когда стражи открыли ответный огонь. Только я не рассчитал одного. На звуки стрельбы среагировали другие бойцы. На трех возможных путях отступления уже слышался топот.

Я с сожалением посмотрел на кольцо. Похоже, что придется прощаться. Но судьба решила иначе. По лестница пронеслась стремительная тень и врезалась в преграду, разметав ее на куски. Тварь, похожая на огромного пса с головой дракона, заревела, удерживаемая мотками проволоки. Ее рев был наполнен кай, ударившей по ушам.

На мгновение мне показалось, что пол подо мной перевернулся, поменявшись местами с потолком. Все стражи потеряли равновесие и рухнули на землю. По ним ударило куда сильнее. Я без сожаления добил упавших, поглядывая на беснующегося зверя. В утыканную десятками острых клыков пасть легко влезет голова человека, а от резавшей кожу стальной проволоки тварь лишь больше ярилась.

— Мне надо наверх, прости, — я встал в шаг от жуткой морды и выпустил обойму в голову.

Пули разворотили в ключья лоб твари, отчего чудовище издало особенно мощный рык. У меня все поплыло перед глазами. Когтистая лапа вырвалась из плена проволоки и отшвырнула меня, как котенка. Удар пришелся мягкой частью, иначе длинные когти в легкую отрезали ноги. В помещение ввалились стражи, сразу начав стрелять в зверя.

— Живой? — меня оттащили в сторону.

Я отвернул голову, притворяясь, что без сознания. Мундир болтался мешком, а часть стражей пару раз видела меня. Удивлен, как они вообще клюнули. Но когда в паре метров беснуется почти неуязвимый монстр, логика отступает на второй план. Я ему обойму в голову выпустил, а чудовище даже глазом не повело. Винтовки наполнили комнату зубодробительным грохотом. Казалось, что тварь вот-вот рухнет под плотной волной стальных ос, но она не сдавалась. Колючая проволока лопнула и чудовище кометой влетело в плотный ряд стражей.

У людей не было ни единого шанса. Я прыжками понесся к сломанной баррикаде и помчался вверх по лестнице, оставляя за собой вопли умирающих. Едва не поскользнувшись, осветил кольцом под ноги. Ступеньки покрывала кровь, стекавшая из коридора. Всюду валялись изломанные тела стражей, выглядевшие так, будто их смяла огромная рука.

Но и трупов зверья предостаточно. Их удавалось остановить только превратив решето. Я всадил клинок в глаз монстра, притаившегося у стены. От него осталась голова и часть торса, но существо не умерло, а затаилось. От стены повеяло холодом. Белоснежная рука

притянула меня, вжимая в холодный, покрывшийся инеем бетон.

— Ее дар тебе, галленец, — обжигающе ледяная рука нарочито медленно проникла мне в живот.

Внутри вспыхнула крохотная золотая искорка. От нее побежали быстрые волны кай, мгновенно насыщая тело. Никогда не чувствовал чего-то подобного. Чистое блаженство, на голову превосходящее спокойное удовлетворение разума от прорыва в изучении магии. Я не только стал быстрее и сильнее, даже мысли стали четче и яснее.

Но ядро... Я не специалист в совершенствовании кай... Почему оно такое маленькое, будто игольное ушко? Жизни десятка людей разменяны на крохотное количество энергии.

— А это мой дар, — мертвый голос обжигал уши.

Сука. Почему пришла именно она!? Белая госпожа имела несколько форм и обличий. Наши философы сломали немало копий в спорах о том, кем являются эти существа. Богами? Но тогда где провести черту между очень сильным магом и богом? Я мог воскрешать мертвых, создавать новую жизнь, управлять всеми стихиями и перекраивать пространство. Полагаю, что разница только в силе воздействия на мир.

Белая госпожа была логична и понятна. В небольшой степени, но человек мог приблизительно понять ее мотивы. Но сейчас пришла Хлад, владычица пустоты, забирающая последнее дыхание, ледяная сука. Последнее прозвище мне нравилось больше всего.

Внешнюю часть ладонь будто вскрыли и вложили туда кусочек льда. Плоть сошлась обратно, но кожа быстро побледнела, а вены и сосуды почернели. Вот же дерьмо, она впихнула в меня эту дрянь. Хлад потрепала меня по волосам, осыпавшимся тончайшим стеклянным волокном.

— Вши, галленец, не злись, — Хлад исчезла, оставив силуэт из инея на стене.

Я погладил лысую, холодную макушку. Пальцы левой руки практически не гнулись, а кости ломали от холода. Прошла минута и рука перестала слушаться, онемев до ключицы. От подарков ледяной суки невозможно отказаться.

Внутри моей левой руки находился гибельный осколок. Дрянь похлеще, чем Бич плоти. Только самые отчаявшиеся галленцы решались использовать его. Даже в заведомо проигрышной битве нужно сохранять остатки чести. Гибельный осколок уничтожал все, оставляя после себя черный лед. Неразрушимая субстанция, неподвластная магии. Черный лед постепенно расползлся, захватывая все на своем пути. Он останавливал цикл жизни и смерти, погружая саму материю в вечный стазис.

Я взял кинжал и примерился к запястью. Лезвие шло с натугой, скорее пропиливая промерзшее мясо. Пришлось сломать две мелких косточки, чтобы выковырять из ладони проклятый камешек. Я держал гибельный осколок на лезвии кинжала, раздумывая, что с ним делать дальше. Уничтожить невозможно, оставлять здесь опасно.

Вспомнив про люк, ведущий в глубины шахты, я решил направиться туда. Шанс, что его там найдут очень невелик. Но сперва... Кулак уже не спасти. Кончики пальцев затвердели и почернели, начав отслаиваться тонкими черными чешуйками. Решись я использовать осколок, распад плоти не стал бы проблемой. У меня вообще осталось бы мало проблем. Камушку размером с ноготь хватило бы, чтоб превратить всю тюрьму в промерзшую до хрустальной хрупкости усыпальницу.

— Блять, блять, блять... — кинжал застопорился, упершись в каменно-твердую кость.

Кулак я отделил крайне паршиво. Пришлось выламывать сустав, начавшая оттаивать плоть быстро оплывала, превращаясь в дурно воняющую кроваво-гнойную жижу. Я сидел у

стены, срезая тонкие пластинки собственной плоти. Ее уже не спасти. Закончив, перемотал культю тряпками. Чтобы перевесить процесс распада и начать восстановление, пришлось выпить флакон эссенции жизни. На восстановление руки уйдет еще два и месяц времени.

Меня качнуло, когда попробовал встать. Шокированное тело не выдержало обрушившейся нагрузки. Волевым усилием я притормозил потерю сознания, чтобы навалить на себя остатки трупов. Теперь можно отрубиться.

Я резко проснулся и закашлял, выхаркивая воду из глотки. Коридор начало затапливать. Не знаю, сколько провалялся, но вода поднялась на уровень ладони и быстро продолжала пребывать. Воняло сыростью, кровью и содержимым кишок. Кольцо давало слабый холодный свет, рисовавшие жуткие длинные тени на стенах. Культя горела ледяным огнем. Отказаться от подарка Хлад дорогого стоит.

Я похлопал по карманам, но осколок пропал. Пришлось ползать на корочках в холодной воде, пока камешек не отыскался среди склизких комьев загустевшей крови. Спрятался так, что отличить лишь на ощупь. Мне не терпелось поскорее избавиться от осколка. Сапоги промокли и потяжелели. Я шел быстро, выдавая себя плеском воды. Плевать.

Переломленная надвое, будто тростинка, в боковой двери лежала тень. Элитный боец забрал с собой двух монстров, раздувшихся громадными мясными шарами от воздействия неизвестного яда. Я быстро обшарил комнату. Деньги неинтересны, а вот пучок игл в деревянном футляре придется кстати. Я стащил с мертвеца, оказавшегося худой женщиной, облегаящий костюм.

Плотная, жесткая ткань изнутри была подшита мягкой, теплой подкладкой. Зубы тварей не смогли прокусить одежду, но силы челюстей оказалось достаточно, чтобы переломать кости бойцу. Скинув отсыревший мундир стража, я быстро переоделся. Больше всего мне приглянулись странные тканевые ботинки с низким голенищем и гибкой, но жесткой подошвой.

К достоинствам доспеха тени не относилась водостойкость. И тесноват слегка, немного пережимает достоинство. Но если совместить его с моим доспехом, доставшимися от кланового убийцы, выйдет приличная защита.

Люк я отыскал достаточно быстро, несмотря на заблокированные тяжелыми железными щитами проходы. Их любопытства я попробовал оттолкнуть преграду, но щиты будто вмуровали в бетон. Судя по следам крови и царапинам монстры тоже попробовали баррикаду на прочность.

— Соси член, ледяная сука, — я швырнул в открытый люк осколок, быстро исчезнувший в черной пучине.

Немного постояв и насладившись слабым поток маны, я быстро привел себя в порядок. Одежда запарила, согреваемая волной тепла. На полную сушку ушло минут десять, еще столько же на создание небольшого запаса маны. Духовное ядро не очень хорошо отреагировало на насыщение тела маной — оно сжалось еще больше, а циркулирующие волны кай уплотнились и замедлились. Любопытно.

В итоге я просидел еще пару часов, экспериментируя с взаимодействием двух энергий. Добившись редких, но интенсивных выбросов кай, я полностью окутал духовное ядро маной. Интересно, будет ли скапливаться энергия? Прошла минута и кай действительно осталась в коконе, но мне немного подурнело. Лишенные поддержки ткани и органы взбунтовались.

Пришлось немного рассеять слой маны, добиваясь выхода половины энергии наружу. Если хапнуть чутка больше, то появляются симптомы, сходные с долгим голоданием.

Наблюдая за кай, остающейся внутри оболочки из маны, я прикинул примерное время, нужно для двойного увеличения ядра. Пять месяцев, если не больше. А ведь нужно открыть меридианы, необходимые для использования техник. Месяц на каждый, если не увеличивать ядро?

Начала болеть кисть. Я плотно перевязал ее простыней, найденной в комнате тени, но она уже промокла, пропитавшись сукровицей. Эссенция почти не дала результата — ткани напрочь отказывались восстанавливаться. Пришлось выпить еще флакон, чтобы унять дергающую боль.

Хранилище было открыто настежь. Передние ряды стеллажей повалились, заставляя меня пробираться под ними. Нужный мне ящик оказался заперт, но ключ искать не пришлось. Дверца прилегал неплотно и язычок замка отщелкнул, стоило немного надавить лезвием кинжала. Все на месте. Почти. Где, блять, моя Небесная раковина!?

Рыча от злости, я облачился в доспех, хотя пришлось повозиться с одной рукой, забрал кинжалы и зашифрованный блокнот. На шею набросил амулет, отслеживающий чужое внимание. Уверен, что раковину спер палач. Надеюсь окупить утраченное, я принялся вскрывать ящики в хранилище. Часть стеллажей оказалась поновее, без ключа их взломать безнадежная затея.

Обуреваемый алчностью, я методично обследовал все хранилище. Особенно туго пришлось с упавшими стеллажами — приходилось ползать по полу, чтобы открыть нижние ящики. Я точно потратил больше четырех часов, но затея стоила того. Три артефакта. Они выглядели неказисто: стертая каменная фигурка, деревянные четки и увесистый медный чайник. Старая посуда просто кипятила воду, стоило потереть ручку, но маны туда вбухано...

Весело насвистывая, я пролетел вдоль запертых стеллажей, выбивая замки силовым ударом. Расход маны колоссальный, но не таскать же с собой громоздкую посудину. После магического вандализма все равно остался приличный запас. Уверен, что если просто кипятить воду, то чайником может воспользоваться больше ста поколений.

На правую руку легла плотная кожаная перчатка, с коническими железными набойками, лоб закрыла черная лента, приятно пахнущая лекарственными травами. Запах приятно успокаивал, обострял чувства и немного ускорял циркуляцию кай. Только ради повязки стоило обшаривать ящики. На поясе висели метательные кинжалы, в к голениям прицеплены узкие ножны со стилетами.

На культю я нацепил короткий треугольный нож, примотав его двумя кожаными ремнями. Держится ужасно, но на на один удар должно хватить. Но душу все равно грыз червячок жадности. Нужно вернуть Небесную раковину.

На обратном пути я повстречал голого заключенного, бросившегося на меня с куском железного прута. Не повезло тебе, мужик. Я зачерпнул из чайника маны и голова бедолаги разлеталась сотней ошметков. Из развороченной шеи брызнул фонтанчик крови. Удивительно, но мертвец остался стоять, словно не поняв, что лишился черепушки.

Для приличия стукнув, я вошел в комнату капитана. Пусто. Столы разбиты и перевернуты, на стенах подпалины и глубокие трещины. Здесь прошла жаркая битва, но следов крови не видно. Я подергал ручку внутренней двери, скорее всего, ведущей в спальню девушки. Заперто. Пришлось вложиться по крупному. Дерево и металл двери обладали удивительной прочностью. Ее тараном не вышибить.

Комната Катрины представляла миниатюрную версию казармы. Койка и два сундука.

Один цельнометаллический, с крутящимся цифровым замком, весом под сотню килограмм. Всем видом он олицетворял неприступную прочность. Эх, придется потратить чайник.

Затворный механизм сдался на пятьдесят шестой удар. Сталь нагрелась и обдавала лицо ощутимым жаром. Я жутко потел под двойным слоем брони, но терпел. Все же материалы этого мира заметно отличаются от наших, никогда не встречал настолько большой сопротивляемости к воздействию. Обжигая пальцы, я с вождением откинул крышку сундука.

Блять.

Два кружевных пеньюара, почти прозрачные черные трусики, корсет с чашечками для груди, какая-то ювелирная хрень в форме сердечка, цеплявшаяся на соски, шкатулка с пудрой и тенями, стопка любовных романов и маленький стеклянный пенис. Я столько сил потратил ради хрустального члена!?

Второй сундук сдался быстро. Вот вы, мои прелести. Свитки с техниками, фолианты в роскошных обложках, артефактное оружие, небесная раковина, камень, похожий на кровавый глаз, излучавший мощную кай, монструозный черный револьвер, три упаковки с пилюлями, два флакона с сильной «медициной», восстанавливающие шприцы...

Я застонал от восторга. Сорвав одеяло с кровати, я соорудил мешок и сложил туда всю добычу. Правда, нужно будет как-то объяснить капитану, откуда у меня ценности, хранившиеся в ее комнате. Забрав раковину и пару свитков, я засунул в рот травяную пилюлю и пошел прятать награбленное.

— Нашелся, маленький воришка, — в соседней комнате меня ждала Магнолия.

Жрица сидела на перевернутом столе. Уже без вуали. Прелестная мордашка уставилась на меня со спокойным любопытством. Черт, моя жопа чувствует неприятности.

В бросок кинжала я вложил всю скорость, но рука бессильно задрожала, так и не выпустив оружие из пальцев. Как бы все было просто, если получилось. От жрицы я не ждал ничего хорошего.

— Плохой мальчик, — Магнолия повела руками, будто хватая плавающие в воздухе нити.

Воздух засверкал. Невесомые, плавающие золотистые паутинки шли от моего тела к тонким пальцам девушки. Ноги подогнулись. Я рухнул на колени и склонил голову. Сопротивляться можно, но смысла немного. Внутренний взор скользнул в глубину тела, проникая в мышечные волокна. Зараза. Нити настолько тонкие, что я ничего не заметил.

— Эссенция жизни? — прохрипел я. — Первый флакон был чистый, но в остальных скрывалась эта дрянь?

— Ты слишком жадный, Крис, — промурлыкала жрица. — Не волнуйся, я не сделаю с тобой ничего плохого. Пойдем, все уже заждались.

Я встал и пошел за девушкой. Она управляла мной не глядя, отчего я шел высоко задирая ноги и размахивая руками. Закладка в сердце жрицы не работала. Но шанс все еще есть. Я мог немного подправлять движения, используя кай, с каждым шагом становясь все ближе и ближе к спине Магнолии.

— Ты... — она успела наполовину повернуть голову, когда кинжал на культе пробил ее шею.

Удар вышел точным и резким. Не знаю почему, но после воздействия губительного осколка золотые нити в левой руки оказались неактивны. Я могу управлять конечностью по своему желанию. Хлынувшая золотая кровь окатила плечо девушки и повисла вытянутыми сгустками, моментально густея. Мгновение и золотая масса принялась втягиваться в рану, а девушка громко захрипела, пытаясь протянуть воздух через раскроенную гортань. Я мог только наблюдать. После удара золотые нити сразу стянули все суставы. Дерьмо, сучка осталась жива.

— У малыша есть пару любопытных фокусов, — Магнолия помассировала пятнышко на

шее, оставшееся после глубокой колотой раны. — надеюсь они помогут тебя выжить там.

— Там? — мы продолжили идти, будто ничего не случилось.

— На нижних этажах есть проход в заброшенные артрийские шахты, когда-то оттуда пришла черная гниль, — девушка рассказала знакомую историю. — Я думаю, что они наткнулись на место захоронения могущественного мастера из темной секты. Даже после смерти его аура смогла породить чудовищную болезнь. Только представь, какие секреты может скрывать усыпальница настолько могучего адепта? Не удивлюсь, если он принадлежал к Гремящей эпохе династии Люнь.

— Ну найдешь ты ее и дальше что? — спросил я. — Нам не выбраться отсюда. Или предлагаешь остаться жить в пещере?

— Для наследника темного мастера это не станет проблемой, не волнуйся, — хихикнула жрица. — Вот и пришли.

В зал набилось множество людей, построенных в ровные шеренги. Заключенные, стражи, аристократы, клановые, все перемешаны, все без оружия, все в тонких золотых наручниках и ножных кандалах. Через ряд проходила толстая цепь, соединяя всех пленных. Но больше меня напрягало существо, вальяжно поднявшее руку при появлении жрицы.

Опасный человек, чувствуется сразу. От него исходила подавляющая аура превосходства, больше свойственная свирепому хищнику. Лицо скрыто маской. Возле ног трется полуметровое клыкастое чудовище, будто котенок, выпрашивающий ласки. А за ним...

— Крис! — ко мне метнулась фигура в темных доспехах.

Тая крепко схватила меня и прижала к себе, едва не переломав все кости.

— Я пришла спасти тебя! — заявила она, лучась от радости.

— Спасибо, — выдавил я, понимая из-за кого случилась вся кутерьма.

— Что-то ты не выглядишь сильно радостным, — надула синие губы девушка.

— Успеете поболтать, — заявила жрица. Ко мне вернулась контроль над телом. — Надеюсь, что обойдется без происшествий, Крис?

Я кивнул. Кто же ты такая Магнолия? И насколько сильна на самом деле? Если старейшины стоят, повесив головы, даже не помышляя о сопротивлении. И капитан Катрина, возглавлявшая одну из шеренг. Она точно очень сильна.

Длинной цепочкой мы двинулись по коридорам, спускаясь все ниже, пока не встретились с еще одной группой. Возле дыры в стене стоял Варлам и Никола, Эстер с мальчишкой сидели в углу, с опаской посматривая на заключенных.

Не помню таких ублюдских рож в нашей тюрьме. Значит, это те новенькие, что должны участвовать в чемпионате. Возле них стоял Франс, брезгливо разглядывая свои руки, покрытые кровью. В метре от него лежали сочащиеся свежие куски мяса, оставшиеся от разрубленного заключенного.

— Кто первый? — Варлам отложил молот и посмотрел на жрицу. — Дамы вперед?

Я стоял и смотрел на темный проход, откуда веяло смертью и разложением. Самые чувствительные ощутили вырвавшийся поток и затряслись от ужаса. Не знаю почему, но я протиснулся мимо старика, первым заходя в пробоину. За мной следом скользнула Тая.

Впереди расстилалась густая темнота, холод и отчаяние. Обернувшись, я посмотрел на людей оставшихся позади, но увидел сгнившие лица мертвецов с черными провалами пустых глазниц.

Отсюда никто не выйдет живым.

Конец первого тома

Больше книг на сайте - Knigoed.net